

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Псковский государственный университет
Псковское региональное отделение Российского
общества интеллектуальной истории
Псковское региональное отделение
Восточного археологического общества

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ

Научный альманах

Выпуск 12

Псков
Псковский государственный университет
2018

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Истомин А. В.**, проректор по научной работе Псковского государственного университета (Россия);
Гарбузов В. Н., директор Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор (заместитель председателя) (Россия);
Габелко О. Л., профессор кафедры истории древнего мира Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия);
Кащенко С. Г., заведующий кафедрой источниковедения Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия);
Мухамедов Ш. Б., заместитель директора Института истории Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан);
Никитина Н. П., декан исторического факультета Псковского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (Россия);
Никонов В. П., старший научный сотрудник отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН, кандидат исторических наук, доцент (Россия);
Ольбрыхт М. Я., заведующий кафедрой древней истории и востоковедения Жешувского университета, доктор исторических наук, профессор (Польша);
Портных В. Л., заведующий Лабораторией истории Древнего мира и Средних веков Новосибирского государственного университета, доктор исторических наук (Россия);
Пьянков И. В., профессор кафедры всеобщей истории Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, доктор исторических наук, профессор (Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Дмитриев В. А.**, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (главный редактор) (Россия);
Михеев Д. В., доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, кандидат исторических наук (заместитель главного редактора) (Россия);
Чой Доккю, научный сотрудник Фонда изучения истории Северо-Восточной Азии (Республика Корея)
Ермаченко И. О., доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат исторических наук, доцент (Россия);
Колпаков М. Ю., заведующий кафедрой всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, кандидат исторических наук (Россия);
Райкова В. А., доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат исторических наук (Россия).

Альманах основан в 1997 г. Идея издания: В. Н. Гарбузов, А. В. Юрасов

Альманах индексируется в базах данных: «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ); “The European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences” (ERIH PLUS); “Database for statistikk om høgre utdanning” (DBH); “Index Copernicus Journals Master List” (IC JML); InfoBase Index (IBI).

Издатель: Псковский государственный университет (www.pskgu.ru).

Сайт альманаха: <https://sites.google.com/site/metamorphoseshistory/home>

Статьи в альманахе публикуются под лицензией Creative Commons «Атрибуция Некоммерческое использование 4.0 Всемирная» (CC BY-NC 4.0).

The Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

Pskov State University

Pskov Regional Branch of the Russian Society of
Intellectual History

Pskov Regional Branch of the
Oriental Archaeological Society

METAMORPHOSES of HISTORY

Scientific Almanac

Issue 12

Pskov
Pskov State University
2018

EDITORIAL COUNCIL:

Anatoly V. Istomin, Vice-Rector of Pskov State University (vice chairman) (Russia);
Valery N. Garbuzov, Director of Institute for US and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia);
Oleg L. Gabelko, Professor of Russian State University for the Humanities (Russia);
Sergey G. Kaschenko, Professor of Saint-Petersburg State University (Russia);
Shuhrat B. Mukhamedov, Vice-Director of Institute of History of Academy of Sciences of Uzbekistan (Uzbekistan);
Natalia P. Nikitina, Dean of Historical Faculty of Pskov State University (Russia);
Valery P. Nikonorov, Senior Researcher of Institute for History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Russia);
Marek J. Olbrycht, Professor of University of Rzeszow (Poland);
Valentin L. Portnykh, Head of the Laboratory of Ancient and Medieval History of Novosibirsk State University (Russia);
Igor V. Pyankov, Professor of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Russia).

EDITORIAL BOARD:

Vladimir A. Dmitriev, Associate Professor of Pskov State University (editor-in-chief) (Russia);
Dmitry V. Mikheev, Associate Professor of Pskov State University (managing editor) (Russia);
Choi Deokkyu, Researcher in the Northeast Asian History Foundation (Republic of Korea);
Igor O. Ermachenko, Associate Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia);
Maxim Yu. Kolpakov, Head of the Department of World History and Area Studies of Pskov State University (Russia);
Vera A. Raikova, Associate Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

The almanac was founded in 1997.

The idea of the almanac: Valery N. Garbuzov, Andrey V. Yurasov.

The almanac is indexed in databases:

“**The European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences**” (ERIH PLUS); “**Database for statistikk om høgre utdanning**” (DBH); “**Russian Index of Science Citation**” (RISC); “**Index Copernicus Journal Master List**” (IC JML); **InfoBase Index** (IBI).

Publisher: Pskov State University (www.pskgu.ru).

Almanac’s website:

<https://sites.google.com/site/metamorphoseshistoryen/home>

Papers are published under Creative Commons License
“Attribution – NonCommercial 4.0 International” (CC BY-NC 4.0).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

- Никоненко С. В.* Почему комедиограф высмеивает софиста?
Анализ комической диалектики Аристофана 7
- Акобян Р.* Попытка выявления прототипов глаголических
букв на основе сравнительного анализа с буквами
кириллицы и ближневосточных систем письма 30
- Жучков К. Б.* Новые западные исследования
об эпохе 1812 г.: традиционная антирусская мифология
в рамках историографических «новаций» 59

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

- Крахмаль К. А.* К вопросу о хронологии и периодизации
истории раннего антропогена Средней Азии 106
- Цаканян Р. А.* Армения от Хайка до Парнаваза:
миф и реальность 127
- Александрова О. И.* Афины и Эретрия
на рубеже VI-V вв. до н. э.:
к вопросу о возможном союзе 148

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

- Антонова Л. В.* О применимости термина «колония»
к Британской Индии 163
- Агаджанян С. Ш.* Отношение русских консерваторов
к армянскому «сепаратизму» в конце XIX
— начале XX вв. 177
- Хришкевич Т. Г.* Система образования объединенной
Германии в контексте региональной диспропорции
государства 188

РОССИЯ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

- Филимонов А. В.* Псковские эсперантисты
и их зарубежные связи 204

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 217

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 218

CONTENTS

INTELLECTUAL HISTORY

<i>Sergei Nikonenko. Why a Comedian Ridicules a Sophist? The Analysis of the Comic Dialectics of Aristophanes</i>	7
<i>Ruben Hakobyan. An Attempt to Reveal the Prototype of the Glagolitic Letters, Based on a Comparative Analysis with the Cyrillic Letters and the Signs of the Middle East Scripts</i>	30
<i>Konstantin Zhuchkov. New Western Researches Devoted to the Era of 1812: Traditional Anti-Russian Mythology within Historiographic "Innovations"</i>	59

ANCIENT HISTORY

<i>Konstatin Krakhmal. The Problem of the Chronology and Periodization of the History of Early Quaternary in Central Asia</i>	106
<i>Ruslan Tsakanyan. Armenia from Hayk to Pharnawaz: Myth and Reality</i>	127
<i>Olga Aleksandrova. Athens and Eretria at the Turn of the VI-V BC: to the Question of a Possible Alliance</i>	148

MODERN & CONTEMPORARY HISTORY

<i>Lidia Antonova. On the Applicability of the Term "Colony" to British Indi</i>	163
<i>Samvel Aghajanyan. The Attitude of Russian Conservative Figures towards the Armenian "Separatism" at the End of the 19th – the Beginning of the XX Centuries</i>	177
<i>Tatiana Khrishkevich. The System of Education in United Germany in the Context of the Regional Disproportion of the State</i>	188

RUSSIA IN THE WORLD HISTORY

<i>Anatoly Filimonov. Pskov Esperantists and Their Foreign Relations</i>	204
--	-----

LIST OF ABBREVIATIONS	217
------------------------------------	-----

GUIDELINES FOR AUTHORS	218
-------------------------------------	-----

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 1(091)

Никоненко С. В.

ПОЧЕМУ КОМЕДИОГРАФ ВЫСМЕИВАЕТ СОФИСТА? АНАЛИЗ КОМИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ АРИСТОФАНА

В статье решаются две теоретические задачи: 1) рассмотрение сущности комической диалектики Аристофана и ее отличий от диалектики софистов и 2) реконструкция образа софиста и софистических рассуждений в свете комической диалектики (на примере аристофановского Сократа). Делается попытка показать, что комическая диалектика строится по принципу усиления содержания исходной реплики в ответной реплике, когда противоположностью выступает не отрицание, а гипертрофированное согласие, т. е. «более смешное». Подчеркивается ведущая роль приема стихомифии в сценах комического спора. Отмечается, что Сократ выводится Аристофаном как обобщенный тип софиста и как литературный персонаж. Особое внимание в статье уделяется опровержению в комедии Аристофана приемов софистической диалектики. В результате делается вывод о том, что комическая диалектика выступает самостоятельной формой спора, которая является альтернативной по отношению к диалектике философов.

Ключевые слова: Аристофан, комедия, Сократ, диалектика, софистика.

Введение

Об Аристофане написано так много, что мы не сразу решились предложить что-то еще. Буквально каждый эпизод комедий Аристофана подробно прокомментирован. Собраны все возможные сведения о событиях и действующих лицах, упоминающихся в комедиях. Подробно проанализирован лексический строй языка комедий и особенности аттического диалекта, на котором они написаны. Тщательно реконструи-

рованы общественно-политические воззрения Аристофана: его суждения об общественной жизни Афин, о войне и мире, о богах, традициях, нравах. Также очень подробно изучены представления Аристофана о софистах и Сократе. На наш взгляд, за исключением частных и специальных областей, тут уже трудно сказать что-либо большее, что уже сказано в науке.

Мы хотим показать, что современные методы лингвистического анализа позволяют несколько шире посмотреть на форму и содержание комедий Аристофана. Основная идея статьи заключается в предположении, что Аристофан создал *совершенно иные* представления о диалектике, нежели софисты. Суть этой диалектики — которая также понимается, как форма ведения спора — заключается в особом строении *стихомифии*, когда первая «посылка» (реплика) героя *не опровергается* второй «посылкой» другого героя, а, скорее, комически *гипертрофируется в сторону выведения содержания первой посылки в комичном виде*. Как следствие, у комедиографа возникают не только идейные, но и формальные основания отвергать софистическую диалектику, что перерастает в неприятие софистики в целом.

В первом разделе статьи мы попытаемся вскрыть сущность *комической диалектики* с точки зрения лингвистического анализа. При этом заранее оговорим, что мы не беремся критиковать и, тем более, оспаривать суждения Аристофана. В витгенштейнианском духе мы берем язык его комедий в том виде, «как он есть», не задаваясь вопросом о скрытой за ним «сущности». Во втором разделе мы обратимся к анализу расхождений между Аристофаном и Сократом в понимании природы диалектики. На наш взгляд, это одна из очень веских (пусть и формальных) причин неприятия комедиографом софистов; и эта причина еще недостаточно исследована в науке¹. В заключение вводной части мы отметим, что преимущественно разбираются фрагменты комедий «Ахарняне», «Облака», «Мир» и «Лягушки». Ссылки на комедии Аристофана и античные источники приводятся с указанием фрагмента и переводчика.

¹ Об Аристофане существует немного работ, написанных филологами. В основном анализ его творчества лежит в сфере истории, филологии, литературоведения, истории театра. Представители частных гуманитарных наук не углубляются в исследование взглядов Аристофана на диалектику.

1. Анализ комической диалектики Аристофана

Комическую диалектику Аристофана мы будем рассматривать на примере диалогических сцен спора между героями в эпизодах. В отличие от комического агона, где хор излагает две относительно противоположные позиции, комическая стихомифия строится по другим принципам. Для ее понимания разберем несколько сцен из самой ранней из дошедших до нас аристофановских комедий «Ахарняне».

В одном из эпизодов главный герой земледелец Дикеополь разговаривает с варварским послом:

Посол

У варваров считаются мужчинами
Лишь те, что могут есть и пить без удержу.

*Дикеополь
(в сторону)*

У нас — развратники и толстозадые.

(Ахарняне. 70; пер. С. Апта)

Дикеополь не оспаривает суждение варвара, отвечая ему неожиданным «согласием», в котором его суждение приобретает комически преувеличенное содержание. С точки зрения философской диалектики, Дикеополь должен был привести суждение, в котором подчеркиваются существенные различия грека и варвара, позволяющие утверждать противоположность греческих и варварских ценностей. Однако комическая диалектика не сталкивает логически противоположные точки зрения; в комическом противопоставлении «противоположностью» смешной реплики выступает другая, еще более смешная реплика. Варвар считает, что человек, который чрезмерен в еде и питье, — достойный муж. Не повторяя того же самого, Дикеополь отмечает другие, но не менее тягостные пороки, свойственные афинянам. Комическое преувеличение достигается тем, что Аристофан обращается не к самим порокам, а к качествам людей, которых поработил порок. При этом, однако, «развратники и толстозадые» оказываются на первых ролях (современники видели в этом месте комедии выпад против Алкивиада). Тем самым, комический эффект достигается тем, что иное смешное «противопоставляется» исходному смешному в качестве предмета неожиданного «согласия».

Гораздо чаще, правда, участники комического спора выражают несовместимые точки зрения. При этом условии стихомифия приобретает характер характер шуточного спора, когда

главный герой не соглашается с другим героем, умышленно противопоставляя ему иное понимание ситуации, что вызывает комический эффект. Здесь на первый план выходит даже не ценностное расхождение, а стремление передразнить оппонента, произнося реплики, которые *лексически связаны* с репликами оппонента, но содержательно с ними совершенно разнятся. Типичный случай такого спора — диалоги Дикеополя с выведенным в комичном виде полководцем Ламахом. В одном месте они спорят так:

Ламах

Подай сюда мой круглый щит с Горгоною!

Дикеополь

Пирог мне круглый с сырною начинкою!

Ламах

Все люди скажут: эти шутки плоские.

Дикеополь

Все люди скажут: эти булки сладкие.

(*Ахарняне*. 1120; пер. С. Апта)

Контекст комической диалектики в этом диалоге отражает пафос всей комедии «Ахарняне» — необходимость мира и прекращения войны. В свете комедии сторонник «войны до победного конца» превращается в нелепого бретера, который помешан на военном деле и псевдо-патриотической риторике. Ламах готов рваться в поход даже тогда, когда этого не требуется. Он призывает подать ему «щит с Горгоной» (чтобы его боялись, а не только насмеялись). Дикеополь не только не боится Ламаха, но и демонстрирует нарочитое неприятие войны (ведь он заключил сепаратный мир своей семьи со Спартой). Пирог с сырной начинкой символизирует сытость, беззаботное довольство, радости и наслаждения мирной жизни. К тому же пирог круглый; он комически контрастирует с круглым щитом Ламаха. Дикеополь не призывает к отрицанию ситуации (к примеру, повесить доспехи на гвоздь). Оригинальность комического противопоставления в том, что выводится совсем иной план жизни, который контрастирует с первым. Комическое опровержение — это выведение ценностей, принятие которых ведет к осмеянию и поношению ценностей, заявленных оппонентом. Но это достигается не средствами морализаторства или проповеди, а *собственно комическим приемом*, в ходе которого позиция оппонента комически преувеличивается, от чего становится напыщенной, надуманной и жалкой. В комической диалекти-

ке нет стремления «переспорить» оппонента, как в диалектике софистической. Раздражая и передразнивая оппонента. Дикеополь, по большому счету, ничего не стремится *доказать*. Он лишь демонстрирует свои взгляды, предлагая решить вопрос о правоте хору и народу. При этом комическая диалектика имеет свои «методы», сводящиеся к сценическим приемам: опровержению, осмеянию, фарсу, гротеску, имитации и др.

Пожалуй, наиболее яркий пример комической диалектики во всем творчестве Аристофана присутствует в эксоде комедии «Ахарняне». Приведем целиком диалог Ламаха и Дикеополя:

Ламах

Ай-ай-ай-ай!

О, горе мне! Ужасные страдания!

Погибну я, копьем сраженный вражеским.

Но есть другая боль невыносимая.

Меня увидит Дикеополь раненым

И над судьбой моею посмеется.

Появляется Дикеополь с двумя девицами.

Дикеополь

Ай-ай-ай-ай!

Какие груди — славные, упругие!

Целуй, целуй меня нежнее, золотце!

Взасос целуй, прижмись покрепче губками.

Ведь это я

Первый кружку выпил.

Ламах

О жалкая судьба, о беды горькие!

Увы, увы! Как болят раны!

Дикеополь

Эге, эге! Здорово, друг Ламашечка.

Ламах

Как несчастен я!

Дикеополь

(девице)

Поцелуй меня!

Ламах

Как ужасно мне!

Дикеополь

(другой девице)

Укуси меня!

Ламах
Мы проиграли свалку рукопашную.
Дикеополь
Напившись, учинили свалку страшную?
Ламах
Увы, целитель Аполлон!
Дикеополь
Да нет, не Аполлона праздник празднуем!
Ламах
Скорей, скорей меня схватите за ногу
И держите, прошу!
Дикеополь
Меня вдвоем за эти принадлежности
Подержите, прошу!
Ламах
Кружится голова от сотрясения.
Я словно в бреду.
Дикеополь
С девицей лечь хочу. От возбуждения
С ума я сойду.
Ламах
Меня к врачу вы отнесите, к Питгалу,
Несите осторожно.
Дикеополь
Меня несите к заправилам пиршеств
И мех мне передайте.
Ламах
Ужасно! Острие копья мои пронзило кости.
Дикеополь
Смотрите! Выпил я до дна. Так славьте же победу!
Хор
Ну что ж, согласны мы, старик, твою победу славим.
Дикеополь
Я не мешал вина с водой, к тому же выпил залпом.
Хор
Хвала тебе, достойный муж! Возьми же мех в награду.
Дикеополь
А вы идите все за мной и пойте: слава, слава!
(Ахарняне. 1190–1230; пер. С. Апта)

Выражаясь терминологией современной философии языка, комическая диалектика никогда не свободна от *перформативности*. Каждая реплика — это одновременно и действие, побуждение, намерение, призыв. Сетованиям раненого Ламаха (получившего, к тому же, рану по собственной неосторожности, вовсе не в бою) Дикеополь противопоставляет удовольствия от пира и Эроса.

Обратим внимание на то, что в комической стихомифии первым на сцену всегда выступает актер, которого будут опровергать и высмеивать. Дикеополь получает преимущество «второго хода»; он может отвечать на то, что уже высказал его «оппонент». Отметим, что аристофановский прием оправдан и с формальной точки зрения: в комической диалектике именно главный герой должен своими репликами располагать к себе зрителя (что неотделимо и от такого важного психологического фактора, как чувства симпатии зрителей к главному герою, готовности разделить его ценности).

Ламах сетует, что он ранен и немощен. Уже само по себе смешно, что Ламах переживает из-за страха показаться таким на глаза Дикеополю. Однако Дикеополь, на первый взгляд, занят совсем другим, предаваясь эротическим усладам с двумя девицами². Сама по себе картина совершенно иного времяпровождения Дикеополя говорит за себя гораздо лучше любой реплики. Однако у Аристофана приемы мимики и пантомимы, на наш взгляд, вторичны по отношению к лингвистическому воздействию от реплик актера; поэтому все действия обязательно «проговариваются» участниками этих действий.

Начинается «пикирование» короткими репликами, в которых хор и публика убеждаются в правоте Дикеополя. При этом, еще раз подчеркнем, Дикеополь *прямо не опровергает* суждения Ламаха, оперируя утверждениями, которые пропагандируют иные ценности и, вместе с тем, высмеивают оппонента. Так, Ламах говорит: «Как несчастен я!» Дикеополь пикирует: «Поцелуй меня», обращаясь при этом даже не к Ламаху, а к девице. На первый взгляд, может показаться, что Дикеополь совершенно не замечает Ламаха. Однако это не так. Комическая диалектика строится по принципам наглядного, а не *теоретического* опровержения. Дикеополь не стремится подстроиться под оппонента или отрицать его точку зрения;

² Речь идет о флейтистках.

он именно *высмеивает* оппонента, демонстративно показывая иные ценности и иное отношение к происходящему.

При этом следует заметить, что присутствует очевидная *косвенная* связь реплик героев на лексическом уровне. Ламах говорит: «Мы проиграли свалку *рукопашную* [далее в репликах курсив мой. — С. Н.]». Дикеополь вторит: «Напившись, учинили свалку *страшную?*» (превращая схватку в пьяную потасовку). Ламах говорит: «Кружится голова от *сотрясения*. Я словно *в бреду*». Дикеополь отвечает: «С девицей лечь хочу. От *возбуждения с ума я сойду*». Здесь Дикеополь противопоставляет страданию полнокровное удовольствие. Страдание от боли Ламаха столь же естественно, как и удовольствие распаленного Дикеополя. Сами по себе эти реплики не несут в себе ничего комического. Но в том-то и дело, что лишь в комической диалектике, следуя друг за другом, эти парные фразы указывают на два радикально различных образа жизни. Гипертрофируя эротическое удовольствие, Дикеополь «опровергает» показные страдания, что основывается на вполне естественной склонности предпочесть удовольствие страданию, сытость голоду, страсть воздержанию и т. д. Подчеркнутый гедонизм Дикеополя, по своей сути, не содержит в себе ничего неестественного, не свойственного человеку. Наоборот, в контексте дионисических празднеств пафос Дикеополя совершенно уместен, конгениален умонастроению собравшейся публики (которая в древней аттической комедии через партии хора рассматривалась как «участник», а не «зритель» действия). Ламах просит: «Меня *к врачу вы отнесите*, к Питталу». Дикеополь на это отвечает: «Меня *несите к заправилам пиришествва*».

Комическую диалектику, на наш взгляд, следует понимать *исключительно в комическом контексте*, не пытаясь вывести ее за пределы мира театра (хотя это также не лишено оснований). Сцены стихомифии ведь не только опровергают и высмеивают плутов, ханжей, политиканов, демагогов, болтунов, трусов, развратников и т. п.; эти сцены базируются на определенных ценностях и идеалах «комоса», которые комедиограф устами героя пропагандирует с орхестры.

Комедия по своему происхождению неотделима от *комоса* — импровизированных празднеств и процессий в честь Диониса, которые зародились в сельской местности. Аристотель так трактует возникновение комедии: «Как и комедия,

возникнув первоначально из импровизаций: трагедия — от запева дифирамба, комедия — от запева фаллических песен, какие и теперь еще в обычае во многих городах» (Аристотель. *Поэтика*. 1449a; пер. М. Л. Гаспарова). Фаллические песни были особенно близки мировоззрению земледельцев, для которых такие явления, как плодородие, чадородие, приплод скота, сбор урожая были не просто ценностями, но и условиями безбедного существования. В Древней комедии очевидна связь главного героя с древними культами и процессиями. К примеру, Дикеополь прямо на улицах Афин устраивает импровизированную фаллическую процессию. Целый ряд комедий (например, «Мир») в эклоге перерастают в театрализованный пир, с непременным участием Гермеса или другого бога.

В комедии «Мир» Аристофан в виде оды пропагандирует здоровые и естественные радости жизни, воплощенные в облике главных комических героев:

Хорошо, хорошо!
Шлемов больше не видеть!
Лука нет, и сыра нет!
Не любитель я войны.
Лучше вечер зимний
С тем, кто мил, с тем, кто друг и сосед,
Проводить у огня, наколов
Жарких и сухих дровец,
Что сушились лето все,
Греть у угольков орешки,
И поджаривать каштаны,
И служанку целовать,
Если дома нет жены.

(*Мир*. 1130; пер. С. Апта)

Комический герой — не софист, не политик и не пророк. Это обычный представитель демоса, который питает отвращение к любому отвлеченному морализаторству и не особо слушает нравоучения. Возможно, строгий подборник морали усмотрит в вышеприведенной оде нечто безнравственное (например, обывательщину, измену жене и т. п.). Комический герой и подавляющее большинство зрителей в театре не видели в таких ценностях ничего зазорного. Наоборот, комический герой должен воплощать такие идеалы в несколько преувеличенном виде, будучи всегда готов предаться веселью, пирам,

удовольствиям (при этом похвальба, нелепые смешные сцены и сальные реплики лишь приветствуются). Авторитет главного героя в комедиях Аристофана держится на том, что комический герой «угоден богам»: Дионису, Эроту, Гермесу и др.³ В своей речи в платоновском «Пире» Аристофан произносит: «Мы должны славить Эрота: мало того, что Эрот и теперь приносит величайшую пользу, направляя нас к тому, кто близок нам и сродни, он сулит нам, если только мы будем чтить богов, прекрасное будущее, ибо сделает нас тогда счастливыми и блаженными, исцелив и вернув нас к нашей изначальной природе» (Платон. *Пир.* 193d; пер. С. К. Апта). Хотелось бы обратить внимание на слова «счастливыми и блаженными». Здесь, конечно, имеется в виду религиозное понимание «блаженства» как совершения поступков, угодных богам (в данном контексте Эроту). С позиции богоугодного блаженства и выступает комический герой. Комический герой оказывается вовсе не только смешным старикашкой; он причастен мудрым сатирам, когда, как гласит одна из эпиграмм Лукиан, «глупостью людям порой кажется мудрость сама» (Лукиан. *Эпиграммы.* 1; пер. Н. П. Баранова). Или, если обратить внимание на суждение М. Н. Чернявского, «здесь серьезное порождает смешное, а смешное заставляет зрителя серьезно задуматься»⁴.

Мы хотим обратить внимание на то, что следует понимать персонажей Аристофана в духе древней комедии: Дикеполь, Мнесилох, Колбасник, Стрепсиад, Хремет, Лисистрата и другие главные герои — не только носители идеи «смешного», но и воплощение идеи *комоса*. В суть такого понимания комедии глубоко проник Ф. Ницше, который пишет: «Таким образом, возникает эта фантастическая и представляющаяся столь странной и предосудительной фигура мудрого и вдох-

³ Следует заметить, что комедиограф относительно редко выводит богов как действующих лиц; у него мы встречаем лишь Гермеса, Диониса и Плутоса. Хор в комедии часто вещает от имени богов, ссылаясь на их волю. Гермес в «Мире» представлен как властный солидный муж, выступающий зачинателем большого пира. Как все происходящее в комедии угодно богам, так и *боги соучаствуют людям*, даруя им блага жизни. При этом боги, конечно, остаются богами, не теряя величия и не смешиваясь с толпой, не превращаясь в театральные богов с человеческими страстями.

⁴ Чернявский М. Н. Комедия Аристофана и античные теории смеха // Аристофан. Сборник статей. М., 1956. С. 85.

новенного сатира, который в противоположность богу есть в то же время “простец” — отображение природы и ее сильнейших порывов, даже символ ее и вместе с тем провозвестник ее мудрости и искусства: музыкант, поэт, плясун и духовидец в *одном лице*»⁵.

Трагедия и комедия имеют общий источник — празднества в честь Диониса, т. е. выражают *мифологическую* основу, общность с религиозным культом, что придает особую жизненность, народность, связь с традицией. В аттическом театре (если говорить о комедии) на первый план выводится нахождение в особом состоянии всенародного чествования Диониса и, тем самым, соприсутствия богам. Комос сопровождается ярко выраженным состоянием *приподнятости*. Эту категорию, которая стоит в средоточии древней комедии, мы понимаем как воплощение высшей жизнерадостности. Приподнятость не является ни духовным энтузиазмом, ни чисто эмоциональным и сексуальным возбуждением. Приподнятость в комедии была бы низменной, если бы не сублимировалась в особую ритуальную практику служения Дионису и в символическую полноту идеи жизнелюбия. Приподнятость и жизнелюбие делают аттическую комедию независимой от исключительности идеи «смешного». Веселость героя аристофановской комедии — это не только стремление насмешить публику остротами или смешными выходками. Будучи простыми людьми, комические герои приближены к особой дионисической мудрости, превращаясь на сцене в *мудрых сатиров*, служителей богов. Комический фаллизм — это возведенный в предмет искусства культ полноты жизни, ее вечного обновления, апофеоз веселости и приподнятости, в котором боги, сатиры и люди находятся в совершенном единодушии. Непристойные шутки земледельца на комической сцене преследуют целью создание веселья и радостного возбуждения: они не только смешны, но и связаны с культом, повышением жизнерадостности, воспеванием плодородия.

Мы вполне согласны с В. Н. Ярхо, который понимает комическую диалектику в виде сценического противоборства правильного и неправильного образов жизни. Согласно Ярхо, Аристофан постоянно применяет прием «комического

⁵ Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 87.

контрастирования “высокого” и “низменного”»⁶. При этом носители низменных представлений приводят отвлеченную аргументацию (софистическую, демагогическую и т. п.), тогда как представители «высокого» (конечно, в комическом смысле) выступают воплощением богоугодной правды, которая полезна и в нравственном, и в социальном отношениях. Известный исследователь творчества Аристофана С. И. Соболевский пишет: «Аристофан становится на точку зрения простого афинянина, считающего счастьем человека удовольствия очень низменного свойства: вкусную еду, питье до пьянства, эротические наслаждения»⁷. Подобное суждение ученый выносит не без доли уничижительного отношения к взглядам Аристофана. На наш взгляд, то, что утверждает об Аристофане Соболевский, вполне верно передает пафос, воплощенный в главном герое и являющийся основанием его правоты. Действительно, Дикеополь или Стрепсиад любят удовольствия. Аристофан в виде оппонентов в комических спорах зачастую выводит героев, которые прикрывают свое неприятие естественных проявлений человеческой природы разными доводами: софистическими опровержениями, демагогическими призывами, отвлеченным морализаторством и т. д. На их фоне комический герой — рядовой веселый и жизнерадостный гражданин — на самом деле оказывается «героем» в смысле следования правильным установлениям богов и предков. Гегель усматривает в комическом герое персонажа, который не только победил в комическом споре, но и возвысился над тем жизненным противоречием, которое в этом споре выведено. «Комическому же, напротив, свойственна бесконечная благожелательность и уверенность в своем безусловном возвышении над собственным противоречием, а не печальное и горестное его переживание», — отмечает Гегель⁸.

Таким образом, еще раз сделаем вывод, что в сценах комических споров воплощается особая комическая диалектика, в рамках которой герой стремится опровергнуть ложную точку зрения путем произнесения созвучных реплик, осмеивающих оппонента путем гротескного преувеличения и намеренного противопоставления противоположных ценностей. Значи-

⁶ Ярхо В. Аристофан. М., 1954. С. 94.

⁷ Соболевский С. И. Аристофан и его время. М., 1957. С. 260.

⁸ Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 3. М., 1971. С. 579.

тельную роль тут играют собственно языковые, лексические, литературные средства. Слово является не менее опасным оружием в комической агональной практике, нежели действие.

2. Образ софиста

в свете комической диалектики Аристофана

В ходе нашего разбора комической диалектики становится очевидным, что главный комический герой (устаами которого Аристофан зачастую озвучивает собственные взгляды) должен неизбежно столкнуться и вступить в непримиримое противоречие с *софистом* — человеком, который много мыслит, пропагандирует отвлеченные воззрения и ведет необычный образ жизни. Во второй части статьи мы будем вести речь не столько об образе софиста, сколько попытаемся сопоставить приемы комической диалектики и диалектики софистической. При этом заранее оговорим, что мы, чтобы не удалиться от темы, будем придерживаться той точки зрения, что комический Сократ воплощает в себе созданный Аристофаном обобщенный тип «мудрствующего» софиста.

В «Облаках» Стрепсиад и его сын Фидиппид так рассуждают о софистах:

Стрепсиад

Мыслильня это для умов возвышенных.
Здесь обитают мудрецы. Послушать их,
Так небо — это просто печь железная,
А люди — это словно в печке угляя.
И тех, кто денег даст им, пред судом они
Обучат кривду делать речью правою.

Фидиппид

Но кто ж они?

Стрепсиад

Не знаю точно имени, —
Мудрило-заводилы, благородные.

Фидиппид

А, знаю, знаю, как же: босоногие,
Бахвалы, негодяи бледнорожие,
Сократ несчастный, Хэрефонт помешанный.

(Облака. 90–105; пер. С. К. Апта)⁹

⁹ Приводим другой, более точный перевод строфы 100–105, выполненный Р. В. Светловым: *Стрепсиад*: «Имен не знаю в точности — усерднодуматели, прекрасные да благие». *Фидиппид*: «Ой-ой-ой, да я знаю

В «Облаках» присутствуют не только комические споры между Стрепсиадом и Сократом, но также пародирование диалектических споров софистов (протекающих в агоне Правды и Кривды, между Стрепсиадом и наслушавшимся Сократа Фидипшидом).

Обратимся к анализу фрагмента. Аристофан представляет софистов как шарлатанов, сидящих в «мыслильне» и ведущих отвлеченные и фантастические рассуждения о космосе. При этом софисты рисуются как трезвые и практичные люди, которые подвизаются в судах, обращая диалектику на пользу того, кто им щедро заплатит. Вполне естественно, что внешность таких людей соответствует их моральному облику: это оборванцы, уморившие напоказ свою плоть и прикрывающие показным смирением свой нрав мошенников, ханжей и праздных болтунов.

Стрепсиад сдержан в своей оценке софистов, которые в его представлении — люди мыслящие и благородные; правда, они похожи на сумасшедших из-за неумных размышлений. Фидипшид комически противоречит отцу. Его реплика предполагает «несогласие», которое, на самом деле, оказывается усилением первой реплики, уточнением ее комического смысла. Можно допустить, что Фидипшид, называя софистов бледными и помешанными мошенниками, позволяет себе высказать то же, что и Стрепсиад, только в более откровенной и выразительной форме. В любом случае, комическое противоречие, как мы уже попытались показать, возможно лишь тогда, когда реплики помещены в целостный лексический контекст, построенный по принципу комического усиления содержания первой реплики в ответной реплике.

Причины, которые вызвали провал «Облаков» на состязании, могут быть различными. Высказываются разные точки зрения. На наш взгляд, комедия была признана не очень удачной по той причине, что Аристофан излишне много внимания уделяет пародированию софистической диалектики в ущерб собственно комическим сценам (хотя эти сцены исполнены комедиографом гениально). Вот Стрепсиад, оза-

их — никуда не годные мошенники бледные да необуخته — вот о ком ты говоришь: злополучные Сократ и Херефонте» (*Светлов Р. В.* Легко ли (было) быть «сократиком»? Пристрастный взгляд комедии на Херефонте из Сфетта // Платоновские исследования. 2017. № 7. С. 89).

боченный тем, как бы избавиться от долгов и понимающий науки исключительно на практический лад. Вот Фидиппид, в ком угадываются черты Алкивиада и других праздных молодых аристократов, стекающихся к Сократу¹⁰. Вот Сократ с его суждениями безумного чудака, придумавшего странную мифологию и молитвы облакам. Вот агон Правды и Кривды, в результате которого (что совершенно необходимо на комической сцене) Кривда побеждает. Однако столь выдающаяся комедия провалилась именно как *комедия*. Насколько уместны для комедии чудаковатые, мрачные, погруженные в себя софисты, к тому же неприглядно выглядящие?¹¹ Приятно ли, весело ли зрителю смотреть на персонажа наподобие Херэфонта? Или персонажа, который, по словам Гермеса в «Зевсе трагическом» Лукиана, выглядит «бледным»:

О чем, о Зевс, задумчиво бормочешь ты?

Разгуливаешь бледен, как философы.

(Лукиан. *Зевс трагический*. 1; пер. С. Радлова).

Чем является софистическая диалектика в понимании Аристофана? Можно предположить, что он понимает диалектику как метод вполне адекватно. В. В. Головня так пишет о софистах: «При помощи искусно подобранных аргументов некоторые софисты брались доказывать в одно и то же время прямо противоречащие друг другу положения»¹². Скорее всего, Аристофан именно так понимал диалектику. При этом он был достаточно сведущим, чтобы компетентно судить и быть способным отделить диалектику как метод познания от диалектики как приземленного орудия ведения спора. Аристофан сам применяет диалектические рассуждения в своей речи в диалоге «Пир», а также охотно слушает диалектические рассуждения Сократа о возможности для одного автора писать трагедии и комедии (правда при этом он засыпает). Насколько мы можем судить, теоретическая осведомленность в диалектике как науке не мешала Аристофану сохранять по отношению к ней недоверие и даже подозрительность — как к опасному искусству, способному подрывать божественные

¹⁰ Фидиппид увлечен разведением лошадей, чем увлекался и Алкивиад. Алкивиад учился у Сократа (правда, бессистемно) и выводится как персонаж платоновских диалогов «Алкивиад», «Пир» и др.

¹¹ Внешность Сократа сравнивалась с обликом Силена.

¹² Головня В. В. Аристофан. М., 1955. С. 119.

установления, традиционные устои общества и морали. В этом случае софист из мудреца превращается в человека вредного и опасного. Как полагает В. Ярхо, Аристофан выразил умонастроения значительной части афинского общества, выведя Сократа в неприглядном виде. «Сократ считался очень искусным мастером софистических рассуждений даже в среде самих софистов, которые нередко упрекали его в том, что он всегда “в рассуждениях сбивает с толку” и как будто плутует»¹³.

Таким образом, в «Облаках» поднимается вопрос не о самой диалектике, а о вредных последствиях, которые возникают от злоупотреблений диалектикой в своих целях. И даже если софист не плутует и не продает свои услуги в судах, то он – человек, враждебный устоям общества, выпадающий из социума, сеющий опасные смуты, а порой просто помешанный и безумец. «Аристофан не ограничился карикатурным портретным изображением Сократа, а создал собирательный тип лжемудреца, шарлатана и наставника в пороках», – отмечает В. Ярхо¹⁴.

Мы согласны с Р. В. Светловым, который отмечает, что Сократ, его ученики и другие софисты далеко не всегда, в представлении афинян того времени, выступали теми благородными искателями истины и возвышенными мудрецами, какими мы их представляем на основе книг по древнегреческой философии. Их представляли паразитами, чудаками, мошенниками, святошами, ханжами, лицемерами и в других видах¹⁵. С. И. Соболевский подмечает: «Большая часть афинян того времени, в том числе и Аристофан, смотрели на Сократа другими глазами, чем мы, признавали его вредным человеком и считали одним из софистов»¹⁶. Были ли афиняне правы или заблуждались – это вторичный вопрос для Аристофана, который выступил в «Облаках» как провозвестник «гласа народа». К тому же, в рамках комедии не ставилась задача дать верный портрет Сократа и создать «правдивый» образ софиста; в комедии на первый план выходит образ сатирический, обобщенный, переработанный для сценического представления и вообще для представления в комическом жанре.

¹³ Ярхо В. Аристофан. С. 89.

¹⁴ Ярхо В. Н. Комедии Аристофана // Аристофан. Комедии. В 2 т. Т. 1. С. 17.

¹⁵ Подробнее об образе учеников Сократа см.: Светлов Р. В. Указ. соч.

¹⁶ Соболевский С. И. Указ. соч. С. 147.

Комический Сократ остается мастером диалектики, которым был Сократ исторический. Пародируется лишь манера Сократа. Также цели Сократа выводятся не в благородном и возвышенном, а в постыдном и низменном виде. Как полагает Г. Гусейнов: «В доставшемся нам тексте “Облаков” Сократ, между прочим, успешно справляется с просьбой Стрепсиада сделать его записным говоруном, способным отбиться языком, или, как сказал бы сам Стрепсиад, “оттрепаться” от любого кредитора»¹⁷. Такой Сократ вполне соответствует образу комического героя, выведенного Аристотелем в *Поэтике*. «Комедия же, как сказано, есть подражание [людям] худшим, хотя и не во всей их подлости... Смешное есть некоторая ошибка и уродство, но безболезненное и безвредное», — пишет Аристотель (Аристотель. *Поэтика*. 1449с; пер. М. Л. Гаспарова). На наш взгляд, Аристофан никак не отступил от чистоты комического жанра, поскольку *комический Сократ* — как герой комического произведения, выражающийся комическим языком — не должен походить на реального Сократа. Выведя Сократа на сцене странным, бледным и безобидным чудачком, Аристофан, в сущности, никак не осмеивает своего героя, предоставляя это сделать другим героям и зрителям. Эту особенность комического образа у Аристофана подметил Гегель, который пишет: «Комические персонажи были осмеяны только зрителями или же и друг другом. Аристофан, подлинный комедиограф, сделал основой своего изображения только этот последний принцип. Но уже в новой комедии греков и позднее у Плавта и Теренция формируется противоположное направление, которое затем получает столь всеобъемлющее значение в современной комедии, что целая масса комических созданий благодаря этому в большей или меньшей степени обращается к чисто прозаическому комизму и даже к чему-то резкому и отвратительному»¹⁸.

Аристофан оставляет за пределами комедии вопрос о том, насколько вреден софист и, тем более, насколько он достоин осуждения. Софист Аристофана — это *персонаж комедии*. Поэтому не стоит экстраполировать суждения Аристофана за пределы *сценического пространства и комического языка*

¹⁷ Гусейнов Г. Аристофан. М., 1988. С. 101. Отметим, что Лукиан вслед за Аристофаном подчеркивает «бледность» философов.

¹⁸ Гегель Г. В. Ф. Эстетика в 4 т. Т. 3. М., 1971. С. 612.

(что, на наш взгляд, ошибочно пытаются сделать некоторые исследователи). Мы не хотим этим сказать, что комедия «Облака» лишена общественно-политического или назидательного смысла или что она не может быть источником, передающим подлинную реальность облика и деятельности софистов. Мы просто хотим обратить внимание на то, что Сократ в «Облаках» может пониматься только как герой художественного произведения и, в частности, как герой комический, помещенный в произведение определенного жанра и поэтому выражающийся определенным языком. В контексте комедии софистическая диалектика не только пародируется, но и обращается в вид *диалектики комической* (которой, конечно, в действительности она не была). Рассуждение героя Аристофана о том, как Сократ решает «ученую проблему» происхождения комариного писка, или сплетня ученика, рассказывающего о том, как Сократ засмотрелся с открытым ртом на небо (в это момент в его рот «наклала ящерка») — это комические приемы, которые, на наш взгляд, преследуют создание исключительно комичного образа философа.

В контексте наших рассуждений ложным и нелепым выглядит стремление некоторых строгих моралистов осудить Аристофана, усмотреть в его комедии грубый фарс. К примеру, так судит авторитетный французский критик XVII в. Буало. Приведем выдержку из его поэмы «Поэтическое искусство»:

Была Комедия с ее веселым смехом
В Афинах рождена Трагедии успехом.
В ней грек язвительный, шутник и зубоскал,
Врагов насмешками, как стрелами, сражал.
Умело наносить бесстыдное злоречье
И чести и уму тяжелые увечья.
Прославленный поэт снискал себе почет,
Черня достоинства потоком злых острот;
Он в «Облаках» своих изобразил Сократа,
И гикала толпа, слепа и бесновата.
(Буало. *Поэтическое искусство*. З; пер. А. Л. Линецкой)

В откровенно несправедливой оценке Буало, тем не менее, присутствует доля истины в суждении: «Врагов насмешками, как стрелами сражал». В комическом «отрицании» Аристофан пользуется гиперболами, аллитерациями, эмфазами, обценной лексикой и прочими приемами, способными вы-

ставить софиста в смешном и неприглядном виде. Буало упрекает Аристофана в том, что тот грубо оболгал и переименовал Сократа. Но понимал ли древний философ природу комедии?

Мы располагаем, по крайней мере, двумя фрагментами Платона, которые свидетельствуют о том, что если философ и понимает природу комедии, то делает это по-своему. В заключительной сцене диалога «Пир» Сократ проводит точку зрения, что один и тот же автор способен написать и трагедию, и комедию. В условиях Древнего театра подобная точка зрения выглядит совершенно фантастической (что не исключает определенной проницательности платоновского Сократа, который наметил учение Аристотеля об общности трагедии и комедии в идее *драмы*). В другом месте платоновский Сократ утверждает, что и на комедии зритель должен грустить. Приведем этот фрагмент:

Сократ: А разве тебе неизвестно, что и в комедиях наше душевное настроение — также не что иное, как смесь печали и удовольствия?

Протарх: Не вполне понимаю

(Платон. *Филеб.* 48а; пер. Н. В. Самсонова)

Обратим внимание на реакцию Протарха. Он крайне удивлен доводу Сократа. Предположим, что Протарх выражает точку зрения рядового древнего грека: он хочет придти на комедию, чтобы посмеяться, получить удовольствие, послушать Дионису и т. д., но никак не обрести печаль. Вопрос о комическом взгляде на трагедию и трагическую поэзию лежит за пределами темы настоящей статьи; но, исходя из фрагментов комедий Аристофана, в которых выведен Еврипид, можно утверждать, что мрачный пафос, затворничество, мизантропия, холодное высокомерие и прочие качества трагического поэта либо неуместны в комедии, либо могут быть предметом осмеяния.

Таким образом, мы придерживаемся точки зрения, что софист и, в частности, Сократ выведен на комическую сцену не в натуральном, а в *комическом* виде, т. е. как литературный персонаж, далеко не всегда имеющий полное сходство с оригиналом. По этому поводу Шеллинг пишет: «Сократ для Аристофана есть *имя*, и он мстит этому *имени*, несомненно, потому, что Сократ был известен как друг Еврипида, которого Аристофан справедливо преследовал. Сократу как определенному лицу Аристофан ни в коем случае не мстил. То, что

он изображает, есть символический Сократ. Произведение Аристофана поэтично именно тем, что ему ставится в упрек, т. е. что он изобразил Сократа в таком искаженном виде и приписал ему такие черты и действия, которые совершенно не вяжутся с его характером, — иначе это произведение было бы только пошлым и грубым и стало бы пасквилом»¹⁹.

Пути искусства и философии в представлении Аристофана различны. Комический поэт — это служитель Муз и Диониса. Он не рассуждает, не «мудрствует» и, в конечном счете, не высказывает суждений. В комедии Аристофана герои не произносят сентенций, но, без всякого морализаторства и ханжества, торжествует здоровый семейный культ: мужья возвращаются к женам, развратники посрамлены, воцаряется радость и довольство. Комедия «Мир» заканчивается апофеозом в виде грандиозного брачного пира, в котором принимают участие боги. Пропагандируется *поэтический культ здоровой естественности*, стремления к наслаждению, удовольствию, радости.

Подобную мировоззренческую «программу» Аристофан выражает в комедии «Лягушки», в которой Сократ только упоминается:

Хорошо, кто не с Сократом
Вместе занят болтовней,
Позабыв про долг высокий,
Изменив искусству, Музам
И трагедии самой!
А в словах высокопарных,
В болтовне пустопорожней
Время праздно убивать —
Признак явного безумья.
(Аристофан. *Лягушки*. 1490; пер. Ю. Шульца)

Софистика в комической интерпретации оказывается праздной болтовней, высокопарными словесами и пустым времяпровождением. Комедия же²⁰ порождена поэтическим вдохновением, идущим от Муз (понимаемым, как «одержимость» Музами). Комическое вдохновение также угодно Дионису, Эроту, Гермесу и прочим богам. В «Рождении трагедии

¹⁹ Шеллинг Ф. Философия искусства. СПб., 1996. С. 422.

²⁰ В приведенном фрагменте речь идет и о трагедии, поскольку партия хора в эклоге комедии затрагивает контекст произведения, в котором в качестве действующих лиц выведены Эсхил и Еврипид.

из духа музыки» Ф. Ницше выводит трагедию и комедию как жанры, противоположные по духу философии. Он отмечает: «Здесь мы имеем новую дилемму: дионисическое и сократическое начала»²¹.

В условиях культурной жизни Афин второй половины V в. до н. э. пути комедии и софистики резко расходятся. Комедиограф и софист вступают в антагонизм, вплоть до полного неприятия друг друга. Идейная борьба не затухает и после смерти Аристофана и Сократа; Платон в «Государстве» приходит к необходимости запрещения театра, резко негативно высказываясь о комических представлениях. Да и сама комедия начинает постепенно угасать, превращаясь из составляющей религиозного праздника и выразительницы общественного мнения в чисто развлекательное представление с элементами любовной интриги, мелодрамы, пантомимы, лишенной злободневности сатиры.

В этой статье мы попытались более пристально взглянуть на комическую диалектику, вскрыв ее сущность, строение, приемы и способы воздействия, а также отметив непохожесть этой диалектики на диалектику Сократа и софистов. Уже вскоре после смерти Сократ стал символом философии, искания истины и нравственного идеала. Философы также сделали все возможное, чтобы доказать несправедливость суждений и оценок Аристофана о Сократе. Однако они нас не убеждают. Читая «Ахарняне», «Облака», «Мир», «Лягушки» и другие комедии, мы отчетливо видим, что диалектика философов была не единственной формой ведения спора. Существует *комическая диалектика*, против которой бессилён даже мудреннейший Сократ.

Источники

Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. М., 1983.

Аристофан. Комедии. В 2 т. М., 1954.

Лукиан. Избранное. М., 1987.

Платон. Пир // Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 2. М., 1970.

Платон. Филеб // Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971.

Платон. Государство // Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971.

²¹ Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 102.

Литература

- Буало. Поэтическое искусство. М., 1957.
- Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 3. М., 1971.
- Головня В. В. Аристофан. М., 1955.
- Гусейнов Г. Аристофан. М., 1988.
- Никоненко С. В. Совместимы ли трагедия и комедия? (Комментарий к заключительному фрагменту диалога «Пир») // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Т. 2. Философия. 2015. № 2. С. 297–306.
- Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 57–157.
- Светлов Р. В. Легко ли (было) быть «сократиком»? Пристрастный взгляд комедии на Херефонта из Сфетта // Платоновские исследования. 2017. № 7. С. 84–96.
- Соболевский С. И. Аристофан и его время. М., 1957.
- Чернявский М. Н. Комедия Аристофана и античные теории смеха // Аристофан. Сборник статей / Отв. ред. Н. Ф. Дератани. М., 1956. С. 81–108.
- Шеллинг Ф. Философия искусства. СПб., 1996.
- Ярхо В. Аристофан. М., 1954.

Никоненко Сергей Витальевич, профессор кафедры онтологии и теории познания, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); эл. почта: serg_nikonenko@rambler.ru.

Why a Comedian Ridicules a Sophist? The Analysis of the Comic Dialectics of Aristophanes

The matter of the article is to prove two main points: 1. Essence of Aristophanes' comic dialectics is contrary to the sophistic dialectics. It is *sticomitia* that becomes the main technique of comic dialectics. The second reply in the comic dispute is not the negation of the first reply. Its sense is the comic emphatic strength; 2. Socrates is an example of a sophist that is taken in a general way. The refutation of sophistic dialectics in *The Clouds* and other comedies is studied here.

Comic dialectics is studied by the analysis of the disputes of Dicaeopolis and Lamachus (*The Achanians*) and Strepsiades and Socrates (*The Clouds*). From the formal point of view, the main hero answers the replies of his opponent in the manner of hyperbolic disagreeing. The example is: "Lamachus: Carry me to the doctor / Dicaeopolis: Carry me to the feast chiefs". So the comic "negation" means making the first proposition not contrary in its sense to the first but a "more emphatic" one.

Comic contradiction is not putting “yes” instead of “no”. It is a method of satire and ridiculing.

Aristophanes’ Socrates is not a real man but a literary hero. The author thinks that it is impossible to extrapolate the Socrates in *The Clouds* outside the context of the comedy. Socrates is the general manifestation of the sophist. Socrates’ dialectics transforms into the comic dialectics in *The Clouds*. It is the great methodological discrepancy between sophistic dialectics and comic dialectics. It is hardly possible for Aristophanes’ hero to communicate with a sophist.

Key words: Aristophanes, comedy, Socrates, dialectics, sophistic.

Sergei Nikonenko, Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); e-mail: serg_nikonenko@rambler.ru.

References

- Aristotel’*. Poetika // *Aristotel’*. Sochinenia v 2 t. T. 4. M., 1983.
Aristofan. Komedii v 2 t. M., 1954.
Lukian. Izbrannoye. M., 1987.
Platon. Pir // *Platon*. Sochinenia v 3 t. T. 2. M., 1970.
Platon. Fileb // *Platon*. Sochinenia v 3 t. T. 3. Ch. 1. M., 1971.
Platon. Gosudarstvo // *Platon*. Sochinenia v 3 t. T. 3. Ch. 1. M., 1971.
Bualo. Poeticheskoye iskusstvo. M., 1957.
Gegel’ G. V. F. Estetika v 4 t. T. 3. M., 1971.
Golovnya V. V. Aristofan. M., 1955.
Guseinov G. Aristofan. M., 1988.
Nitzshe F. Rozhdeniye tragedii iz dukha muziki // *Nitzshe F.* Sochinenia v 2 t. T. 1. M., 1988. S. 57–157.
Svetlov R. V. Legko li byit’ “sokratikom”? Pristrastnyi vzglyad komedii na Herefonta iz Sfetta // *Platonovskiy issledovaniya*. 2017. № 7. S. 84–96.
Sobolevskiy S. I. Aristofan i ego vremya. M., 1957.
Chernyavskiy M. N. Komedia Aristofana i antichnye teorii smekha // *Aristofan*. Sbornik statei / Otv. red. N. F. Deratani. M., 1956. S. 81–108.
Shelling F. Filosofiya iskusstva. SPb., 1996.
Yarkho V. Aristofan. M., 1954.

Акобян Р.

ПОПЫТКА ВЫЯВЛЕНИЯ ПРОТОТИПОВ ГЛАГОЛИЧЕСКИХ БУКВ НА ОСНОВЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА С БУКВАМИ КИРИЛЛИЦЫ И БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ СИСТЕМ ПИСЬМА

На основе сравнительного каллиграфического (грамматологического) анализа показано, что большинство глаголических графем является результатом графического упорядочения (регуляризации, монументализации) скорописных, курсивных форм письменных знаков, близких классическим кириллическим, и, следовательно, глаголица графически вторична по отношению к кириллице.

Ключевые слова: алфавит, глаголица, кириллица, каллиграфия, грамматология, дукты, передача информации, знаковая система, скоропись, курсив.

Введение

Проблеме прототипа глаголических букв в последние два столетия были посвящены многочисленные исследования филологического и палеографического характера. Однако результаты пока еще остаются достаточно спорными. И причина не только в недостатке данных, но и в чрезмерной концентрации исследователей на фонетических, морфологических особенностях дошедшего до нас материала и недостаточном внимании к общей логике развития и распространения письменности как средству обмена информацией и к графическим (каллиграфическим, грамматологическим) закономерностям письма.

Зачастую в исследованиях проявляется неопределенность некоторых понятий. Например свою статью Г. М. Прохоров начинает непосредственно с утверждения: «Обе славянские азбуки миссионерские. Это значит, что они не представляют собой остатки языческой древности, но придуманы специально», и на той же странице читаем: «На протяжении всей поздней античности христианские проповедники таким изобретательством занимались и за время со второго

по седьмой век создали и распространили с собственными переводами много новых видов письменности: сирийскую «эстрангело» (которая дала затем несколько производных: яковитскую, несторианскую, мандейскую, уйгурскую и др.), коптскую, эфиопскую, готскую, армянскую, грузинскую, кавказско-албанскую, нубийскую»¹. Между тем, чуть ниже автор сам указывает происхождение некоторых из них от семитского и греческого письма. Следовательно, если письменности «миссионерские» из этого еще не следует, что «они не представляют собой остатки языческой древности». В конечном счете, и греческое, и арамейское письмо «языческие», и в данном случае как раз надо выяснить, нет ли в основе глаголицы какого-либо «остатка» старой письменности, и если есть, то какой? Добавляет неопределенности также понятие «изобретение письменности», которое исследователи применяют, не поясняя смысл, который в него вкладывают.

В результате может даже показаться, что проблема нерешаема и не стоит «возвращаться к бесплодным поискам прототипов глаголических букв»², между тем как, возможно, нужно просто взглянуть на нее с иной стороны.

В данной работе изложены общие соображения об информационной стороне проблемы и рассмотрены некоторые частные вопросы, относящиеся к особенностям графики ряда букв двух азбук в сравнении со знаками семитских и производных от них систем письма. Ставится целью выяснение происхождения не всех глаголических знаков, а лишь того ядра, которое укажет на их прототип. Примененный подход ранее был использован при анализе графем армянского и агванского (кавказско-албанского) письма³.

Принципы анализа

Письменность — знаковая система (код), обеспечивающая передачу информации в пространстве и времени между пишущим и читающим. Нарушение кода — формы письмен-

¹ Прохоров Г. М. Глаголица среди миссионерских азбук // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1992. Т. 45. С. 178–199.

² Там же. С. 182.

³ Тарумян Р. Х. Влияние приемов письма на формирование графем и происхождение агванского алфавита // *Albania Caucasica. I* / Отв. ред. А. К. Аликберов, М. С. Гаджиев. М., 2015. [Электронный ресурс]: URL: <https://book.ivran.ru/f/albania-caucasica1m2015.pdf> (дата обращения: 18.04.2018).

ных знаков, букв (графем) — делает их неузнаваемыми (или плохо узнаваемыми — в зависимости от степени искажения), а значит и непригодными для передачи информации. Поэтому при письме пишущий пытается точнее воспроизвести формы письменных знаков, установленные соответствующей каллиграфической школой.

При быстром письме (скорописи) пишущий, тем не менее, не полностью контролирует форму выводимых знаков, поэтому при создании неофициальных, бытовых текстов наблюдается серьезное искажение знаков, зависящее от техники письма и писчего материала, но особенно от порядка и направления осуществления отдельных элементов (дуктов).

Алфавитные системы, состоящие из нескольких десятков знаков, легко усваиваются и заимствуются, поэтому подавляющая часть алфавитных систем письма есть результат последовательного заимствования. Если письмо заимствуется не централизованно, не под контролем общенациональных организаций — государственных, культовых — а стихийно, посредством контактов отдельных лиц (например, торговых), то могут заимствоваться скорописные, а не основные формы, что приводит к разрыву каллиграфической традиции, а новая школа может по-новому интерпретировать и регуляризировать форму знаков. Это равносильно появлению новой письменности.

В целом скоропись ведет к закруглению углов или образованию петель, разрыву замкнутых форм, добавлению росчерков или, наоборот, редуцированию начальных или конечных элементов и т. д.; следовательно, при прочих равных условиях из двух родственных систем письма моложе должна быть та, знаки которой сравнительно в среднем более округлы и беспорядочны.

Знаки некоторых систем письма имеют настолько своеобразный вид, что их прообраз почти не просматривается; это, в свою очередь, приводит к заключению, что эти системы «авторские», т. е. либо вообще без прототипа, либо с прототипом, но измененным до неузнаваемости. К числу таких систем можно отнести грузинский, кавказско-албанский, армянский алфавиты, а также и глаголический.

Однако есть, по крайней мере, два соображения, которые делают подобное заключение маловероятным. Прежде всего, это сам принцип изобретательства: любое изобретение

предполагает наличие прототипа⁴. К сожалению, исследователи зачастую это упускают из виду, а иногда и просто по-человечески болезненно воспринимают возможность того, что Кирилл или Маштоц могли создать алфавит на основе уже существующего. К примеру, Н. Дурново, аргументируя то, что Кирилл является автором глаголицы, полагает, что «вряд ли жития и Храбр могли говорить об изобретении (хотя бы и по образцу греческой) Кириллом полной славянской азбуки, если бы речь шла о кириллице, потому что в этой последней только 14 букв, отсутствующих в греческом унциале, действительно, изобретены, остальные без изменения как начертаний, так и значений перенесены из греческого унциала»⁵. Но алфавит — это не просто набор знаков, а система, обладающая свойствами не сводящимися к ее элементам. Создатель готского алфавита Вульфилла в основу 27-буквенного алфавита тоже положил греческий алфавит, добавив 6 латинских и 2 рунические буквы, и не создав вообще ни одного нового знака, но, тем не менее, автором этого алфавита является именно он.

Что же касается изменения до неузнаваемости прототипа или «стилизации» (что, в принципе, равносильно созданию знаков «творческой фантазией»⁶ т. е. «с нуля»), то это не имеет смысла с практической точки зрения, о чем свидетельствует история ведущих письменностей мира. Ведь мало создать алфавит — его еще нужно распространить. Поэтому использование никому не известных знаков (в т. ч. тайнописных, гадательных и т. д.) менее продуктивно, чем тех, что известны хотя бы части потенциальных пользователей и хотя бы в качестве иноязычных: ведь заимствование происходит от соседней культуры, с носителями которой происходит теснейшее общение. Наконец есть достаточно действенный принцип «письмо следует за религией»⁷, чему есть масса примеров. И если источник заимствования (прототип) не выявлен, это не значит, что его не было.

⁴ Гельб И. Опыт изучения письма, М., 1982. С. 192; Фридрих И. История письма. М., 1979. С. 31.

⁵ Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка, М., 2000. С. 572.

⁶ Гранстрем Е. Э. О происхождении глаголической азбуки // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР. Т. 11. Л., 1985. С. 305.

⁷ Дирингер Д. Алфавит. М., 1963. С. 555, 629. Дьяконов И. О письменности // Дирингер Д. Алфавит. М., 1963. С. 20.

Причем исходя из тех же практических соображений в основу новой системы письма, как правило, бывает положена какая-либо одна система-прототип с добавлением максимум одного-двух знаков следующей по распространенности системы, а не произвольный набор знаков из разных письменностей. Между тем, исходя из внешнего сходства букв глаголицы со знаками нескольких письменных систем, зачастую исследователи полагают, что эти знаки произвольно взяты из различных письменностей, что, свидетельствует о «творческой деятельности вдумчивого филолога, знакомого, в частности, с различными восточными системами письма. Именно таким человеком и был Константин Философ»⁸, или что «виновником глаголицы был ученый-ориенталист»⁹. Но для практики алфавита важно не то, сколькими письменностями владеет автор алфавита, а его потенциальные пользователи.

Даже при регуляризации изменения не могут быть значительными, поскольку даже незначительные изменения форм знаков могут сделать их неузнаваемыми, что будет равносильно созданию совершенно новых знаков. Даже точка над буквой может иметь различительное (диакритическое) значения; что же говорить о более серьезных изменениях графемы.

Это относится также и к произвольным поворотам, возможность которых иногда допускают исследователи. «Стоило лишь некоторые из кирилловских букв перевернуть, другим придать петли вместо росчерков и точек, и получатся соответствующие глаголические начертания»¹⁰. Но поворот также делает знак неузнаваемым. Например буквы «Е» и «Ш» топологически одинаковы, но генетически это совершенно разные знаки, так что, если предполагается, что имел место поворот прототипа, значит он произошел эволюционно, естественным путем, и его можно и нужно объяснить. Например, опыт свидетельствует, что при скорописи под воздействием результатирующей сил, действующих в направлении письма и в на-

⁸ Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1986. С. 27.

⁹ Шафарик П. Й. О происхождении и родине глаголитизма / Пер. с нем. А. Шемякина // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 4. Отд. III. М., 1860. С. 6.

¹⁰ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979. С. 359.

правлении прорисовки элементов какого-либо знака, он действительно может поворачиваться¹¹. А направление поворота зависит от порядка, принятого в данной каллиграфической школе, и от графических особенностей данного знака.

Таким образом, произвольные трансформации знаков прототипа, возможность которых иногда допускают исследователи, очень маловероятны. Если, конечно, речь не идет о тайнописи¹². Разумеется, глаголица могла использоваться как тайнопись в среде людей, знакомых лишь с кириллицей. Но тайнопись может иметь смысл лишь для коротких записей и лишь внутри очень ограниченной по численности группы людей. А высокохудожественные памятники глаголической литературы, имеющие солидный объем, проповедническое содержание и адресованные крупной аудитории никак не тайнописные тексты, и этот вариант также необходимо отбросить, и исходить из того, что глаголица является результатом естественной эволюции.

Которая же из письменностей могла быть прототипом глаголицы? Как указывалось, несмотря на всю запутанность форм глаголических букв, схожесть их с кириллическими все же просматривается¹³, и ниже на основе каллиграфического анализа будет показано, что эта схожесть закономерна и глаголические буквы происходят от соответствующих кириллических.

Но если глаголица есть производная кириллицы, то последняя должна быть старше на несколько поколений, и быть древнейшей славянской азбукой, иначе она не успела бы к X в., периоду древнейших памятников славянской письменности, настолько эволюционировать, что ее первоначальный вид угадывается с большим трудом. И очевидно, что довольно округлое и вычурное глаголическое письмо является результатом длительной эволюции по сравнению с кириллическим, которое в целом сохраняет облик греческого прототипа. Между тем, сегодня большинство исследователей создателю славянской письменности Кириллу приписывает авторство глаголицы. Например, Г. М. Прохоров считает, что «кирилли-

¹¹ Հակոբյան (Թարումեան) Ռ. Հայոց տառերը: Ձեռագրագիտան համեմատական քննություն. Եր., 2017. էջ. 83.

¹² Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 104.

¹³ Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967. С. 27.

цу с гораздо меньшим основанием, нежели глаголицу, можно назвать миссионерской азбукой»¹⁴, что не может не удивлять: исходя из принципа «письмо следует за религией», ожидаемо было бы, чтобы «миссионерская» азбука была бы составлена на основе греческого письма, письма Евангелий, как коптская, нубийская и готская. Т. е. с этой точки зрения «миссионерской» является именно кириллица.

Ниже приведены возможные каллиграфические трансформации букв кириллицы, приведшие к формированию большинства глаголических букв. В основном рассмотрены буквы, соответствующие греческой основе, поскольку для их анализа можно привлекать промежуточные формы или скорописные образцы также из греческого, и даже семитского письма, как предшественников кириллицы. Параллельно приводятся возможные пути формирования некоторых знаков из родственных систем письма — латинской, армянской, агванской. Надо особо подчеркнуть, что эти примеры из названных письменностей никоим образом не означают утверждения, что глаголица создана на их основе или ее буквы взяты из этих письменностей, а всего лишь они приведены для наглядности приведенных трансформаций, в качестве образцов с соседних ветвей филогенетического древа алфавитных письменностей.

Конечные глаголические буквы набраны с использованием гарнитуры Segoe UI Historic, формы которой представляют собой лишь усредненную картину глаголических графем. Необходимо также подчеркнуть, что каллиграфический (грамматологический) анализ может подтвердить лишь принципиальную возможность развития одной графемы из другой. Это не может быть доказательством, что данная графема является производной именно этого прототипа и именно указанным путем. Однако если значительная часть знаков одной системы с каллиграфической точки зрения потенциально может быть производной соответствующих знаков другой системы, то это — серьезный довод в пользу гипотезы о происхождении первой, от второй.

Анализ графем

Методика анализа заключается в опытах по практической записи знаков предполагаемого прототипа по различным дуктам для выявления каллиграфических условий, при

¹⁴ Прохоров Г. М. Указ. соч. С. 198.

которых они потенциально могли бы развиваться в соответствующие буквы глаголицы.

Одним из основных материалов для настоящего анализа явился Мюнхенский алфавитарий¹⁵. Относительно этого документа А. Зализняк выражал мнение, что «писавший не владел славянским письмом, очертания многих букв сильно искажены»¹⁶. Но, как будет показано ниже, некоторые его буквы представляют собой промежуточные состояния между общеизвестными глаголическими и кириллическими графемами, а посему их не только нельзя считать искаженными, но и сам этот документ представляется весьма надежным палеографическим источником.

Использовались также доступные репродукции страниц Зографского и Остромирова евангелий, прориси берестяных грамот¹⁷, в т. ч. берестяной азбуки № 591, а также материалы «Введения в греческую и латинскую палеографию» Е. Томпсона¹⁸, работ И. Фридриха¹⁹ и И. Тейлора²⁰.

† Аз

Крестообразность первой буквы глаголицы зачастую объясняют предназначенностью азбуки для записи христианских текстов²¹. Но крестообразность первой буквы многих алфавитов, которые ведут родословную от семитских прототипов, объективно наблюдается с древнейших времен, например, в новоупуническом письме²². Есть похожие образцы и в греческой скорописи, и, в принципе, можно проследить множество путей такой трансформации (что, конечно, не исключает того, что автор из нескольких применяемых глифов

¹⁵ Kyrillisches und glagolitisches Alphabet. Münchener Abecedarium [Elektronische Ressource]: URL: <http://daten.digitale-sammlungen.de/0004/bsb00046309/images/index.html?fip=193.174.98.30&id=00046309&seite=304> (Behandlungsdatum: 08.04.2018).

¹⁶ Зализняк А. А. О древнейших кириллических алфавитах // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию В. В. Иванова. М., 1999. С. 543–576.

¹⁷ Рукописные памятники Древней Руси. [Электронный ресурс]: URL: <http://gramoty.ru> (дата обращения: 18.04.2018).

¹⁸ Thompson E. An Introduction to Greek and Latin Palaeography. Oxford, 1912.

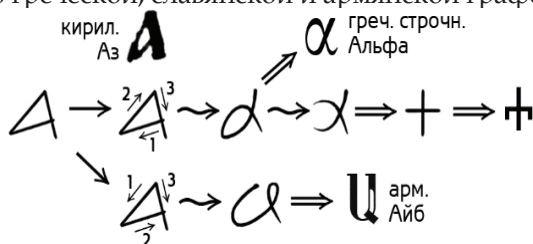
¹⁹ Фридрих И. История письма. М., 1979.

²⁰ См.: Истрин В. А. Развитие письма. М., 1961. С. 261. Илл. 84.

²¹ Хабургаев Г. А. Указ. соч. С. 27.

²² Фридрих И. История письма. М., 1979. С. 281, 291.

мог предпочесть крестообразный вариант для сообщения алфавиту дополнительного смысла). Ниже приведен вариант трансформации Альфы (Алефа), который приводит к формированию греческой, славянской и армянской графем.

Здесь и ниже сплошными стрелками указаны варианты развития, волнистыми стрелками — направления курсивизации, двойными стрелками — регуляризации, пунктирными стрелками обозначены вероятные связи, маленькими стрелками с цифрами — дукты.

Крестообразность первой буквы могла образоваться в результате различных трансформаций. В частности, глаголическая буква могла образоваться как результат обрыва скорописной формы (по сути — греческой строчной Альфы, или кириллического Аза) и превращения его в крестообразный знак, который был выпрямлен, регуляризирован. Впоследствии при письме ширококонечным пером добавились засечки, которые позже были интерпретированы как графемные элементы и сильно увеличены: явление, наблюдающееся во многих письменностях, например, в армянском, грузинском, латинском.

Ш Буки

Ѡ Веди

Эта пара очень важна для выяснения происхождения славянских азбук и их датировки. Можно сказать, что именно эта пара является ключом к происхождению и датировке глаголицы.

Нет сомнений, что обе кириллические буквы происходят от единого прототипа греческой Беты/Виты. И естественно, они расположены рядом. Е. Карский рассматривал «Б» в качестве варианта «В», как, например, в Порфирьевской псалтыри 862 г. Это, безусловно, убедительно²³. Однако очертания

²³ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979. С. 164.

некоторых букв псалтыри показывают, что, хотя верхняя дуга Виты фактически редуцирована, но писцом она, тем не менее, вырисовывалась именно как дуга, а не как штрих с засечкой. В этой связи интересно, что существует почти идентичная агванская (албано-кавказская) буква Бет: **Б**. Поскольку вероятность заимствования глаголицей этого агванского знака практически равна нулю, такая близость форм может объясняться только закономерностью графических трансформаций.

Во всяком случае, тот, кто формировал алфавитный порядок кириллицы, знал, что эти две буквы родственны. Но в глаголице происхождение соответствующих букв неочевидно. Если предположить, что кириллица образовалась позже и лишь автоматически переняла глаголический порядок, то исходя из чего автор глаголицы расположил эти непохожие буквы рядом? Только потому, что в греческом языке (по сути, одном из многих иностранных языков, окружавших славян) соответствующие фонемы имеют определенную связь? Что это могло дать славянам с практической точки зрения? В свою очередь, получается, это подало идею уже создателю кириллицы использовать для Буки каллиграфический вариант Виты? Не перепутаны ли тут причина и следствие? Исходя из очевидной родственности кириллических Буки и Веди логичнее предположить, что именно у автора кириллицы появилась идея использовать графический вариант Виты (Веди) для Буки и, естественным образом, расположить его рядом с прототипом. И затем уже при формировании глаголицы соответствующие знаки оказались на тех же местах, что и в кириллице.

В свою очередь, из этого следует, что, скорее всего, именно эти кириллические знаки эволюционировали в соответствующие глаголические, хотя из-за абсолютной стилевой их несхожести это кажется невероятным. Действительно, знак для Буки прямолинеен и угловат, между тем как знак для Веди округлый и с петельками. Характерное начертание Буки наводило на мысль, что это должен был быть какой-либо семитский алфавит, возможно — самаритянский. Однако, так сильно напоминающий Буки самаритянский знак **У**, **У**²⁴ представляет фонему [м], т. е. налицо случайное сходство, каких может быть множество. Кроме того в самаритянском (или каком-либо еще семитском) алфавите нет прототипа для Веди.

²⁴ Фридрих И. Указ. соч. С. 295.

Глаголические буквы пробуют выводить также из известных форм греческого курсива, что, безусловно, более правдоподобно, особенно версия происхождения Веди из греческого Ипсилона. Однако глаголическая Буки хоть и несколько похожа на греческую курсивную «В» (Β, Β²⁵), из которой ее иногда производят²⁶, но лишь внешне, поскольку поворот «тела» буквы на 90 градусов по сравнению с греческой буквой «Υ», одновременно, расположение «хвоста» не со стороны дуг, а со стороны «зубцов» каллиграфически противоречат друг другу. В этом легко можно убедиться, поэкспериментировав с буквой «В».

Опыт показывает, что глаголическая Буки не выводится непосредственно из классической кириллической буквы. Но она довольно закономерно следует из промежуточной формы, которая могла сформироваться по тем же дугам, что и агванский Бет. Решающая разница — небольшой отрезок вертикального штриха — выше горизонтального, для осуществления которого перо должно получить импульс вверх. Заметим, что и в Мюнхенском алфавитариуме наблюдается незначительный, почти незаметный подъем вертикального штриха над горизонтальным там, где у других букв засечка; в иных условиях это могло сойти за небрежность, но, как видим, эта особенность была ожидаема:

Правда, в этом случае непосредственно получается форма лишь с двумя «венечными» зубцами. Но, с одной стороны, она могла «нараститься» за счет концевых росчерков, позднее закрепленных в графеме, а с другой у В. Истрина в качестве одной из древнейших форм приведена (со ссылкой на И. Тейлора) Буки с двумя зубцами²⁷. Если тут нет ошибки, это может означать, что данная форма как раз передает древнейшее состояние этой графемы.

Что касается Веди, то для нее можно представить следующую трансформацию, через промежуточную форму (В), приведенную Е. Томпсоном:

²⁵ Истрин В. А. Указ. соч. С. 261. Илл. 84.

²⁶ Taylor I. Op. cit.

²⁷ Истрин В. А. Указ. соч. С. 261. Илл. 84.

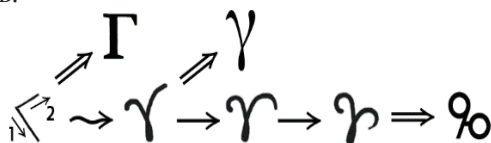

Причем разнос двух дуг мы видим и в Мюнхенском алфавитари:

Вершина между двумя дугами воспринимается как стартовая точка, с которой пишущий начинает писать букву. При этом под действием силы, по направлению письма буква растягивается и, одновременно наклоняется назад, пока не оказывается в горизонтальном, «устойчивом» положении.

∞ Глаголи

Под воздействием силы, действующей в направлении письма буква, вероятно, несколько растягивалась нарастала завитками, которые при регуляризации были замкнуты. Между тем как собственно графемное ядро знака находится вне этих кружков.

Образованию петель могло способствовать также восприятие каллиграфических засечек в качестве графемных элементов. На это указывают обведенные засечки букв берестяной грамоты № 906²⁸ — . И хотя это поздние образцы, но подобное восприятие засечек могло иметь место и в гораздо более ранние периоды.

²⁸ Рукописные памятники Древней Руси. [Электронный ресурс]: URL: <http://gramoty.ru/?no=906&act=full&key=bb> (дата обращения: 18.04.2018).

Ѧ Добро

Ѧ Люди

Ѧ Мыслете

Версия происхождения от греческого курсива , кажется настолько убедительной, что Е. Карский писал: «Даже, несомненно, взятое из греческой скорописи Ѧ (Ѧ) стилизовано в подражание кирилловскому (или уставному греческому) Д, так как иначе правой стороны оно не имело бы»²⁹. Впрочем в таблице И. Тейлора есть образец и с правой стороной ³⁰, но сам факт, что для обоснования глаголической формы приходится апеллировать к кириллической, уже достаточно красноречив.

В принципе, формирование первых двух букв от кириллических прототипов могло бы считаться вполне очевидным, если бы не неожиданное отсутствие горизонтального элемента у Ѧ и, наоборот, его присутствие у Ѧ, при том, что в кириллице все наоборот (ср. «Д» и «Л»). Тем не менее, степень схожести с предполагаемыми прототипами практически не оставляет места сомнению, требуя лишь объяснить данный факт.

Что касается Ѧ, можно заметить подобное раскрытие низа знака у развившейся от того же прототипа армянской Դ. Правда у армянской буквы горизонтальный элемент все же сохранился, хоть и сдвинулся вправо — в направлении письма. Но можно предположить, что в глаголице этот выступ просто оказался настолько небольшим, что был поглощен петелькой. Или же дукты шли в порядке, приведшем к формированию латинской заглавной «D», что, учитывая также наличие левой петельки, представляется более вероятным. Асимметричный знак поздней глаголицы тоже косвенно свидетельствует, о вероятности этой трансформации. Впрочем, как и в случае с Глаголи, возможен вариант образования петелек и из засечек — ³¹, однако в рамках статьи у нас нет возможности рассмотрения всех вариантов:

²⁹ Карский Е. Ф. Указ. соч. С. 360.

³⁰ Истрин В. А. Указ. соч. С. 261. Илл. 84.

³¹ Рукописные памятники Древней Руси. [Электронный ресурс]: URL: <http://gramoty.ru/?no=906&act=full&key=bb> (дата обращения: 18.04.2018).

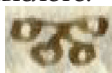
Для объяснения причин появления горизонтальной перемычки буквы Ѡ можно указать несколько вариантов, среди которых наиболее вероятным представляется вариант И. Тейлора³², по которому исходная кириллическая буква писалась по тем же дуктам, которые часто применяются и сегодня. Как и сегодня, тогда тоже должны были образовываться нижние завитушки, которые при упорядочении письма могли быть дорисованы до полных окружностей.

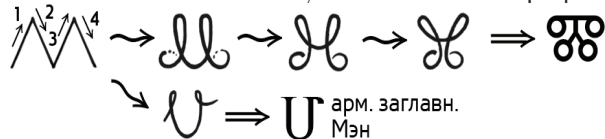
Таким образом, перемычка могла образоваться позже, после дополнительной регуляризации, когда связь с кириллической каллиграфией исчезла. Например в Зографском евангелии это просто три прикрепленные к единому центру кружочка:

Этот вариант тем более вероятен, что примерно такое же строение имеет и буква Мыслете:

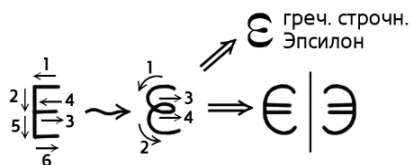
что опять же соответствует той же каллиграфии:

Э Есть

Происхождение этой буквы, пожалуй, максимально очевидно. Здесь она рассмотрена лишь для объяснения сдвоенности срединного элемента. Зеркальность, по-видимому, отражает фонетические соответствия графемы:

³² Истрин В. А. Указ. соч. С. 261. Илл. 84.

Живете

Часто считается появившейся в глаголице и включенной в кириллицу в немного измененном виде. Есть мнение Ф. Фортунатова³³, что прототипом является коптская Джанджа³⁴ Δ. Глаголический и коптский знаки Фортунатов считает различающимися нижними глаголическими петельками, источником которых он видит левую петельку коптской буквы, для симметрии с которой автор глаголицы добавил, как он думает, еще одну справа: .

Как уже было замечено, с точки зрения передачи информации произвольное изменение формы прототипа вообще малопродуктивно. Но более веское возражение вызывает различное звучание: коптская буква обозначает аффрикату (звонкую [дж], или глухую [тш]), между тем как Живете обозначает звонкий спираント. Правда, Фортунатов замечает, что коптская буква используется «также, по мнению Штерна (Stern, *Koptische Grammatik*, стр. 22), для ж, а на ж указывает встречающееся в рукописях ошибочное употребление этой буквы вместо Ш»³⁵, но это косвенная догадка, и если даже она верна, то, маловероятно, чтобы в славянской среде эти фонетические тонкости могли играть решающую роль.

Заметим также, что, по всей видимости, Джанджа была прототипом армянской Ճ Тше и грузинской ჯ Джан, однако в этих алфавитах использование коптской буквы фонетически оправдано: в армянском эта буква соответствует глухой аффрикате [тш], а в грузинском, звонкой аффрикате [дж]. Причем вертикальная зеркальность знака в двух родственных алфавитах, по-видимому, отражает именно указанное фоноло-

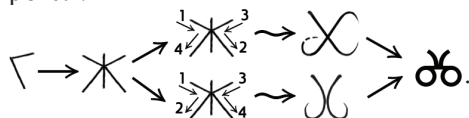
³³ Фортунатов Ф. Ф. О происхождении глаголицы // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. XVIII. Кн. 4. СПб., 1913. С. 4.

³⁴ Точнее, по-видимому, Тшантша (см.: Lambdin T. O. *Introduction to Sahidic Coptic*. Macon, 1983. P. XI; Johnson J. H. *Thus Wrote 'Onchsheshonqy — An Introductory Grammar of Demotic*. Chicago, 2000. P. 4).

³⁵ Фортунатов Ф. Ф. Указ. соч. С. 4.

гическое различие, что показывает, насколько серьезное внимание придавалось в те времена фонетическим особенностям.

Переход этой буквы в кириллицу тоже кажется маловероятным. Получается, что в кириллице почему-то была, опять-таки, произвольно добавлена центральная вертикальная черта. Причем почему-то еще были ликвидированы и петельки. С другой стороны, естественнее предположить, что эта буква появилась именно в кириллице, а в глаголице, как скорописной форме, эта линия уже выпала. Как выпала, например, осевая линия финикийского Самека в греческом Кси Ξ, ξ . И сегодня иногда пишут Ж сперва прописав левую и правую «скобы»³⁶, получив нечто вроде), и затем лишь разделяют их вертикальной чертой, которую при слишком быстром письме могли бы и опустить. Правда, при этом этот знак уподобился бы знаку X, но в глаголице этот знак в свою очередь эволюционировал:

Что же касается происхождения этой графемы в кириллице, то, несмотря на то, что это выходит за рамки задач данной статьи, можно предложить гипотезу, что она составлена из двух горизонтально симметричных «Г» в наклонном исполнении, дополненных вертикальной чертой, символизирующей собственно ось симметрии, что может отражать близость двух фонем из-за наличия чередования г/ж в славянских языках. Заметим, что, по всей видимости, та же ассоциация сыграла решающую роль в создании знака для армянской фонемы [ж] — ջ, который представляет собой вертикально симметричное отображение знака для [г] — Գ (для армянского языка, точнее, его заимствований из пехлевийского, также характерно чередование этих же фонем). Интересно, что эта армянская буква ни что иное, как финикийская (греческая) «Г» с дополнительной петелькой, также являющейся результатом скорописи.

☞ Зело

☞ Земля

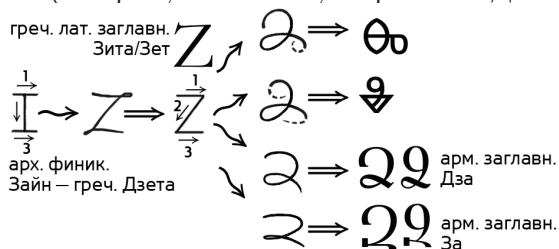
Эти буквы одни из тех, что имеют «геометрическую», вычурную форму, составляющую отличительную черту глаголицы

³⁶ Карский Е. Ф. Указ. соч. С. 166.

цы и немало повлиявшую на восприятие этой письменности как чего-то таинственного. Первая из них состоит из простых геометрических фигур, но чувствуется, что она не создана «с нуля», а является результатом регуляризации какой-то сложной кривой. Вторая буква состоит из более плавных линий, но заметно, что, несмотря на различия, оба знака имеют и общие черты. Они состоят из двух частей: большей, разделенной на два отсека, и второй, меньшей, приделанной к первой. Первое впечатление, что вторая получилась из первой путем поворота на 90 градусов по часовой стрелке. Это тем более вероятно, что обозначаемые ими звуки в греческом обозначались одной и той же буквой Дзета (Зита)³⁷. Но такой поворот неестественен: если начать писать его сверху — с кружочка — скорее произойдет поворот в противоположную сторону.

В кириллице буква Земля, очевидно, представляет вариант греческой Зиты, но уже с Зело все не так очевидно. Некоторые исследователи связывают кириллическую букву со Стигмой³⁸, но фонетически [ст] (фрикативный затем взрывной) она противоположна славянской аффрикате [дз].

Однако эта пара фонем [дз] и [з], как и рассмотренные [б] и [в], отражают развитие греческой фонетики и переход к среднегреческому произношению. Поэтому ожидаемо, чтобы к букве Дзета (Зита) также сводились буквы обеих славянских азбук. Заметим, что аналогичная картина наблюдается и в армянском, в котором присутствуют обе фонемы одновременно, и соответствующие им графемы легко выводятся из финикийского Зайна (которому соответствует греческая Дзета-Зита):

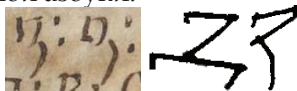

Из этого следует также, что и кириллическая Зело, должна быть потомком той же греческой буквы, а значит, ее форма, совпадающая с латинской «S» и напоминающая Стигму, яв-

³⁷ Истрин В. А. Указ. соч. С. 421.

³⁸ Там же. С. 418.

ляется результатом позднейшего искажения, а изначальным надо считать зеркальный вариант ³⁹. Это же подтверждается и почти одинаковой формой двух букв в Мюнхенском алфавитариуме; отличие только в горизонтальном штрихе второго знака. Одинаковое происхождение обоих знаков видно и по прорисам берестяной азбуки:

Заметим, что если бы не параллельное развитие армянских букв (сравнительно менее отдалившихся от прототипа), если бы не понимание процесса письма, трудно было бы понять логику эволюции глаголических букв. Трудно догадаться, что автор, каллиграф, регуляризирующий знак с плавным начертанием, может заменить его треугольником. Однако когда мы видим дальнейшее развитие этих знаков в поздней глаголице, то становится ясно, что если бы до нас не дошли древнейшие глаголические записи, а только лишь поздние, не было бы вообще никаких шансов усмотреть в них связь с прототипами, если бы даже мы понимали, где их нужно искать. В самом деле, глядя на знак — позднейший образец буквы Земля — трудно понять какая из его линий соответствует линиям не то чтобы архаичных знаков, но даже и знаков X в.

Ɱ И, Иже

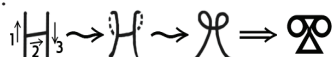
Ɱ Ижица

Из этих знаков, соответствующих фонеме [и], которые тоже можно назвать «геометрическими», проще всего понять форму Ижицы. Кириллическая буква происходит от греческого Ипсилона **Υ** которая, в свою очередь происходит от финикийского Вав-а, от которого берут начало большое число букв многих других алфавитов. В числе тех, что сохранили графемное ядро, можно назвать армянский Вьон Դ и грузинский Вин Ⴀ. По общему силуэту Ижица практически повторяет армянскую букву, в которой горизонтальному элементу Вьона соответствует правый выступ Ижицы, а его вертикальный стержень представлен в Ижице трехчастной фигурой. Но такая сложная трансформация простого штриха должна иметь объяснение. Возможно, она произошла под воздействи-

³⁹ Карский Е. Ф. Листки Ундольского // Памятники Старославянского языка. Т. I. СПб., 1904. С. 14.

ем одной из форм греческой скорописной Йоты Ϸ^{40} , странным образом заключающей в себе треугольник и петельку. Станным, поскольку Йота «И» представляет собой простой вертикальный штрих, подобный вертикальному штриху Ижицы. Правда здесь видим противоположное расположение треугольника и круга. Но несложно представить почерк, при котором их расположение будет соответствующим.

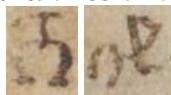
Наконец, для глаголической Ѳ вполне убедительна идея И. Тейлора произвести ее из греческой «Н», а значит, и кириллической «И»⁴¹:

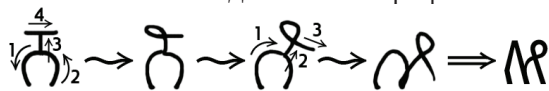
Правда, в этом случае будут отсутствовать верхние и нижние горизонтальные перемычки, но их добавление можно объяснить воздействием формы основного штриха Ижицы.

Ѳ Гервь

Часто считают, что эта буква не входила в кириллицу. Тем не менее, в Мюнхенском абецедарии она есть и имеет форму перевернутой рюмки, а ее глаголическая форма оканчивается каллиграфически промежуточной, между кириллической и известными глаголическими⁴²:

Т. е. становится очевидным каллиграфический переход:

Причем очевидным становится и направление развития — от кириллицы к глаголице, в сторону курсивизации. Противоположное направление эволюции для данных фигур невозможно. Разумеется, в Мюнхенском абецедарии буквы прописывались медленно, в соответствие с каллиграфическими правилами — сверху вниз: это видно по репродукции. Здесь

⁴⁰ Thompson E. An Introduction to Greek and Latin Palaeography. Oxford, 1912. P. 194.

⁴¹ Истрин В. А. Указ. соч. С. 261. Илл. 84.

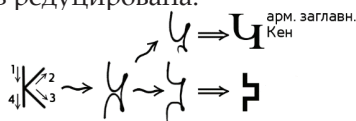
⁴² Чернов А. Печаль и песнь мюнхенского абецедария. [Электронный ресурс]: URL: <https://nestoriana.wordpress.com/2012/10/11/abc/> (дата обращения: 08.04.2018).

лишь продемонстрировано, какие дукты (одни из нескольких возможных) могли привести к подобной трансформации при скорописи.

Таким образом, можно утверждать, что в какой-то период эта буква входила в оба алфавита или даже в общий предок обоих алфавитов. Трудно что-либо предположить относительно происхождения кириллического знака. Это может быть результатом видоизменения или вариантом какой-либо греческой буквы, но, возможно, это пример включения в алфавит какого-то местного знака: во многих азбуках, в основу которых положено греческое письмо — коптском, нубийском, готском — для фонем, отсутствующих в греческом, были использованы знаки местных письменностей: демотики — для коптского, мероитских знаков — для нубийского, рунического — для готского, и, возможно, славянское письмо не было исключением.

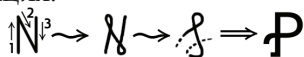
Ѓ Како

Как ни странно, несмотря на кажущуюся непохожесть букв двух азбук, развитие глаголической формы из кириллической легко объясняется, благодаря существованию их в родственных системах, а именно — в финикийском **𐤑**⁴³ и, частично, в армянском **Շ**. Разумеется, финикийскую букву нужно брать в зеркальном начертании, по причине противоположного направления письма. А армянская буква соответствует лишь верхней части глаголической буквы — ее нижняя часть редуцирована.

Р Наш

Вероятно, в данном случае имела место примерно следующая трансформация:

Ѡ Он

Буква «О» при скорописи легко приобретает дополнительные петельки. Видимо кириллический курсив, ставший основой глаголицы, имел знак типа этого: **Ѡ**. Кстати, в

⁴³ Фридрих И. Указ. соч. С. 281.

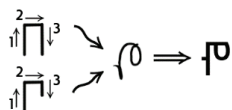
Мюнхенском абecedарии эта буква по форме почти близка к окружности. Правда, она напоминает знак «и», закрытый сверху горизонтальным штрихом, но такое впечатление, что пишущий все же стремился изобразить простой кружок:

Ɱ Покой

Архаический знак греческой «Π», как и его финикийский прототип, имели неравную высоту вертикальных штрихов. Петелька, включенная в графему, могла образоваться примерно так:

Любопытно, что соответствующая кириллическая буква в Мюнхенском абecedарии тоже имеет короткий правый штрих. Если это не случайность, то это — подтверждение архаичности этого документа. Заметим также отсутствие левого выступа, что может означать, что действительно это паразитный штрих является результатом придания графемного значения росчерку:

Но возможно, что нижняя часть правого штриха просто стерта: это подсказывает наличие двух небольших серых пятен там, где должна была быть нижняя засечка штриха. Качество данной репродукции хоть и выше, чем той, что использовалась славистами в течение всего XX в., но все равно недостаточное, чтобы быть уверенным.

Что касается глаголической формы, то короткая правая часть может быть как результатом архаичности прототипа, так и вторичным явлением.

Ь Рцы

Эта буква — почти та же кириллическая, но отраженная вниз. От простоты и симметричности двух форм возникает мысль, что эта буква сделана такой специально, и, возможно, в симметричности двух букв, как и в случае с армянским Ճ и грузинским ჯ, нужно видеть отражение фонетических различий. Но более вероятным кажется то, что это просто результат искажения кириллической Р:

$$\text{Р} \xrightarrow{2} \text{Р}_2^3 \xrightarrow{\sim} \text{С} \Rightarrow \text{Ь}$$

Это также доказывается формой буквы Мюнхенского алфавитара, которая, по-видимому, сохранила промежуточную фазу трансформации:

Ѕ Слово

Эта буква также из числа «геометрических» и производит впечатление полностью «искусственного» знака. Но поскольку она соответствует греческой Сигме, то также должна быть результатом скорописного искажения греческой буквы с последующей регуляризацией. Правда, в рассматриваемый период скорописная греческая Сигма уже давно потеряла угловатость, превратившись в «лунообразную» «С», которая никак не могла трансформироваться в круг или треугольник. Но, тем не менее, очевидно, что прототипом глаголического знака могла быть лишь монументальная Сигма (Σ):

По всей видимости, в глаголическом прототипе она обладала мощными концевыми засечками (например, как у кириллической буквы Мюнхенского алфавитара), которые были включены в графему. Но была сигмовидной:

$$\text{Σ} \xrightarrow[3]{2, \leftarrow 1} \text{С} \Rightarrow \text{Ѕ}$$

Т Твердо

Кажется, что исходная «Т» спрятана в средней части глаголической, и свешивающиеся полосы соответствуют кон-

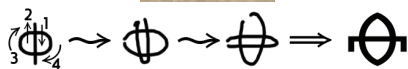
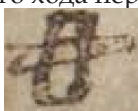
цевым вертикальным засечкам. Это замечал и Д. Беляев⁴⁴. Пониманию формы несколько помогает скорописные формы, которые видим у Томпсона⁴⁵: $\gamma\gamma\gamma\gamma$. Пишущий как бы делит букву по центру, выполняя вертикальный штрих в два приема, что приводит к появлению двух штрихов, которые в следующих фазах редуцируются, а засечки переходят в завитки: о том, что восприятие засечек как графемных элементов, наблюдалось и в древности, свидетельствуют и формы знака берестяной азбуки: Υ , и особенно берестяной грамоты № 906⁴⁶

– Υ :

⊖ Ферт

В принципе, его можно считать просто результатом смещения с близкой графемой, близкой и по форме, и по значению. Но его исполнение в Мюнхенском абецедарии наводит на мысль, что могла иметь место и трансформация. На фотографии ясно видно, что горизонтальный штрих проведен в два приема, т. е. в два штриха. Если это не случайность, а принцип каллиграфической школы, можно представить, что изначально эти два штриха могли отстоять дальше друг от друга и составлять круг, и наоборот: вертикальный овал мог состоять из двух почти совпадающих штрихов; второй штрих мог быть следом обратного хода пера:

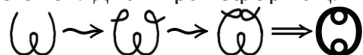
⁴⁴ Беляев Д. Ф. История алфавита и новое мнение о происхождении глаголицы. Казань, 1885. С. 66.

⁴⁵ Thompson E. Op. cit. P. 194.

⁴⁶ Рукописные памятники Древней Руси. [Электронный ресурс]: URL: <http://gramoty.ru/?no=906&act=full&key=bb> (дата обращения: 04.08.2018).

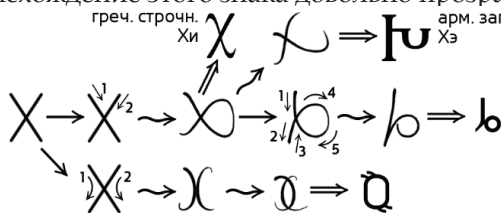
⊗ От

Достаточно очевидная трансформация:

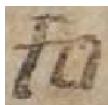

⋈ Хер

Ф. Фортунатов выводил ее из коптской h^{47} , Ф. Мюллер — из латинской h^{48} . Между тем, с каллиграфической точки зрения происхождение этого знака довольно прозрачно:

Эту достаточно очевидную трансформацию замечал и Д. Беляев⁴⁹. К приведенной схеме добавим также, что **⋈** Мюнхенского алфавитариума имеет соединение кольца к вертикальному стержню горизонтальным штрихом, что наводит на мысль о том, что формирование по пути армянской буквы также могло иметь место:

Кроме того, как мы видим, крест простейшим образом видоизменяется в знак, который известен как «паукообразный» Хер, или «Хълм». Хотя, конечно, не исключено, что это случайное подобие, поскольку редкость этого знака не позволяет в деталях понять его строение.

⌘ Юсы

Распространено мнение, что Юсы перешла в кириллицу из глаголицы. Действительно, правая компонента глаголических букв топологически совпадает с правой компонентой кириллических знаков, и подобие налицо, «если глаголический знак поставить на бок»⁵⁰.

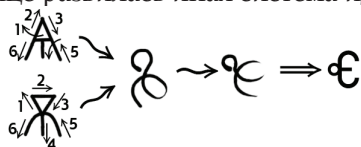
⁴⁷ Фортунатов Ф. Ф. Указ. соч. С. 6.

⁴⁸ Müller F. Bemerkungen zur Geschichte der Altslav. Schriften // Archiv für Slavische Philologie. Bd. 19. Berlin, 1897. S. 557.

⁴⁹ Беляев Д. Ф. Указ. соч. С. 68.

⁵⁰ Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967. С. 27.

Но идентификатор больших и малых кириллических Юсов — верхний треугольник, который у больших Юсов обращен вершиной книзу, а у малых — кверху, в глаголических буквах представлен одинаковым кружочком, что с бошьшей вероятностью указывает на редукцию треугольников в кружочки, чем на последующую дифференциацию кружочков при регуляризации, поскольку в глаголических буквах идентификатором является левая компонента. Можно даже предположить, что именно по причине совпадения в курсиве двух Юсов в глаголице развилась иная система идентификаторов:

Необъясненным остается поворот на 90 градусов по часовой стрелке. В случае с Юсом малым, который является основой композиции всех Юсов в обеих азбуках, если предположить, что исходной формой является глаголическая, то для необходимого поворота его надо начать писать снизу (что представляется неестественным), прорисовав С-образный элемент, затем добавить кружок и срединную линию. Если же начать естественным образом, сверху, то знак повернется против часовой стрелки, и в результате получится знак, повернутый по сравнению с кириллическим знаком на 180 градусов. Если же за прототип принять кириллический Юс, то получится искомый поворот, и естественным путем образуется глаголический Юс.

Заключение

Таким образом, графический анализ 26 букв глаголицы позволяет сделать вывод, что ее прототип представлял собой несколько архаичный алфавит типа греческого унциала (устава), с активными засечками. Учитывая, что в него входили также и чисто славянские знаки — Буки, Живете, Зело, Гервь, Юсы, можно считать этот алфавит уже собственно кириллицей. Несколько отличались лишь Буки (верхним выступом вертикального штриха), Веди (впадиной между дугами), Слово (имело вид архаичной Сигмы). Тем самым подтверждается вторичность глаголицы по отношению к кириллице. Этот вывод требует согласования с данными о большем возрасте гла-

голических текстов по сравнению с кириллическими (например, с фактом существования глаголических палимпсестов), однако детальное обсуждение этой проблемы выходит за рамки данного исследования. Заметим лишь, что такое согласование предполагает, что после создания кириллицы в течение некоторого периода существовала достаточно изолированная славянская общность, принципиально использовавшая исключительно ее скорописную форму, которая позднее, лишь после регуляризации, стала самостоятельной письменностью.

В заключение вспомним об одном факте: источники не упоминают о существовании двух азбук. Г. М. Прохоров пишет: «Странно то, что все источники... говорят лишь об одной новоизобретенной в IX в. славянской азбуке, хотя на деле, как мы знаем, их существовало и существует две»⁵¹. Эта странность может иметь разные объяснения, но в частности, то, что в IX–X вв. различие двух этих письменностей не осознавалось, и глаголица воспринималась лишь как курсив кириллицы, хоть и упорядоченный.

Литература

- Беляев Д. Ф. История алфавита и новое мнение о происхождении глаголицы. Казань, 1885.
- Гельб И. Опыт изучения письма, М., 1982.
- Гранстрем Е. Э. О происхождении глаголической азбуки // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР. Т. 11. Л., 1985. С. 300–313.
- Дирингер Д. Алфавит. М., 1963.
- Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.
- Дьяконов И. О письменности // Дирингер Д. Алфавит. М., 1963. С. 5–26.
- Зализняк А. А. О древнейших кириллических абecedариях // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию В. В. Иванова. М., 1999. С. 543–576.
- Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1965.
- Истрин В. А. Развитие письма. М., 1961.
- Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография, М., 1979.
- Карский Е. Ф. Листки Ундольскаго // Памятники Старославянского языка. Т. I. СПб., 1904. С. 14.

⁵¹ Прохоров Г. М. Указ. соч. С. 179.

- Прохоров Г. М.* Глаголица среди миссионерских азбук // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1992. Т. 45. С. 178–199.
- Тарумян Р. Х.* Влияние приемов письма на формирование графем и происхождение агванского алфавита // *Albania Caucasica. I* / Отв. ред. А. К. Аликберов, М. С. Гаджиев. М., 2015. [Электронный ресурс]: URL: <https://book.ivran.ru/f/albania-caucasica1m2015.pdf> (дата обращения: 18.04.2018).
- Фортулатов Ф. Ф.* О происхождении глаголицы // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. XVIII. Кн. 4. СПб., 1913. С. 221–256.
- Фридрих И.* История письма. М., 1979.
- Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1986.
- Черепнин Л. В.* Русская палеография. М. 1956.
- Чернов А.* Печаль и песнь мюнхенского абецедария. [Электронный ресурс]: URL: <https://nestoriana.wordpress.com/2012/10/11/abc/> (дата обращения: 08.04.2018).
- Шафарик П. Й.* О происхождении и родине глаголитизма / Пер. с нем. А. Шемякина // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 4. Отд. III. М., 1860. С. 1–66.
- Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967.
- Johnson J. H.* Thus Wrote 'Onchsheshonqy – An Introductory Grammar of Demotic. Chicago, 2000.
- Lambdin T. O.* Introduction to Sahidic Coptic. Macon, 1983.
- Müller F.* Bemerkungen zur Geschichte der Altslav. Schriften // Archiv für Slavische Philologie. Bd. 19. Berlin, 1897.
- Taylor I.* Über den Ursprung des glagolitischen Alphabets // Archiv für slavische Philologie. Bd. 5. Berlin, 1881.
- Thompson E.* An Introduction to Greek and Latin Palaeography. Oxford, 1912.
- Հակոբյան (Թարումեան) Ռ. Հայոց տառերը: Ձեռագրագրման համեմատական քննություն, Եր., 2017.

Акобян Рубен Хачатур, преподаватель кафедры теории архитектуры, реставрации и реконструкции историко-архитектурного наследия, изящных искусств и истории (Национальный университет архитектуры и строительства Армении, Ереван, Армения); эл. почта: post@tarumian.am.

An Attempt to Reveal the Prototype of the Glagolitic Letters, Based on a Comparative Analysis with the Cyrillic Letters and the Signs of the Middle East Scripts

A volume of research has been devoted to the problem of the prototype of the Glagolitic letters. However, the results are still unsatisfactory, due to the excessive concentration of researchers on the philological features of the textual material, and the lack of attention to the general logic of the development and distribution of writing, as a means of exchanging information and to graphic (calligraphic, grammatological) patterns of writing. Writing is a sign system (code) that provides information transfer. Violation of the code – the form of written characters, makes them unrecognizable and therefore unsuitable for information transfer. Therefore, the writer tries more accurately to reproduce the forms of written signs established by the calligraphic school according to specified ductus. When creating a new writing system, it is usually borrowing letters from a neighboring culture whose signs may be familiar to many members of the society, and it is groundless as if the authors of the new alphabets can arbitrarily distort and rotate the original forms of letters. Differences in the forms of the letters of the original and new alphabets are explained by borrowing cursive, “folk” forms of writing, with their subsequent graphic arrangement. Cursive writing leads to the rounding of corners or the formation of loops, etc., hence, the Glagolitic, whose signs are more rounded, should be younger than the more archaic Cyrillic alphabet. Indeed, the analysis of the majority of Cyrillic graphemes makes it possible for the origin of the Glagolitic signs from the corresponding Cyrillic characters. At the same time, it is known that the Glagolitic texts are older than the Cyrillic texts. This may mean that initially the Slavs borrowed Greek letters, adapting to their language, and changing the numerical values of the letters (conditionally – “protocyrillic”). Christian missionaries used the cursive “folk” form of this alphabet, graphically ordering it, resulting in the formation of the Glagolitic. After the official adoption of Christianity, there was a return to the official form of the letter with the restoration of Greek numerical values, i.e., the formation of the Cyrillic alphabet.

Key words: Glagolitic alphabet, Cyrillic alphabet, cursive, sign system, grapheme, ductus, information exchange.

Ruben Hakobyan, Lecturer of the Department of Theory of Architecture, Restoration and Reconstruction of Historical Heritage, Fine Arts and History (National University of Architecture and Construction of Armenia, Yerevan, Armenia); e-mail: post@tarumian.am.

References

Beljaev D. F. Istorija alfavita i novoe mnenie o proishozhdenii glagolicy. Kazan', 1885.

- Gel' b I. Opyt izuchenija pis'ma*, M., 1982.
- Granstrem E. Je. O proishozhdenii glagolicheskoy azbuki // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury IRLI AN SSSR. T. 11. L., 1985. S. 300–313.*
- Diringer D. Alfavit*, M., 1963.
- Durnovo N. N. Izbrannye raboty po istorii russkogo jazyka*, M., 2000.
- D'jakonov I. O pis'mennosti // Diringer D. Alfavit*, M., 1963. S. 5–26.
- Zaliznjak A. A. O drevnejshih kirillicheskih abecedarijah // Pojetika. Istoriya literatury. Lingvistika. Sbornik k 70-letiju V. V. Ivanova*, M., 1999. S. 543–576.
- Istrin V. A. Voznikovenie i razvitie pis'ma*, M., 1965.
- Istrin V. A. Razvitie pis'ma*, M., 1961.
- Karskij E. F. Slavjanskaja kirillovskaja paleografija*, M., 1979.
- Karskij E. F. Listki Undol'skago // Pamjatniki Staroslavjanskogo jazyka. T. I. SPb., 1904. S. 14.*
- Prohorov G. M. Glagolica sredi missionerskih azbuk // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. SPb., 1992. T. 45. S. 178–199.*
- Tarunjan R. H. Vlijanie priemov pis'ma na formirovanie grafem i proishozhdenie agvanskogo alfavita // Albania Caucasica. I / Otv. red. A. K. Alikberov, M. S. Gadzhiev*, M., 2015. [Elektronnyj resurs]: URL: <https://book.ivran.ru/f/albania-caucasica1m2015.pdf> (data obrashhenija: 18.04.2018).
- Fortunatov F. F. O proishozhdenii glagolicy // Izvestija Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk. T. XVIII. Kn. 4. SPb., 1913. S. 221–256.*
- Fridrih I. Istoriya pis'ma*, M., 1979.
- Haburgaev G. A. Staroslavjanskij jazyk*, M., 1986.
- Cherepnin L. V. Russkaja paleografija*, M. 1956.
- Chernov A. Pechal' i pesn' mjunhenskogo abecedarija. [Elektronnyj resurs]: URL: <https://nestoriana.wordpress.com/2012/10/11/abc/> (data obrashhenija: 08.04.2018).*
- Shafarik P. J. O proishozhdenii i rodine glagolitizma / Per. s nem. A. Shemjakina // Chtenija v Imperatorskom obshhestve istorii i drevnostej Rossijskih pri Moskovskom universitete. Kn. 4. Otd. III. M., 1860. S. 1–66.*
- Shhepkin V. N. Russkaja paleografija*, M., 1967.
- Johnson J. H. Thus Wrote 'Onchsheshonqy – An Introductory Grammar of Demotic*, Chicago, 2000.
- Lambdin T. O. Introduction to Sahidic Coptic*, Macon, 1983.
- Müller F. Bemerkungen zur Geschichte der Altslav. Schriften // Archiv für Slavische Philologie. Bd. 19. Berlin, 1897.*
- Taylor I. Über den Ursprung des glagolitischen Alphabets // Archiv für slavische Philologie. Bd. 5. Berlin, 1881.*
- Thompson E. An Introduction to Greek and Latin Palaeography*, Oxford, 1912.
- Hakobyan (T'arowmean) R. Hayoc tar'ery': D'ewagoyacman hamematakan qnnowt'yown, Er., 2017.*

Жучков К. Б.

НОВЫЕ ЗАПАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБ ЭПОХЕ 1812 г.: ТРАДИЦИОННАЯ АНТИРУССКАЯ МИФОЛОГИЯ В РАМКАХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ «НОВАЦИЙ»

Среди многочисленных публикаций, посвященных 200-летию Отечественной войны 1812 г., вышедших в России, выделяются книги французского и английского историков М.-П. Рей и Д. Ливена. Книги привлекли внимание отечественных историков новаторским подходом к исследованию истории наполеоновских войн, комплексным освещением дипломатических, военных, социальных и идеологических проблем эпохи 1812 г., нетрадиционным для западных историков вниманием к российским источникам и литературе. Исследования М.-П. Рей и Д. Ливена в подавляющем числе получили положительные, а нередко и восторженные отзывы на круглых столах, конференциях, в специальных статьях и рецензиях. Однако при детальном анализе представленных книг выясняется, что авторы во многом так и не избавились от присущих западной историографии пренебрежительных суждений и оценок, касающихся участия России в наполеоновских войнах. Тезисы и положения, высказываемые авторами, часто не только поверхностны, но и противоречат известным на сегодняшний день источникам и их интерпретации в российской исторической науке, а иногда и вовсе основаны на заведомо ложных посылах. Это касается и военно-исторических фактов, посвященных описанию хода войны, и отношений в военно-политической верхушке России, и многих социальных явлений в русской жизни, и, наконец, взаимоотношений внутри русского военного командования. Особо это проявилось в вопросах, касающихся роли М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г. и его взаимоотношений с российским императором: это и традиционные обвинения Кутузова в неспособности руководить войсками, нежелании воевать за границей империи, негативном отношении к нему Александра I. В итоге, книги М.-П. Рей и Д. Ливена, несмотря на заявленную в них историографическую «новизну», фактически остаются образцами традиционного западного псевдоисторического мифотворчества, в котором заданные цивилизационные оценки российской истории определяют, в конечном счете, и «историческую» канву исследования.

Ключевые слова: историография, Отечественная война 1812 года, Д. Ливен, М.-П. Рей, М. И. Кутузов, Александр I, Заграничные походы русской армии.

200-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. вызвал к жизни огромное количество самой разнообразной художественной, популярной и научной литературы, посвященной великой эпохе. В ходе научных конференций вместе с российскими историками выступали их зарубежные — немецкие, французские, английские, польские — коллеги, освещавшие актуальные политические, общественные и военные проблемы войны¹. Сотрудничество разных национальных исторических школ в исследовании эпохи 1812 года и обсуждении ее проблем самым благотворным образом сказывается на результатах ее изучения. Зарубежными исследователями было опубликовано несколько монографий, посвященных Отечественной войне 1812 г. Среди них и книги известных уже в России английского историка Д. Ливена и его французской коллеги М.-П. Рей².

Выступления на представительных всероссийских научных форумах Д. Ливена и М.-П. Рей не остались незамеченным среди российских историков. Отечественные специалисты в целом высоко оценили вклад зарубежных исследователей как в изучение эпохи 1812 года, так и всего круга проблем, связанных с наполеоновскими войнами³. Указывалось, что «изучение книги Д. Ливена позволяет в целом одобрительно отнестись к авторскому обоснованию ее основных положений», а российские историки, в общем, «практически единодушно одобрили этот научный труд с точки зрения объективности и научной обоснованности авторских суждений»⁴.

¹ 1812 год в судьбах России и Европы: сборник трудов международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2012. СПб., 2012; Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.) М., 2013; Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 25–26 марта 2014 г.). М., 2014.

² *Ливен Д.* Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012; *Рей М.-П.* Александр I. М., 2013; *Рей М.-П.* Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. М., 2015.

³ *Шейн И. А.* Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2013. С. 365.

⁴ *Шейн И. А.* Указ. соч. С. 368.

Работам Д. Ливена и М.-П. Рей посвящены были и специальные рецензии. Положительно оценивая исследование английского историка, некоторые замечания, тем не менее, высказала Л. Л. Ивченко⁵. Особо приветствовалась книга М.-П. Рей об Александре I. Автор рецензии, написанной на ее французское издание, заявлял, что «знакомство с трудом М.-П. Рей показывает, какую колоссальную созидательную работу проделала она для реконструкции политического портрета Александра I», а ее книга «поражает и восхищает широчайшим кругом привлеченных источников»⁶. Книга М.-П. Рей о русском императоре названа «лучшим “жизнеописанием” Александра I», в котором автору «удалось создать тонкий психологический портрет российского императора. Этот портрет человек без идеализации»⁷. Что касается книги М.-П. Рей о Войне 1812 г., то она явилась «важнейшим событием не только для французской, но и для российской историографии»⁸.

Так же как и книга М.-П. Рей об Александре, исследование Д. Ливена еще в англо-американском издании было замечено в отечественной исторической науке⁹. Книга Д. Ливена своим новаторским подходом в освещении наполеоновских войн и участия в них России вызвала большой интерес в отечественных научных кругах. Ей посвящались круглые столы, специальные статьи и рецензии. Многократно отмечались неоспоримые достоинства исследования английского историка, подтверждалось, что эта книга знаменует собой новый взгляд на Отечественную войну и заграничные походы русской ар-

⁵ Шейн И. А. Указ. соч. С. 368–369.

⁶ Канинская Г. Н. «Северный сфинкс» глазами французского историка (О книге М.-П. Рей «Александр I») // Французский ежегодник. 2010: Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохи Наполеона. М., 2010. С. 458–463; Чудинов А. В. О «глобализации» в историографии войны 1812 года (размышления над книгой М.-П. Рей) // Французский ежегодник. 2013. М., 2013. С. 61–74.

⁷ Ивченко Л. Л. Проблемы современной российской историографии наполеоновских войн // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Доклады Международной конференции «Россия и Наполеоновские войны» (Межотне). XII: Сборник материалов. К 200-летию Заграничных походов российской армии 1813–1814 гг. М., 2014. С. 342–362.

⁸ Ивченко Л. Л. Указ. соч. С. 358–359.

⁹ Отечественная война 1812 года в современной историографии: сборник обзоров и рефератов. М., 2012. С. 15–29.

мии¹⁰. В одном из историографических обзоров книга Д. Ливена названа одной из «лучших работ нашего времени» среди «исследователей последних лет, сохранивших приверженность "классическому" взгляду на события 1812–1814 годов»¹¹. В тоже время «книга Доминика Ливена — это принципиально новый в западной историографии взгляд на роль России в Наполеоновских войнах», которой он «высоко "поставил планку" для своих зарубежных коллег, если они в будущем обратятся к этой теме»¹². Кроме того, рецензент видит в книге Д. Ливена влиятельный фактор развития отечественной историографии войны 1812 г., поскольку она вносит «значительный вклад в современную российскую историографию, в последнее время явно тяготеющую к "наполеоновской легенде"»¹³.

Отмечая в общем высокое качество книг, созданных М.-П. Рей и Д. Ливеном, необходимо признать, что во многом это действительно новаторские для западных историков труды по эпохе 1812 г., в том числе по вопросам, касающимся политических, дипломатических и социальных аспектов темы. Тем не менее, многие положения и выводы исследователей не всегда опираются на достоверные или, как минимум, внушающие доверия, источники, а зачастую и вовсе умозрительны. Очень часто вместо исторически важных узлов в понимании событий и явлений положения авторов образуют «одинокостоящие гипотезы»¹⁴, представляющие собой конструкции умозрений и суррогатов, которые структурируются сами собой, безотносительно имеющихся документов по высказываемым вопросам. И возникают эти умозрительные конструкции чаще всего из традиционных представлений западного общества о России.

¹⁰ Чудинов А. В. и др. «Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814» Доминика Ливена // ИИ. 2013. № 6. С. 3–51.

¹¹ Земцов В. М. Европейская война 1812–1814 годов: историки последних десятилетий в поисках методологических новаций // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Доклады Международной конференции «Россия и Наполеоновские войны» (Межотне). XII: Сборник материалов. К 200-летию Заграничных походов российской армии 1813–1814 годов. М., 2014. С. 329–341.

¹² Ивченко Л. Л. Проблемы современной российской историографии наполеоновских войн. С. 358.

¹³ Там же.

¹⁴ Ренан Э. Апостол Павел. М., 1991. С. XXIV.

Недавно Л. Л. Ивченко высказала вполне справедливую мысль, что «для многих, занимающихся проблемами наполеоновских войн, единственной методологической основой новых исследований до сих пор является преодоление идеологической составляющей, обозначаемой как “лжепатриотизм”, под которым подразумевается нечто специфическое и свойственное только отечественной историографии»¹⁵. Историк сказал это по поводу того, что националистическая мифология зарождалась в наполеоновскую эпоху во всех национальных государствах Европы и является важной составляющей современных европейских исторических школ. Однако проблема современного противоборства исторических школ относительно Русского похода кажется намного более глубокой. Собственно, спор по многим вопросам эпохи 1812 г., а точнее, высказывание зачастую прямо противоположных точек зрения, является не историографической дискуссией, ведущейся по научным стандартам, а идеологической «войной», где каждая из сторон отстаивает свои цивилизационные мифы. В этой войне собственно фактические или источниковедческие ошибки, как и недостаточное знание исторического материала, не играют никакой роли. Здесь важнее всего представить «новую» концепцию события или процесса, которая рано или поздно окажется плохо замаскированной старой идеологией. В конечном счете «историографический» вопрос в том, кто кого распропагандирует.

М.-П. Рей позиционирует свою книгу о Русском походе как «новый взгляд на 1812 год». Этот «новый» взгляд автор объясняет тем, что ей, автору, «захотелось показать читателю 1812 год с новой стороны, в глобальной перспективе (выходящей за рамки собственно военных аспектов), объединив французскую и русскую точки зрения и учитывая при этом все то, что прочувствовали и пережили военные и гражданские лица, прошедшие это испытание»¹⁶. М.-П. Рей заявляет, что историки «не смогли передать в полной мере накал, жестокость и исключительность войны 1812 года», а кроме того,

¹⁵ Ивченко Л. Л. М. И. Кутузов в отечественной историографии 2000-2012 годов // 1812 год. Люди и события великой эпохи. Материалы Международной научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2012 года. М., 2013. С. 111.

¹⁶ Рей М.-П. Страшная трагедия. С. 7.

«историки редко пытались сравнивать зачастую противоположные взгляды на одни и те же события», ну и, конечно же, «до настоящего времени историки не особо интересовались людьми». М.-П. Рей «кажется, что человеческому измерению войны историки не уделили достаточного внимания... и не всегда отдавали себе отчет о чувствах участников и свидетелей событий, о том, что пережили и что чувствовали военные и штатские»¹⁷.

Кажется, «новое» прочтение Русского похода, вынесенное в подзаголовок на обложку книги, является простым коммерческим трюком, необходимым для привлечения покупателей. Сопоставление различных точек зрения на события является простой обязанностью историка, не выполняя которую он и историком-то не является. «Человеческое измерение войны», если возможно такое понятие, абстрактное, туманное и ни о чем не говорящее, применить к описанию военных действий, просто является лишним обозначением одной из частей всей совокупности фактов о войне. Исследуя войну, ход военных действий и политических процессов, рассматриваются только существенные, повлиявшие в той или иной мере на ее ход события, процессы и явления. Вкрапление в военно-исторический текст жалоб на тяжелые условия похода, страдания населения, жестокость отношений (как это и сделано в книге М.-П. Рей), является просто неоправданным отступлением от цели книги. Если необходимо все-таки вычленить этот пласт войны, то это можно сделать в рамках специального исследования, не привязанного к описанию собственно военных действий. Тем более, что о страданиях и жертвах Войны 1812 г., эпических масштабах разрушений и бедствий, которые она принесла русскому народу, посвящены многие тонны печатной бумаги.

При анализе исследования французского историка, прежде всего, привлекает внимание состав исторических и историографических источников книги. М.-П. Рей в обзорах, тексте и примечаниях упорно называет Российскую национальную библиотеку Императорской библиотекой¹⁸. Приво-

¹⁷ Рей М.-П. Страшная трагедия. С. 8-9.

¹⁸ Рей М.-П. Александр I. С. 5; Рей М.-П. Страшная трагедия. С. 10, 84 (С. 269. Прим. 29), 159 (С. 281. Прим. 95), 188 (С. 285. Прим. 5), 257 (Прим. 12), 268 (Прим. 28), 279 (Прим. 44).

дя исследованные по войне 1812 г. архивохранилища, автор называет Государственный архив Российской Федерации (который почему-то называется национальным) и Российский государственный архив древних актов¹⁹. Конечно, М.-П. Рей и во введении, и в перечне источников указывает Российский государственный военно-исторический архив, которым исследователь не пользовался лично, а смотрел (?) микрофильмы фонда ВУА, сделанные для Русского центра Иллинойского университета. Однако, как это ни покажется странным, никаких ссылок на архивные материалы этих архивов во всей книге нет. Во всем тексте есть только две ссылки на фонд 154 ВУА без указания реквизитов документов²⁰. В книге есть только три ссылки на архивные документы, одна из них сделана на Отдел рукописей РНБ, на фонд К. А. Военского по интернет-сайту «1812», другая на «архивы» Н. К. Шильдера без указания реквизитов и, вероятнее всего, тоже сделана по электронному ресурсу, третья — на дело РГВИА без указания листов²¹. Кроме того, в тексте есть несколько ссылок на документы, опубликованные на сайте «1812»²², причем автор считает, что на этом сайте опубликовано «много неизданных документов Отечественной войны», повторяя в другой своей книге, что сайт «предлагает оригинальные версии многих неизвестных документов, связанных с Отечественной войной»²³. Об уровне представлений автора о российских архивах говорит тот факт, что М.-П. Рей называет «Военным архивом» Отдел рукописей РНБ (естественно, называя Российскую национальную библиотеку Императорской)²⁴. Как нам кажется, широкое описание якобы использованных российских архивов просто призвано затушевать в тексте книги отсутствие такой работы. Нет ничего зазорного в том, если историк не смог воспользоваться специализированным по теме архивом. Однако стремление выдать несуществующую архивную работу за действительность и бравировать этим на протяжении всей книги, на наш взгляд,

¹⁹ Рей М.-П. Страшная трагедия. С. 10, 295.

²⁰ Там же. С. 51, 52 (С. 263. Прим. 41, 44)

²¹ Там же. С. 84 (С. 268. Прим. 28), 81 (С. 268. Прим 13), 147 (С. 279. Прим. 44), 147 (С. 279. Прим. 47), 153 (С. 280. Прим. 70–76).

²² Там же. С. 156 (С. 280. Прим. 82), 165 (С. 282. Прим. 113), 213–214 (С. 289. Прим. 23), 240–241 (С. 292. Прим. 56), 242 (С. 293. Прим. 60).

²³ Там же. С. 293. Прим. 60; Рей М.-П. Александр I. С. 462. Прим. 392.

²⁴ Там же. С. 257. Прим. 12.

является желанием ввести в заблуждение читателя и придать своей книге несуществующую авторитетность.

Не менее странным выглядит и большая часть ссылок на использованную литературу. Воспоминания русских участников похода цитируется автором по книге К. Грюнвальда²⁵, представляющую собой своеобразный цитатник в отрывках, очень коротких, документов и воспоминаний о Русском походе²⁶. Письмо Ж.-Б. Н. Шампаньи А. Коленкуру от 2 июня 1809 г. цитируется, например, со ссылкой на книгу автора об Александре I²⁷. Однако там этот же отрывок цитируется по книге А. Вандаля²⁸. Между тем, на этой же странице книги имеются ссылки и на саму книгу А. Вандаля. Мемуары А. Коленкура и Ф. Сегюра цитируются по французскому изданию книги американского журналиста Куртиса Кейта²⁹. Причем тот же А. Коленкур цитируется и по отрывкам Кейта, и по отрывкам К. Грюнвальда. Возникает впечатление, что М.-П. Рей в глаза не видела французской книги знаменитого шталмейстера. Поэтому неудивительно, что автор не представляет себе, кто такой сам Арман Коленкур, поскольку считает его «крупным кавалерийским начальником Наполеона»³⁰. М.-П. Рей путает его с родным братом, Огюстом Коленкуром, погибшим при Бородине. А ведь для историка наполеоновских войн, и прежде всего событий 1812 г., книга А. Коленкура — просто хрестоматийная. Ну и совсем странно, что документы М. И. Кутузова цитируются по книге французского романиста Э. Марко Сент-Илера³¹. В итоге наибольшее количество ссылок у М.-П. Рей приходится на опусы американского журналиста и французского беллетриста, которые, собственно, и являются «источниковой» базой труда М.-П. Рей, не только в военно-историческом, но в «страноведческо-цивилизационном» плане. Приходится констатировать, что научный аппарат книги находится в полном беспорядке и, соответственно, в таком же беспорядке находятся и большинство фактов и выводов книги.

²⁵ *Grunwald C. La Campagne de Russie. 1812. Paris, 1963.*

²⁶ *Рей М.-П. Страшная трагедия. С. 66 (С. 265. Прим. 14), 115 (С. 273. Прим. 13), 122 (С. 274. Прим. 41), 216 (С. 289. Прим. 30), 257. Прим. 6, 15.*

²⁷ Там же. С. 22 (С. 259. Прим. 4).

²⁸ *Рей М.-П. Александр I. С. 227 (С. 455. Прим. 196).*

²⁹ *Рей М.-П. Страшная трагедия. С. 32 (С. 260. Прим. 41), 36 (С. 261. Прим. 52),*

³⁰ *Рей М.-П. Александр I. С. 267.*

³¹ *Рей М.-П. Страшная трагедия. С. 131 (С. 276. Прим. 87).*

Помимо того, что сведения о России и Русском походе черпаются из американских фельетонов и французских второсортных романов, М.-П. Рей все время оценивает военно-политическую ситуацию 1812 г. с точки зрения нынешнего «мультикультурного» жителя «Объединенной Европы». Рассказывая о формировании литовских войск и попытке Наполеона образовать вассальное Литовское государство, М.-П. Рей вносит в понимание политической ситуации современное содержание. Автор утверждает, что французский император создал «национальную литовскую армию», чтобы «хотя бы символически представить ее (Литву) независимой»³². Однако в действительности литовские вооруженные формирования получали общую нумерацию с польскими войсками, не говоря о том, что некоторые части формировались в составе французской армии, а само «Литовское государство» становилось частью Общей Конфедерации Польши. Да, собственно говоря, ни в 1812 г., ни намного позже, литовские губернии не воспринимались ни в России, ни в самой Литве, ни уж тем более в Польше, как автономное историческое образование. Общеупотребительным языком в литовских губерниях был польский, делопроизводство в «новой Литве» было польским и на польском языке, вероисповедание — католическим. Поэтому говорить о «национальной литовской армии» и «независимом литовском государстве» в 1812 г. не только неправомерно, но и, более того, антиисторично.

Заблуждение французского историка по поводу положения Литвы в составе России во многом проистекает из сегодняшних воззрений европейцев на внешнеполитическую историю России. Так, М.-П. Рей заявляет, что «40 тысяч литовцев стали служить (французской) империи с энтузиазмом»³³. Ни о каком энтузиазме при формировании литовских частей источники не сообщают. Литовские войска так и не были набраны и сформированы полностью до конца 1812 г., при столкновениях с русскими войсками просто бежали с поля боя или сдавались в плен. Численность всех собранных литовских войск в процессе формирования исчислялась в 19 тыс. чел., налицо же их состояло в начале ноября 1812 г. около 12 тыс. чел.³⁴

³² Рей М.-П. Страшная трагедия. С. 86.

³³ Там же. С. 45.

³⁴ Dundulis B. Napoléon et la Lituanie en 1812. Paris, 1940. P. 209–217; Iwaszkiewicz J. Litwa w roku 1812. Krakow; Warszawa, 1912. S. 368–369, 372.

Примечательно выразил свой «энтузиазм» по отношению к французской оккупации подкомиссар Смолевичского магазина Михай. Избитый до полусмерти при ограблении магазина французскими солдатами, он в сердцах заявил, что век будет помнить и «освобождение и возрождение отечества»³⁵.

Неверна и характеристика английского агента в России Р. Т. Вильсона, на мнение которого на протяжении всей книги ссылается М.-П. Рей, называя его «членом генерального штаба Александра I», «человеком, которому доверял сам царь», считая, что он «дипломат, доверенное лицо Александра I»³⁶. Точную характеристику Вильсону дал еще Вандаль, книгу которого М.-П. Рей неоднократно цитирует. Вандаль называет Вильсона одним из «тех агентов, которые составляли так называемую бродячую дипломатию коалиции»³⁷.

Хотя отечественная историографическая традиция называет его наблюдателем английского правительства при главной квартире русской армии, куда он прибыл 11 сентября 1812 г., это не так. Вильсон не обладал никакими полномочиями и был, скорее, агентом не английского правительства, а Александра I. Во-первых, Вильсон был близок к вигам, составлявшим тогда оппозицию торийскому правительству³⁸. Во-вторых, он не представил Александру никаких полномочий в

³⁵ Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. XXXVII. Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. Вильна, 1912. С. 474.

³⁶ Рей М.-П. Страшная трагедия. С. 117, 148, 198.

³⁷ «Без определенного местожительства, не имея определенного звания, они беспрестанно переезжали из одной столицы в другую, подогревая повсюду рвение наших [т. е. французских. — К. Ж.] противников; смотря по обстоятельствам, их или признавали, или отрекались от них, оставляли их в роли простых исполнителей поручений или возвышали до звания уполномоченных посредников» (*Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. Т. II. От Тильзита до Эрфурта. Ростов-на-Дону, 1995. С. 175). «Читая донесения о нем наших агентов, а также его дневник о пребывании в Петербурге, представляющий собой настоящий светский вестник, где к политике примешиваются рассказы о балах и пикантные мнения о женщинах, узнаешь в нем человека, привыкшего находить в придворных и кабинетных интригах свою родную стихию» (там же. С. 176).

³⁸ Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. С. 221.

качестве официального лица, а был принят им как известный в обществе противник Наполеона, наподобие Ж. де Местра или К.-А. Поццо ди Борго³⁹. В-третьих, его спутник Д. Тирконнел так же не имел никакого официального статуса, и, вопреки мнению русских официальных лиц, не состоял в штате посольства⁴⁰. В-четвертых, сам Вильсон, в обращении к Александру не называет никакого официального статуса тогда, когда он должен был это сделать. В жалобе на Кутузова, принявшего для переговоров Ж. Лористона, Вильсон увещевает Александра «как человек преданный императору, империи и российской армии, и в качестве генерала союзной армии», но никак не полномочный представитель британского правительства⁴¹. В-пятых, комментаторы «Внешней политики России» также не приводят никакого официального его статуса, а туманно называют его «представителем английского военного командования», что вообще лишено смысла, так как Вильсон не находился на действительной военной службе⁴².

Приехав в Главную квартиру русской армии 13 сентября 1812 г., Вильсон быстро стал приятелем Л. Л. Беннигсена и вошел в кружок недовольных фельдмаршалом генералов, каждый из которых преследовал свои корыстные цели. Собственно, сам того не ведая, английский агент в своих письмах императору стал проводником их интриг. Само нахождение Вильсона в главной квартире дает некоторые штрихи для освещения истории войны, однако пользоваться его письмами и «записками» как источниками надо чрезвычайно осторожно, не пытаясь заменить ими всю многогранную палитру документов и мемуаров об Отечественной войне 1812 г.

Вильсон, имевший право писать напрямую царю, начал досаждать тому сплетнями и небылицами о Кутузове, особенно напирая на его, якобы, старческую немощь, нежелание руководить войсками, медлительность, боязнь противника⁴³.

³⁹ Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. С. 218.

⁴⁰ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2007. С. 187.

⁴¹ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 170.

⁴² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815 гг. Т. 6. 1811–1812 гг. М., 1962. С. 771.

⁴³ См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч.

Эти обвинения едва не поколебали Александра после известия о переговорах М. И. Кутузова с Ж. Лористоном 23 сентября 1812 года. Фельдмаршала перед императором отстояли П. А. Зубов, А. А. Аракчеев, А. С. Шишков, А. Д. Балашев и Б. Ф. Кнорринг⁴⁴ и, видимо, Н. П. Румянцев, Н. И. Салтыков и П. Н. Волконский.

История доноса Вильсона на Кутузова о переговорах последнего с Лористоном показательна для понимания поведения английского агента в ставке Кутузова. Вместе с тем этот эпизод красноречиво характеризует представление М.-П. Рей о работе Главной квартиры русской армии и роли в ней Кутузова. Вот что автор пишет об этом эпизоде: «Желая знать истинные намерения Наполеона, он (Кутузов) решил, с согласия Волконского, встретиться с Лористоном ночью, в укромном месте, у русских передовых постов»⁴⁵. В нашем воображении сразу возникает картина, как Кутузов в потемках, по буеракам, сильно чертыхаясь, согнувшись в три погибели, тайком пробирается к месту встречи с французским генералом. Но, оказывается, все это было зря, потому что автор в следующей же строке заявляет: «Новость о появлении французского эмиссара мгновенно распространилась в русском лагере». Эпизод встречи Кутузова с Лористоном в избе, в которой квартировал фельдмаршал, описан во множестве источников, в том числе и у самого сэра Роберта, на книгу которого постоянно ссылается М.-П. Рей. Кажется, что автор, мягко говоря, недостаточно хорошо с ней познакомился.

М.-П. Рей постоянно напоминает о том, что император «ненавидел и презирал» Кутузова, «питал к нему отвращение»⁴⁶. Александр «гневался» за действия Кутузова, так же как на фельдмаршала чувствовали «гнев, ярость и раздражение» солдаты русской армии⁴⁷. Даже не смотря на победоносное окончание войны «отношения Александра I и Кутузова по-прежнему отмечены недоброжелательностью»⁴⁸.

⁴⁴ *Войков А. Ф.* Отрывок из статьи // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. VII. М., 1903. С. 278.

⁴⁵ *Рей М.-П.* Страшная трагедия. С. 147–148.

⁴⁶ *Рей М.-П.* Страшная трагедия. С. 105, 115; *Рей М.-П.* Александр I. С. 271.

⁴⁷ *Рей М.-П.* Страшная трагедия. С. 213, 135, 155.

⁴⁸ Там же. С. 239.

Доказательств «отвращения, ненависти и презрения» царя, как и свидетельств «гнева, ярости и раздражения» армии автор не приводит, так же как и «недоброжелательности» отношений полководца и императора после 1812 г.

Между тем, Александр не просто не ненавидел или не презирал Кутузова, но и прямо ему доверял. О доверии царя к фельдмаршалу и его влиянии на императора говорит тот факт, что все сотрудники главной квартиры главнокомандующего были убеждены в том, что Александр возвращал Кутузову все написанные на него доносы. А. П. Ермолов в воспоминаниях писал: «Узнал я, что, отправляя из Петербурга Кутузова к армиям, государь отдал ему подлинные мои к нему письма». Ему вторит другой сотрудник Главной квартиры, А. А. Щербинин: «Вскоре после Тарутинского сражения Кутузов получил от Государя письмо, которое послано было Беннигсеном Его Величеству. В этом письме заключался донос на Кутузова». Об этом же свидетельствует А. И. Михайловский-Данилевский: «Фельдмаршал до такой степени пользовался доверенностью государя, что император посылал к нему обратно письма партикулярно от различных генералов из армии к особе е. в. писанные». Еще один квартирмейстерский офицер подтверждает их догадки: «Позднее, во время дела при Тарутине, Кутузов стал больше в милости; он узнавал об интригах Беннигсена непосредственно от императора. Кутузов, в своей хитрости, не подавал виду, что он получал обратно доносы Беннигсена императору»⁴⁹. «Он (император) утвердил представление князя Кутузова, препроводил к нему шпагу с лаврами и 100 тыс. рублей для Беннигсена и вместе с тем прислал донос его (Беннигсена на Кутузова)»⁵⁰.

«Нелюбовь» Александра к Кутузову заставляет М.-П. Рей дать неприглядную характеристику фельдмаршалу: «Одноглазый, тучный и почти что немощный Кутузов был известен своей ленью, придворным раболепием, вкусом к роскоши

⁴⁹ Ермолов А. П. Записки. 1798–1826. М., 1991. С. 215; Щербинин А. А. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. I. Вильно, 1900. С. 43; Михайловский-Данилевский А. И. Записки. 1812 год // Исторический вестник. 1890. Т. 42. Октябрь. С. 159; Diest H. Aus der Zeit der Not und Befreiung Deutschlands in den Jahren 1806 bis 1815 / Hrsg. v. G. v. Diest. Berlin, 1905. S. 157.

⁵⁰ Воейков А. Ф. Указ. соч. С. 279.

— даже во время кампаний при приеме пищи он пользовался серебряной посудой и любовными утехами»⁵¹. Возникает вопрос: как, каким образом Александр, характер и личность которого М.-П. Рей все же основательно изучила (судя по ее книге об Александре), мог в столь драматическую для Российского государства минуту назначить для ее спасения немощного, ленивого, раболепного, сибаритствующего развратника, а тем более назначить его «главнокомандующим для того, чтобы русская армия перешла в наступление»⁵²?

Но вот несколькими строками ниже М.-П. Рей говорит что «харизматичный, опытный и храбрый Кутузов был в состоянии сплотить армию лучше, нежели это сумел сделать несчастный Барклай»⁵³. Непонятно совершенно, почему Барклай был «несчастливым», который, что может показаться французской писательнице новостью, ничего в должности не потерял от назначения Кутузова. М.-П. Рей дает не цельную характеристику полководцу, которая должна была бы вытекать из ее, исследовательницы, всестороннего изучения характера и личности фельдмаршала, а следует просто наиболее типичным характеристикам, исходившим от его недругов, а при необходимости подправить «логическую» связь своих рассуждений просто вставляет в них необходимые ей лоскутки «правдоподобия». Вот это «правдоподобие» рассказов западных ученых о российской истории и есть методологическая основа антирусской традиции западной историографии об эпохе 1812 г.

Касаюсь нежелания Кутузова продолжать войну, М.-П. Рей пишет: «Этот замысел (заграничного похода) встретил возражения со стороны сестры Екатерины Павловны и матери, согласных в данном вопросе с Н. М. Карамзиным, а также со стороны штаба, особенно Кутузова и правительства — А. К. Разумовского и А. С. Шишкова»⁵⁴. Возможность влияния на военно-политические планы русского царя его матери и сестры, да и самого Карамзина, до сих пор неизвестная в историографии, является очередным новшеством М.-П. Рей в рассмотрении вопроса о Заграничном походе. Трудно даже представить, как такое влияние могло осуществляться за несколько сотен или тысяч верст,

⁵¹ Рей М.-П. Александр I. С. 271–272.

⁵² Там же. С. 272.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 288.

когда Александр еще 7 декабря 1812 г. покинул столицу. И совсем уж неожиданным выглядит причисление к сонму противников Заграничного похода Карамзина.

Следование М.-П. Рей в русле антирусской мифологии особенно ярко проявляется в распространении всяческих домыслов и небылиц, сопровождающих обыкновенно рассказы о войне, сами по себе которые являются или политически пропагандистскими, или весьма преувеличенными рассказами участников, пытающихся разжалобить своих читателей. Однако под пером М.-П. Рей все эти «анекдоты» так же становятся в систему неких доказательств. Эти «доказательства» варварства русских, беспричинно жестоких и кровожадных, чуть ли не пронизывают книгу. «После того, как у них все отбирали, пленных часто казнили на месте, закапывая или сжигая заживо, или передавали их крестьянам, которые, подвергнув их пыткам, казнили их, часто с языческими ритуалами». «Двигаясь по главной дороге... увидели толпу крестьянок с палками в руках, прыгающих вокруг срубленной сосны, на каждой стороне которой лежало около шестидесяти обнаженных пленников, распростертых, с головами на дереве. Эти фурии били их по головам в такт национальной мелодии или песне, которую они хором вопили». «В этот день в Вязме около 60 пленников были погребены заживо в ямах, которые их заставили выкопать». «Я видел, как французского пленника за двадцать рублей продали крестьянам, которые крестили его при помощи котла с кипятком, а потом, еще живого, насадили на кусок острого железа». И резюме М.-П. Рей: «Эти варварские пытки и систематические убийства пленников вызвали возмущение Вильсона»⁵⁵.

Надо сказать, что отечественные источники, ни документы, ни воспоминания, ни известные в научном обороте письма, не приводят *ни единого* случая издевательств над пленными, ни, тем более, их убийств. С нашей точки зрения, все эти пассажи в мемуарах военнослужащих французской армии являются просто выдумками, преследовавшими различные цели: разжалобить своих западных читателей, привлечь внимание к своим бедам и невзгодам, получить пенсию или субсидию, вызвать «уважение» пережитыми страданиями своих потомков. Крестьяне, возможно, казнили французских маро-

⁵⁵ Рей М.-П. Страшная трагедия. С. 201–202.

дерев, или, вернее, избивали их, если была для этого возможность, хотя подлинных свидетельств этому нет, и уж тем более вряд ли они придумывали какие-то замысловатые казни, так живописуемые М.-П. Рей вслед за мемуаристами. Совершенно очевидно, что никакие крестьяне не будут покупать за 20 рублей французского пленного, чтобы его казнить. Осенью 1812 г. средняя стоимость крестьянской коровы составляла 20 рублей⁵⁶. Записки и доклады о действиях крестьянских отрядов в 1812 г. свидетельствуют о сдаче ими пленных русской военной или гражданской администрации⁵⁷. Известно, что жестокое отношение к пленникам А. С. Фигнера вызывало среди офицеров русской армии возмущение и неприятие, а сам отряд А. С. Фигнера покинули все офицеры⁵⁸. Но и это едва ли не единственное свидетельство о негуманном отношении к французам, оказавшимся в 1812 г. в руках противника.

В продолжение темы «жестокости» русских «варваров» М.-П. Рей красочно описывает убийства французских больных в госпиталях города Вильно. «В госпиталях Вильны были оставлены 5 тысяч раненых и больных; кроме того, около 10 тысяч солдат, в том числе отставшие и не способные двинуться в путь, стали жертвами казаков Платова. Когда русские вступили в город, они многих убили ударами пик и сабель, других взяли в плен. Некоторые казаки, жадные до добычи, даже продавали французских сирот парам, мечтающим о детях»⁵⁹. И тут же автор цитирует мемуаристку: «Евреи вели себя самым варварским образом. Они сами выдавали русским несчастных французов, ослабевших и беззащитных; женщины разделяли их жестокость и убивали этих бедных солдат ударами туфель на каблуках. Из-под ворот текли кровь и вода»⁶⁰. «Убийство» казаками 15 тыс. французских больных и отставших в Вильно, конечно, очередная выдумка М.-П. Рей. Во-первых, не понятно, зачем это им, казакам, было нужно. Чтобы самим заразиться тифом и дизентерией? Во-вторых, казаки в Вильно и не заходили. Казачий корпус М. И. Платова 28 ноября 1812 г. обошел

⁵⁶ Осенью-зимой 1812-1813 гг. корова в Псковской губернии стоила от 14 до 28 руб.

⁵⁷ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. документов. М., 1962. С. 114, 144, 145, 181.

⁵⁸ Давыдов Д. В. Дневник партизана. СПб., 2012. С. 101-102.

⁵⁹ М.-П. Рей. Страшная трагедия. С. 235.

⁶⁰ Там же.

город с юга и продолжил преследовать отступающую французскую армию, а авангард И. Е. Чаплица, в котором были казачьи полки, вошедший для занятия города, через несколько часов так же продолжил наступление. Кто же так живописно, как описывает это М.-П. Рей, «убивал» французских больных?

Далее М.-П. Рей приводит «свидетельство» француза на русской службе: «Явившись туда (в госпиталь при Базилианском монастыре), мы стали свидетелями ужасного зрелища: из окон всех этажей этого огромного здания выбрасывали не только трупы, но и еще дышавших людей, чтобы, как нам было сказано, освободить место для русских раненых и больных, которые, в самом деле, прибывали в ужасающих количествах»⁶¹. Во-первых, «из всех окон» сильно сказано, потому что Базилианский монастырь и до сегодняшнего дня имеет два этажа. Во-вторых, откуда в Вильно могли прибывать русские раненые и больные «в ужасающих количествах»? Ну и в-третьих, госпитали освобождали от тел для их захоронения во избежание распространения эпидемии.

В госпиталях Вильно на момент его занятия русскими войсками находилось не менее 15 тыс. больных французской армии. При этом все они практически были обречены равнодушием и безразличием как раз *французских* властей, бросивших своих больных, раненых и изможденных людей на произвол судьбы. Вот что свидетельствует французский врач Бертран, осматривавший один из виленских госпиталей еще до прихода русских: «Многих стекол на окнах не хватало, крыша и потолки в разных местах были попорчены. Больные валялись в коридорах на снопах полусгнившей соломы или прямо на голом полу, ничем не прикрытые, в невыразимой грязи, так как они испражнялись и мочились под себя и никто не убирал нечистот. Несколько, только что вставших после болезни и еще шатающихся солдат кое-как исполняли обязанности служителей. Ничтожное количество крайне плохого мяса и хлеба было разделено между больными без всякого порядка. Не было необходимых лекарств, например рвотного. Многие больные выползали тайком в монастырский огород и там с голоду набрасывались на сырые овощи. В шпалерах огорода потом найдено было не мало трупов этих несчастных. В этом госпитале одновременно скопилось до 900 больных»⁶².

⁶¹ М.-П. Рей. Страшная трагедия. С. 237.

⁶² Бернацкий Н. Н. События в Вильне во время Отечественной войны. Вильна, 1912. С. 134–135.

Лейтенант 6-го полка Рейнской Конфедерации Ф. Зоден, кстати, получивший 26 сентября 1812 г. орден Почетного Легиона, рассказывает о госпиталях в Ковно: «Так как в монастыре не было ни дверей, ни окон, то наше пребывание в нем при сильной непогоде было в высшей степени печальным. Оконные проемы были, насколько возможно, заткнуты соломой, были принесены дрова и в кельях разожжен костер, вокруг которого вместе расположились на привал офицеры и солдаты, чтобы обогреться в лютый холод; об отдельных лучших квартирах для офицеров при таких обстоятельствах нельзя было и думать. Все остальные монастыри в городе были оборудованы под лазареты, и были так заполнены ранеными и больными, что не хватало места, чтобы принять новых. По причине нехватки медикаментов, врачебной помощи, надлежащего ухода и, особенно, нехватки дров, в этих лазаретах умирало чрезвычайно большое число людей, и ужасным было зрелище, когда я однажды вышел из своего бивуака — так как по-другому я не могу назвать нашу теперешнюю квартиру — в город и увидел перед воротами лазарета обоз, нагруженный обнаженными покойниками, которых вывозили из города окоченевшими и застывшими, и бросали через проруби в Неман»⁶³.

В патологоанатомическом кабинете клиники О. Франка, в которой был устроен госпиталь, французские больные выпили спирт и употребили в пищу патологоанатомические препараты⁶⁴. Это происходило в то время, когда склады в Вильно буквально ломились от хлеба.

Вообще, останавливаться на всех подробностях книги М.-П. Рей и посвящать ей развернутую критику нет возможности просто потому, что вопросы возникают на каждой странице. В книге нет ни малейших следов критики источников: все они «правдивы» только потому, что их цитирует уважаемый доктор Сорбонны. Помимо этого, автор не представляет себе ни военно-исторических подробностей, ни, тем более, карт военных действий. Все сказанное вместе создает в книге удивительную смесь «информации», которая на самом деле является антиисторией. Можно только привести примеры, как такую книгу можно «анализировать».

⁶³ *Soden F., von. Beiträge zum Geschichte des Krieges in den Jahren 1812 und 1813. Arnstadt, 1821. S. 39.*

⁶⁴ Вильна и окрестности. Путеводитель и историческая справочная книжка. Вильна, 1883. С. 114.

Вот М.-П. Рей пишет: «Обычно пехотинцы, делая 76 шагов в минуту, проходили за день 20–25 км»⁶⁵. Однако, 76 шагов в минуту, это так называемый «ординарный шаг», который использовался на поле боя, а походный шаг составлял 85–90 шагов в минуту⁶⁶.

По ее словам, 26 июня 1812 г. Александр I из Вильно отправился в Петербург⁶⁷. Нет, царь уехал из армии в ночь с 6 на 7 июля 1812 г., и не из Вильно, а из Полоцка, и не в Петербург, а в Москву⁶⁸.

20 августа М. Б. Барклай де Толли, якобы, покинул пост командующего 1-й Западной армии⁶⁹. И вновь — ничего подобного. М. Б. Барклай да Толли написал рапорт об увольнении 19 сентября 1812 г., а уехал из армии 22 сентября 1812 г., так, что никто его с поста командующего 1-й армией не смещал⁷⁰.

«Английский генерал Роберт Вильсон, член генерального штаба Александра I»⁷¹. Никакого «генерального штаба Александра I» в 1812 г. не существовало, а уж тем более Вильсон не мог быть его «членом».

«Кутузов отсутствовал на поле боя» при Бородине⁷². Во время бородинского сражения Кутузов находился на высоте около д. Горки⁷³, которая находилась ближе к линии столкновения, нежели курган у д. Шевардино, где пребывал Наполеон⁷⁴.

Русская армия, обманув О. Себастиани на Рязанской дороге, «свернула к югу, в направлении к Тарутино»⁷⁵. Русская

⁶⁵ М.-П. Рей. Страшная трагедия. С. 68.

⁶⁶ Reglement concernant l'exercice et les manœuvres de l'infanterie du 1er août 1791. Paris, 1792. P. 21, 144; Manuel de l'infanterie. 4ème éd. Paris, 1813. P. 90, 92, 94.

⁶⁷ М.-П. Рей. Страшная трагедия. С. 74.

⁶⁸ Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 52.

⁶⁹ М.-П. Рей. Страшная трагедия. С. 106.

⁷⁰ М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV. Ч. 1. М. 1954. С. 331–332; Барклай де Толли М. Б. Изображение военных действий 1812-го года. СПб., 1912. С. 42. Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 144.

⁷¹ М.-П. Рей. Страшная трагедия. С. 117.

⁷² Там же. С. 123.

⁷³ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М. 1962. С. 368, 377, 396, 398, 399.

⁷⁴ Schuermans A. Itinéraire general de Napoléon Ier. Paris, 1908. P. 307–308.

⁷⁵ М.-П. Рей. Страшная трагедия. С. 156.

армия 4 сентября 1812 г. свернула с Рязанской дороги не на юг, а на запад, и не на Тарутино, а на Подольск и Красную Пахру⁷⁶.

М.-П. Рей называет Кутузова «старым генералиссимусом»⁷⁷. Слава Богу, Кутузов оставался лишь фельдмаршалом.

«Вскоре после полуночи 23 октября к Кутузову во весь опор примчался штабной офицер из 6-го корпуса Дохтурова»⁷⁸. Д. Бологовский, в должности дежурного штаб-офицера 6-го корпуса, ночью с 10 на 11 октября, имея несколько заводных лошадей, под проливным дождем, проехал расстояние в 15 км за 5–6 часов⁷⁹.

«Пять дней спустя, 12 октября, ожесточенному сражению под Малоярославцем (городишко восемь дней (так!) переходил из рук в руки...) суждено было решить исход войны»⁸⁰. Исход войны решило длительное пребывание Наполеона в Москве, где он ожидал мира.

«Русская армия испытывала подъем после прибытия в Вольнь Дунайской армии под командованием П. В. Чичагова и Финляндского корпуса под началом П. Х. Витгенштейна общей численностью 144 тыс. солдат, которым удалось остановить продвижение французов на юг»⁸¹. Пассаж, который свидетельствует о полном незнании военных обстоятельств, и который, однако же, должен ввести в заблуждение читателя с тем, чтобы показать кардинальное, якобы, численное превосходство русской армии в ходе войны. П. Х. Витгенштейн командовал 1-м Отдельным корпусом, Финляндским командовал Ф. Ф. Штейнгель. Тем не менее, Финляндский корпус никоим образом не мог «прибыть в Вольнь», поскольку с начала войны находился в Финляндии, оттуда передислоцирован в Ригу, а в начале октября прибыл под Полоцк, от-

⁷⁶ «Армия, выступя левым флангом двумя параллельными колоннами, направилась к г. Подольску» (*М. И. Кутузов*. Сб. документов. Т. IV. Ч. 1. С. 239). То есть, повернув круто направо (левым флангом — на военном языке), по ходу движения на юг, армия двинулась прямо на запад.

⁷⁷ *Рей М.-П.* Страшная трагедия. С. 175.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ *Понов А. Н.* От Малоярославца до Березины. 1812 г. // Русская старина. 1877. Т. XVIII. С. 25.

⁸⁰ *Рей М.-П.* Александр I. С. 275.

⁸¹ Там же.

куда двигался вместе с Витгенштейном севернее отступавшей французской армии в общем направлении на Борисов, Неменчин, Тильзит, т. е. по северным областям Белоруссии и Литве. Общая численность сил Чичагова и Витгенштейна в сражении на Березине составляла 55 тыс. чел, что сопоставимо в то время с численностью Великой армии. К тому же на Вольни против Чичагова находились австро-саксонско-польско-французские войска, общая численность достигала 50 тыс. чел., из-за чего Чичагов был вынужден разделить свою армию и прибыть на Березину в существенно ослабленном виде. Тем более, события на Вольни и под Полоцком, где находился Витгенштейн, никак не повлияли на решение Наполеона после Малоярославца перейти на Смоленскую дорогу и отступить по ней. Сделать это его заставил только «ленивый, развратный, немощный, раболепный» Кутузов.

«Одержав победу над отрядом графа Палена, Удино сумел отеснить русских на правый берег реки и сохранить контроль над Борисовским мостом»⁸². Нет, мост через Березину был тогда же сожжен Чичаговым, тем более выражение «сохранить контроль» означает, что Удино мостом уже владел, что тоже неверно⁸³.

М.-П. Рей подробно «описывает» постройку мостов у д. Студянка и начавшуюся переправу Великой армии, но ни словом не обмолвилась о 40-орудийной батарее, поставленной Наполеоном для прикрытия постройки мостов и перехода войск, которая мгновенно подавила сопротивление отряда Оурка на правом берегу⁸⁴.

«Сотни, а затем и тысячи мужчин, женщин и детей... падали в ледяную реку и тонули, некоторым перерезали шею льдины»⁸⁵. «Пальцы ломались как стеклянные, носы и уши, охваченные гангреной, порой отваливались. В некоторых текстах есть намеки на потерю половых органов»⁸⁶. «Описание» М.-П. Рей «страданий» французской армии на протяжении всей книги становится настолько «обыденным», что автор вынуждена прибегнуть к «усилению» впечатления, производимого «описанием» этих «страданий» у читателя. И это «уси-

⁸² М.-П. Рей. Страшная трагедия. С. 215.

⁸³ Харкевич В. И. 1812 г. Березина. СПб., 1893. С. 105.

⁸⁴ Рей М.-П. Страшная трагедия. С. 217–219.

⁸⁵ Там же. С. 220.

⁸⁶ Там же. С. 227.

ление» приводит ее к необходимости приводить выдумки, не соответствующие не только исторической правде, но и просто законам физики.

«Наполеон приказал возглавить аррьергард Виктору, чьи войска были усилены баварскими частями генерала фон Вреде»⁸⁷. Поскольку М.-П. Рей постоянно не указывает даты событий, его «описываемых», ее утверждения зачастую становятся просто повисающими в воздухе, делая и без того невнятную военно-историческую картину вовсе лишенной событийно-логической связи. Фразы, содержащие имена и топонимы, у М.-П. Рей не несут никакой связи с действительностью и являются просто украшениями абзацев. Читателю приходится только предполагать, что автором имеется в виду. Попробуем разобраться только в одной этой фразе историка. Итак, никаких распоряжений о вступлении в аррьергард К. Вреде от Наполеона не получал. 4 декабря 1812 г. (нов. ст.) А. Бертье передал Вреде распоряжение Наполеона, чтобы баварский корпус перешел в Нарочь, а на следующий день сообщил ему, что император одобрил его переход в Слободку⁸⁸. Последнее перед своим отъездом распоряжение Наполеона 5 декабря 1812 г. (нов. ст.) предписывало Бертье отправить баварский корпус в Гродно⁸⁹. Наконец, вечером 9 декабря 1812 г. Вреде получил через Бертье приказ И. Мюрата о поступлении его в аррьергард в подчинении М. Нея, а не К. Виктора⁹⁰.

Г. Маре, «желая спасти выживших солдат Великой армии от нападений казаков Платова... решил... послать им на помощь часть своей резервной армии. Кроме дивизии генерала Луазона, это 10-тысячное войско включало в себя 2 бригады неаполитанских пеших егерей и почетного караула под командованием генералов Кутара и Франчески»⁹¹. Никакой «резервной армии» у Г. Маре, да и у самого Наполеона, не существовало. Неаполитанской гвардейской кавалерийской

⁸⁷ *Rey M.-P.* Страшная трагедия. С. 229.

⁸⁸ *Voelderndodff E.* Observation sur l'ouvrage de Mr. le Comte Ph. de Ségur. Munic, 1826. P. 147-148.

⁸⁹ *Correspondance de Napoléon Ier.* T. 24. Paris, 1868. P. 336.

⁹⁰ *Voelderndodff E.* Op. cit. P. 148; *Sauzey A.* Les Allemands sous les Aigles françaises. Essai sur les Troupes de la Confédération du Rhin. 1806-1813. T. V. Nos Alliés les Bavaois. Paris, 1910. P. 257.

⁹¹ *Rey M.-P.* Страшная трагедия. С. 230.

бригадой командовал генерал Ф. Пепе⁹². Генерал Л. Кутар командовал 3-й бригадой 28-й дивизии и находился в это время в Вилейке⁹³, за 128 верст от Вильно, а генерал Ж. Франчески, командовавший маршевой кавалерийской бригадой, был отправлен генералом К. Вреде во 2-й корпус еще 13 ноября⁹⁴.

«Столкнувшись с такой враждебностью (жителей), уже 3 января Мюрат, Бертье и Макдональд приняли решение о выводе войск из Кенигсберга»⁹⁵. Мюрат, Бертье и Макдональд не находились вместе в Кенигсберге. Мюрат и Бертье покинули город 1 января 1813 г. при известии о Таурогенской конвенции, когда сам Макдональд находился в Тильзите. В Кенигсберг он прибыл только 3 января 1813 г.⁹⁶ и оставил город под натиском русских войск в ночь с 3 на 4 января.

И, наконец, М.-П. Рей пишет: «В это время на территории Российской империи уже не оставалось солдат Великой армии, кроме десятков тысяч военнопленных на Урале, и, с точки зрения как Кутузова, так и многих влиятельных людей, например, Шишкова, Россия нуждалась в мире. Их аргументы были прежде всего политическими: в новых войнах опять прольется русская кровь, и, поскольку стране враг больше не угрожает, народ не поймет этих войн, единение царя с народом, выкованное в трудностях и невзгодах, исчезнет. Назывались и геополитические причины: как мы уже говорили, с точки зрения Кутузова, падение Наполеона было выгодно не России, а Англии... Кроме того, с точки зрения фельдмаршала, будущее России и ее истинные интересы находились не в Европе, а в Османской империи и Азии... Наконец, если бы решение о наступлении все же было принято, для его успешного осуществления требовалось дождаться резервных войск, которые до этого момента не участвовали в бою»⁹⁷. Весь этот пассаж пред-

⁹² *Capello G. Gli Italiani in Russia nel 1812. Città di Castello, 1912. P. 323–325.*

⁹³ *Krauss Th. Geschichte der bayerischen Heeresabteilung im Feldzug gegen Russland 1812. Augsburg, 1857. S. 188–191.*

⁹⁴ *Voelderndorff E. Op. cit. P. 96; Völderndorff u. Waradein E. Kriegsgeschichte von Bayern unter König Maximilian Joseph I. Bd. 3. München, 1826. S. 276.*

⁹⁵ *Peù M.-П. Страшная трагедия. С. 242.*

⁹⁶ *Reboul F. Campagne de 1813. Les préliminaires. T. 1. Le commandement de Murat (5 décembre 1812 — 16 janvier 1813). Paris, 1910. P. 271–282.*

⁹⁷ *Peù M.-П. Страшная трагедия. С. 242.*

ставляет собой чистую выдумку. Во-первых, никаких «десятков тысяч пленных» на Урале никогда не бывало. Неизвестны никакие ни высказывания, ни «аргументы» ни Кутузова, ни Шишкова, так подробно описанные автором, ни против, ни за продолжение войны. М.-П. Рей фантазирует, в том числе, и в русле современной европейской антирусской парадигмы: Россия — азиатская страна, и ее интересы — в Азии.

Как это ни печально, но книга Д. Ливена, в целом отличающаяся от книги М.-П. Рей в лучшую сторону, оказывается так же наполненной голословными утверждениями и необсужденными положениями, которые проистекают, прежде всего, из традиционной антирусской мифологии, в большинстве случаев и являющейся «методологической» основой исторических книг о России. Д. Ливен, например, буквально повторяет суждение, тиражированное Н. А. Троицким вслед за А. П. Ермоловым⁹⁸, о Кутузове и П. П. Коновницыне, причем не стесняясь в словах: «Кутузов и Коновницын были ленивыми и малоэффективными управленцами. Ключевые документы лежали нерассмотренными и неподписанными по нескольку дней»⁹⁹. Д. Ливен усиливает этот посыл, утверждая: «При всех своих достоинствах Коновницын как полевого командира, он не имел ни должной подготовки, ни склонности к работе в ставке»¹⁰⁰.

Во-первых, касаясь П. П. Коновницына, необходимо напомнить, что он имел большой опыт штабной работы и с младших чинов, изнутри, изучил работу штабов. В чине поручика, с 1789 г. он служил полковым адъютантом Семеновского полка, в 1791 г. премьер-майором поступил на службу в штаб Г. А. Потемкина на должность «генеральс-адъютанта»¹⁰¹. Именно на этой должности он познакомился с Кутузовым, который в 1812 г. помнил Коновницына именно как штабного офицера¹⁰². В 1807 г. Александр, возвращая Коновницына

⁹⁸ Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 233-234; Ермолов А. П. Записки. 1798-1826 гг. М., 1991. С. 215.

⁹⁹ Ливен Д. Указ. соч. С. 377.

¹⁰⁰ Ливен Д. Указ. соч. С. 336.

¹⁰¹ Иванов Е. П. Генерал Петр Петрович Коновницын. Псков, 2002. С. 18-19.

¹⁰² После 1791 и вплоть до 1812 гг. пути Кутузова и П. П. Коновницына не пересекались. Понятно, и в этом свете становится более характеризующим Кутузова, его решение, видимо, не позднее 4 сентября 1812 г., неожиданно для всех назначить П. П. Коновницына своим дежурным генералом.

из отставки, определяет его в свиту по квартирмейстерской части, а чуть позже назначает дежурным генералом русской армии, воевавшей со Швецией в 1808–1809 гг.¹⁰³ Оказывается, что банальное незнание Ермоловым и Троицким биографии Коновницына заставило их выдумывать всю историю, и это в конце концов подвело Д. Ливена.

Именно назначение Коновницына дежурным генералом лишало властных прерогатив Ермолова как начальника штаба 1-ой армии. Само собой, что окружение Кутузова в лице П. П. Коновницына, К. Ф. Толя, П. С. Кутайсова и Н. Д. Кудашева «оттерло» Ермолова от любой возможности влиять на течение дел. Понятно, почему он, Ермолов, любимчик царя, сделавший головокружительную карьеру, в своих записках так неблагоприятно отзывался о Коновницыне. Обида, затаенная «свирепым, завистливым и самолюбивым»¹⁰⁴ Ермоловым, объясняет его предвзятое отношение и к самому Кутузову в своих мемуарах.

Во-вторых, Д. Ливен (впрочем, так же, как и М.-П. Рей), очень плохо представляет себе не только работу русского «штаба», но и простую субординацию в нем. Вот он называет Л. Л. Беннигсена «главой его (Кутузова) ставки»¹⁰⁵. Но «глава ставки» (хотя такого термина и военной истории, а тем более в 1812 г., не существовало) — это просто комендант главной квартиры, как это называлось в ту эпоху, которым у Кутузова в 1812 г. был полковник С. Х. Ставраков. Тут же Д. Ливен называет Ермолова начальником «Главного штаба объединенных Первой и Второй армий»¹⁰⁶. Д. Ливен немножко запутался, кто же был начальником «Главного штаба», Ермолов или Беннигсен, но происходит эта путаница от того, что историк не знает настоящего положения дел.

16 сентября 1812 г. Первая и Вторая армии были объединены, соединенная армия стала называться Первой, впо-

¹⁰³ Иванов Е. П. Указ. соч. С. 34–38.

¹⁰⁴ Служивший ранее под началом Ермолова капитан Семеновского полка А. В. Чичерин 2 апреля 1813 г. заметил: «Между тем, насколько я мог заметить, он по характеру свиреп и завистлив, в нем гораздо больше самолюбия, чем мужества, необходимого воину» (Чичерин А. В. Дневник. 1812–1813 гг. М., 1966. С. 168).

¹⁰⁵ Ливен Д. Указ. соч. С. 336.

¹⁰⁶ Там же.

следствии Главной¹⁰⁷. Командование армией «вручалось» Барклаю де Толли, а ее начальником штаба «оставался» Ермолов. 19 сентября 1812 г. Барклай де Толли подал рапорт об увольнении (22 числа того же месяца уехав из армии), и на следующий день Кутузов принял командование Главной армии на себя на себя¹⁰⁸. 21 октября 1812 г. Кутузов назначил на должность главнокомандующего Первой, или Главной, армией А. П. Тормасова¹⁰⁹. Но вместе с этим Кутузов «оперативно» разделил Главную армию так, что все «авангарды», корпуса, отдельные отряды, выделенные из нее, подчинялись непосредственно ему, Кутузову, а Тормасову подчинялась та часть армии, которая не выделялась из ее состава «в действия» против неприятеля. Таким образом, управление Главной армией, которое и до сих-то пор было чисто формальным, стало с этого дня просто «техническим», в котором главнокомандующий Первой армией и его штаб, прежде всего в лице Ермолова, выполняли только распоряжения Кутузова и его окружения. Насколько это управление было «техническим», показывает жалоба Тормасова управляющему Военным министерством А. И. Горчакову, в которой он считал себя наказанным «чувствительно», потому что «неожиданная перемена, последовавшая в положении моем... отняла у меня всю охоту к службе»¹¹⁰. Ему вторил Кутузов, заявлявший 31 октября 1812 г. императору, что «Тормасов огорчен несколько потерей командования (третьей) армией»¹¹¹. И это в то время, когда Тормасов получил командование Главной армией! Это и заставило Ермолова фактически бросить свою штабную «должность» и 6 ноября 1812 г. принять командование отдельным отрядом, преследовавшим отступавшего неприятеля¹¹². Оставаясь формально «начальником штаба первой армии» до конца войны, 19 декабря 1812 г. Ермолов был по

¹⁰⁷ М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV. Ч. 1. М., 1954. С. 314.

¹⁰⁸ Там же. С. 331–332.

¹⁰⁹ М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV. Ч. 2. М., 1954. С. 179–180.

¹¹⁰ Потрашков С. В. «Неизвестный» главнокомандующий: генерал от кавалерии А. П. Тормасов в Отечественной войне 1812 года // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XIII: Сборник материалов. К 200-летию Венского конгресса. М., 2015. С. 300.

¹¹¹ Потрашков С. В. Указ. соч. С. 300.

¹¹² М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV. Ч. 2. С. 310; Ермолов А. П. Записки. С. 242.

высочайше изъявленному пожеланию назначен начальником артиллерии Главной армии¹¹³.

В-третьих, автор туманно представляет себе положение Беннигсена в русской армии. Чрезвычайный комитет, выбравший Кутузова главнокомандующим всеми армиями, 8 августа 1812 г. предписал ему «употребить под своим начальством в действующих армиях генерала от кавалерии барона Беннигсена по его (Кутузова) собственному усмотрению»¹¹⁴. Комитет в данном случае высказал волю императора, который хотел оставить в армии Беннигсена, отосланного оттуда Барклаем¹¹⁵. 16 августа 1812 г. Кутузов приказом о вступлении им в главное командование определил, что «Г. генерал от кавалерии барон Беннигсен состоять будет относительно ко мне на таком же основании, как и стоят начальники главных штабов относительно к каждому из г.г. главнокомандующих армиями»¹¹⁶. Комментаторы этого документа справедливо заметили, что в «Учреждении для управления большой действующей армии» такая должность отсутствует и сделали вывод о том, что «М. И. Кутузов в сущности и не назначал Л. Л. Беннигсена начальником своего главного штаба, а только определил объем его прав и обязанностей»¹¹⁷.

Однако этот вывод, хотя и имеет справедливую посылку, неверен. Поскольку эта должность юридически отсутствовала, то отсутствовали и связанные с ней права и обязанности. А поскольку в каждой из подчиненных Кутузову армий — 1-ой, 2-ой, 3-ей Западных и бывшей Молдавской — функционировали юридически оформленные руководящие органы — главнокомандующие с их штабами — то у Беннигсена и фактически не было объекта для приложения своих прав и обязанностей, то есть какого-либо военного подразделения. Попросту говоря, Кутузов разрешил Беннигсену быть при нем бесплатным советчиком, ни за что не отвечающим, но зато ни на что и не влиявшим. Кроме того, Кутузов отгородился от Беннигсена собственным штатом приближенных, а именно, 19 августа 1812 г. он назначил полковника Кайсарова своим

¹¹³ М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV. Ч. 2. С. 628.

¹¹⁴ М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV. Ч. 1. С. 73.

¹¹⁵ Вел. кн. Николай Михайлович. Переписка императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 82.

¹¹⁶ М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV. Ч. 1. С. 92.

¹¹⁷ Там же.

дежурным генералом, а полковника Голя фактически назначил своим генерал-квартирмейстером, то есть на должности, посредством которых Кутузов на самом деле осуществлял свои властные полномочия¹¹⁸. Таким образом, Кутузов нейтрализовал любые попытки вмешательства со стороны Беннигсена в прерогативы главнокомандующего.

Д. Ливен не обошел вниманием и вопрос об отношении Кутузова к войне за границей империи. Английскому историку необходимо было показать первенствующую роль русского императора в антинаполеоновской коалиции, а для этого надо было показать важность перенесения военных действий в Европу. Однако эта справедливая цель оказалась основанной на неверных посылах. Д. Ливен, указывая, что Кутузов был противником заграничного похода русской армии, добавляет «новый» аргумент к старой версии российской либеральной историографии¹¹⁹: «Кутузов относился к подобной перспективе (заграничному походу) без энтузиазма... Многие (русские) офицеры придерживались того же мнения... Весной иностранные наблюдатели стали отмечать недостаток энтузиазма относительно продолжения войны в Главной квартире и среди многих русских генералов»¹²⁰. По Д. Ливену получается, что некое недовольство (неизвестное нам до сегодняшнего дня) в русской Главной квартире поздней весной 1813 г. свидетельствует о нежелании Кутузова воевать за границей.

Далее Д. Ливен продолжает в том же духе: «Император справедливо сомневался в правильности взглядов Шишкова и Кутузова, считавших, что Наполеон более не представляет серьезной угрозы для безопасности России»¹²¹. Неизвестно ни о каких высказываниях Кутузова ни против, ни за продолжение войны. Его взгляды никак не отражены ни в его распоряже-

¹¹⁸ М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV. Ч. 1. С. 95.

¹¹⁹ Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. III. СПб., 1869. С. 482; Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1897. С. 142; Вел. кн. Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 1–2. СПб., 1912; Военский К. А. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Т. 1–3. СПб., 1909–1912; Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002.

¹²⁰ Ливен Д. Указ. соч. С. 377–378.

¹²¹ Там же. С. 379.

ниях или официальных письмах, ни в докладах императору, ни в частной переписке. Однако еще 25 ноября 1812 г., за две недели до приезда царя в армию, Кутузов уже отдавал распоряжения о переходе границы русскими войсками, преследовавшими остатки французской армии¹²².

Тезис о нежелании Кутузовым вести войну за границей утверждается без отсылок к источникам, однако, еще М. И. Богданович и Н. К. Шильдер обосновывали этот тезис записками А. С. Шишкова и Вильсона. Что касается Шишкова, то известное место в его записках является апокрифом. Согласно этим запискам, мнение Кутузова высказано Шишкову в Вильно в декабре 1812 г. Однако Шишков приехал в Вильно на два дня позже императора, т. е. разговор мог состояться не ранее 13 декабря 1812 г. Невозможно, чтобы Кутузов, разославший за три недели (с 25 ноября) в армию уже столько распоряжений, касающихся перехода и действий армии за границей, уже минимум как три дня имевший аудиенции с императором, на которых, без сомнения, обсуждались мероприятия за границей, муссировал бы эту тему с государственным секретарем. Кутузов, ловкий придворный, хитрый политик и человек старой закалки, ни под каким видом не стал бы обсуждать вопрос, уже решенный на высшем уровне. Кроме того, этот эпизод представлен в записках в виде прямой речи от первых лиц, как пьесе, что является исключением в записках Шишкова. И, наконец, этот разговор появился только во втором издании записок, выпущенных в Берлине в 1870 г., тогда как в первом издании 1831 г. его не было¹²³.

Перевод высказывания Кутузова, приводимого для подтверждения данного тезиса, высказанного, якобы, Вильсону, до сих пор имел различные смыслы. В новейшем переводе слова Кутузова, сказанные им, будто бы, вечером 12 октября 1812 г., звучат так: «Мне не интересны ваши возражения. Я

¹²² «Хотя главная армия на несколько дней и остановится около Вильны, но легкие войски корпусов графа Витгенштейна и армии адмирала Чичагова действовать будут за Неман... Между тем, если бы случилась надобность войти в границы Пруссии, тогда сие безостановочно сделаю...» (М. И. Кутузов Александру I, 25 ноября 1812 г., м. Радошковичи: М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV. Ч. 2. М. 1955. С. 455).

¹²³ А. С. Шишков. Краткие записки адмирала А. С. Шишкова. СПб., 1831; А. С. Шишков. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. Берлин, 1870. С. 167–168.

предпочитаю построить для неприятеля “золотой мост”, [нежели] получить “смертельный удар”. Помимо сего снова повторю уже сказанное вам: я отнюдь не уверен, что полное уничтожение императора Наполеона и его армии будет таким уж благодеянием для всего света. Наследие его не достанется ни России, ни какой-либо другой континентальной державе, но той, которая уже владеет морями и превосходство которой станет тогда нестерпимым»¹²⁴. Очевидно, что эта фраза не содержит ничего политически предосудительного или неверного с военной точки зрения¹²⁵. Из этой фразы никак не следует, чтобы Кутузов был против заграничного похода. «Уничтожение императора Наполеона» и захват русскими Польши, Саксонии и Пруссии — две разные вещи. Предположить, что Кутузов мог отрицать необходимость захвата Польши и оставить Восточную Пруссию под французской оккупацией, вероятно. Фальсифицированный характер записок Вильсона,

¹²⁴ Вильсон Р. Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. М., 2008. С. 196.

¹²⁵ Фраза Р. Вильсона относится не к нежеланию М. И. Кутузова вести войну за границу, а к медлительности, с точки зрения Р. Вильсона, русского наступления осенью 1812 г. Сам эпизод относится ко времени Малоярославецкого сражения. Дневник Р. Вильсона испещрен его недовольством по поводу «медлительности» М. И. Кутузова. Но, сам того не замечая, он постоянно противоречит себе. Вот Р. Вильсон, которому надоели бесконечные марши Главной армии, решил накоротке заехать сразу в авангард М. А. Милорадовича: «Стремясь наискорейше попасть к месту действия, я попытался проехать через болото; сначала провалилась моя заводная лошадь и сразу вслед подседельная вместе со мною. Я держался руками и не без затруднений был вытащен, но промок до подмышек. Труднее было с лошадьми, однако и их удалось спасти. Оказавшись столь неожиданно перед водной преградой, принуждены мы были ехать вокруг леса» (Вильсон Р. Личный дневник 1812 года // Звезда. 1995. № 7. С. 144). Ни 40-верстные «чрезвычайно тяжелые» марши войск (там же. С. 145), ни то, что «сегодняшний день армия оставалась без пищи, боюсь, что и завтра ничего не изменится, потому как обоз безнадежно отстал» (там же. С. 144), ни то, что «успехи следуют с такой стремительностью, что мне затруднительно даже отмечать их в моих депешах» (там же. С. 148), не могут примирить Р. Вильсона с «медлительностью» М. И. Кутузова и заставляют его пугать русского царя: «Я уже объявил о своем отъезде из армии, если он останется командующим» (там же. С. 144).

касясь именно Малоярославецкого сражения, проиллюстрирован А. Н. Поповым¹²⁶.

Вопрос о взаимоотношениях М. И. Кутузова и Александра I в эпоху 1812 г. в отечественной историографии дискутируется давно. Во-первых, это «вопрос» о необходимости продолжать войну за границами империи и «негативное» отношение полководца к заграничному походу, во-вторых, отрицательное отношение императора к фельдмаршалу и, наконец, в-третьих, это неспособность М. И. Кутузова руководить войсками и военными действиями. В общем, происхождение и бытование этой традиции изложены Л. Л. Ивченко¹²⁷. В своем биографическом труде о М. И. Кутузове она убедительно показала последовательность и цельность характера полководца и несостоятельность большинства мифов о нем, в первую очередь касающихся его деятельности в 1812 г.¹²⁸ Кроме того, недавно была приведена критика этих основных посылок отечественной историографии по поводу взаимоотношений М. И. Кутузова и Александра, в том числе и основные источники историографической традиции¹²⁹.

Д. Ливен, так же как и М.-П. Рей, находится в плену традиционных антироссийских мифов. Как и в книгах М.-П. Рей, у него на страницах рассыпано множество несуразностей на уровне бытового, обыденного, обывательского, анекдотического представления на Западе о русских реалиях. Эти анекдоты становятся фоном «научных» книг, в данном случае по

¹²⁶ Попов А. Н. От Малоярославца до Березины. 1812 г. // Русская старина. 1877. Т. XVIII. С. 420–433.

¹²⁷ Ивченко Л. Л. Александр I, М. И. Кутузов и начало Заграничных походов 1813–1814 гг. в отечественной историографии // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 25–26 марта 2014 г.). М., 2014. С. 143–175.

¹²⁸ Ивченко Л. Л. Кутузов. М., 2012. С. 358–466.

¹²⁹ Жучков К. Б. Русско-французское противостояние в конце 1812 – начале 1813 гг. Проблемно-историографический очерк. М., 2013. С. 22–37; Кутузов. *Pro et contra* (Образ Кутузова в культурной памяти об Отечественной войне 1812 года), антология / Сост. В. В. Лапин, В. Г. Гончарова, вступ. Статья, коммент. В. В. Лапин. СПб., 2012. С. 578–586; *Безотосный В. М.* Россия и шестая антинаполеоновская коалиция // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 139–140.

истории эпохи 1812 г. Так, Д. Ливен пишет, что русские ополченцы при Бородино «были вооружены преимущественно вилами и топорами» и «большинство ополченцев в декабре 1812 г. были по-прежнему вооружены вилами»¹³⁰. Типичный образец представления о «варварский» России. На самом деле, напротив, большинство ополченцев в 1812–1813 гг. были вооружены ружьями, частично пиками, ополченческая кавалерия была вооружена пистолетами и саблями¹³¹. Более того, ополчение включало в себя даже две конно-артиллерийские роты¹³². Только из Сестрорецкого завода и Санкт-Петербургского арсенала ополчению отпущено в 1812 г. 48226 ружей. Кроме этого, ополчение вооружалось ружьями из Смоленского, Московского, Киевского, губернских и уездных арсеналов, ружья покупались на ярмарках (например, Макарьевской).

Как и М.-П. Рей, Д. Ливен не знает карты военных действий, т. е. не представляет логической связи военных событий и обстоятельств, проистекавших последовательно одно из другого. Вот, например, Д. Ливен почти повторяет пассаж французской исследовательницы, а точнее, буквально удваивает ее ошибку: «17 сентября, однако, переправившись через реки Москва и Боровск, Кутузов резко свернул на юг. Двигаясь быстрым маршем, он пересек дороги на Каширу и Тулу прежде, чем свернуть на юг на Старую Калужскую дорогу, которая вела от Москвы на юго-запад»¹³³. Вот что получается: двигаясь на юг, резко свернули на юг, а потом еще раз свернули на юг. Во-первых, русская армия сворачивала, начиная свой знаменитый марш-маневр, в Боровском перевозе, тогда как реки под названием Боровск не существует ни под Москвой, ни вообще где-либо в России (см. рис. 1). Во-вторых, русская армия, повернула не на юг, а круто на запад, фактически двигаясь с юга в обход Москвы, заходя Наполеону в тыл¹³⁴.

¹³⁰ Ливен Д. Указ. соч. С. 271, 314.

¹³¹ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сб. документов. М., 1962. С. 20, 22, 55, 65, 66, 76, 136, 138, 179, 207, 208, 215, 269, 284, 334, 340.

¹³² Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 264.

¹³³ Ливен Д. Указ. соч. С. 286.

¹³⁴ «Армия, выступя левым флангом двумя параллельными колоннами, направилась к г. Подольску» (М. И. Кутузов. Т. IV. Ч. 1. С. 239). То есть, повернув круто направо, по ходу движения на юг, армия двинулась прямо на запад.

Отдаленное представление Д. Ливена и М.-П. Рей об обстоятельствах сложного и опасного флангового маневра, предпринятого Кутузовым, которым он поставил Наполеона не просто в оперативный тупик, а фактически на грань поражения, свидетельствует об их собственном непонимании хода военных действий, а, следовательно, и непонимании полководческих замыслов сторон и их реализации. В итоге читатель, прежде всего западный, получает неверную историческую информацию и судит о военно-исторических фактах неверно. И что еще важнее, западный читатель лишен возможности оценить полководческие достижения российского военачальника. Наконец, подобные военно-исторические «описания» создают «незыблемый» историографический фон, этакую своеобразную историографическую «непоколебимость», в которой не будет существовать иных точек зрения.

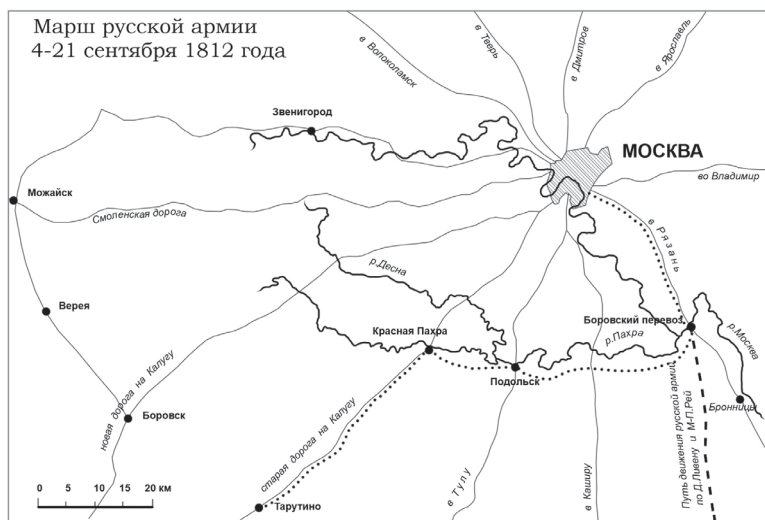

Рис. 1. Схема-план Тарутинского марша и его интерпретация в книгах М.-П. Рей и Д. Ливена

Окончательно Д. Ливен подтверждает свое плохое знание военных обстоятельств следующей фразой: «Возможно, пожар помог отвлечь внимание Наполеона от флангового маневра Кутузова, совершенного от Рязани до Калужской

дороги»¹³⁵. Непонятно, каким образом Кутузов с армией мог попасть в Рязань, а оттуда обратно на Калужскую дорогу. Это уже третья ошибка при описании одного и того же события.

Как и П.-П. Рей, Д. Ливен рассуждает с позиции типичного «просвещенного» европейца, имплицитно считая Запад выше России: «Р. Вильсон должен был вернуться в армию с обещанием императора продолжать войну против Наполеона до тех пор, пока по эту сторону границы не останется ни одного вооруженного француза»¹³⁶. Неудивительно, что английский историк искренне считает, что русский царь должен был отчитываться и что-то обещать английскому генералу. Это вообще в тренде британской внешнеполитической парадигмы. Как будто Александр и не издавал манифест, в котором поклялся «не вложить меч в ножны».

А вот военная аксиома, наспех придуманная Д. Ливеном: «Русский главнокомандующий имел все основания избегать решительных сражений с Наполеоном, в которых ключевую роль всегда играла пехота... Учитывая недостаточную подготовленность своей пехоты, Кутузов едва ли собирался порвать с этой (большим количеством артиллерии в сравнении с пехотой) традицией»¹³⁷. Русская пехота, бывшая в руках Кутузова, воевала с французами, турками, шведами, персами в 1799, 1805, 1806, 1807, 1809, 1810, 1811 гг. Утрируя, можно сказать, что она была мастером на все руки. По Ливену же получается, что оперативная система Барклай де Толли, а затем и Кутузова, основанная на отступлении вглубь страны и изматывании превосходящего противника, об авторстве и справедливости которой сломаны историками горы копий и пролиты реки чернил, происходит только от того, что русская пехота не умела воевать.

Обвинения в адрес Кутузова разрастаются: «Сколь бы ограниченным тактиком ни был Кутузов, ему не было равных в том, что касается связей с общественностью и поддержания боевого духа армии»¹³⁸. Из чего Ливен делает такое заявление, как бы само собой разумеющееся? Это просто бездоказательное мнение историка, которое должно внушить западному читателю это утверждение как аксиому. Кутузов, боевой ге-

¹³⁵ Ливен Д. Указ. соч. С. 287.

¹³⁶ Там же. С. 318.

¹³⁷ Там же. С. 333.

¹³⁸ Там же. С. 338.

нерал, за 50 лет службы прошел последовательно все ступени военной карьеры. Где и когда была им проявлена ограниченность в тактике, историк не показывает, да и не может показать.

Типичны для западной мифологии и выводы Д. Ливена и о последствиях Тауроогенской конвенции: «С военной точки зрения, результатом подписания (Тауроогенской) конвенции стало то, что Восточная Пруссия и все [так! — К. Ж.] прочие прусские земли к востоку от Вислы сразу же оказались под контролем русских»¹³⁹. Ливен тиражирует распространенную немецкую точку зрения, согласно которой только «добрая воля» генерала Г. Йорка стала причиной успешного наступления русской армии в Европе. Кроме того, «все прочие прусские земли к востоку от Вислы» — это территория в тысячу верст до Эльбы. Тауроогенская конвенция не отдала во власть русских войск даже Восточную Пруссию, не говоря уж о большем. Относительно бескровное продвижение русской армии на запад зимой — ранней весной 1813 г. было только следствием разгрома французской армии в России, а не тем, что Йорк отложился от французов.

Вот что пишет Д. Ливен дальше: «Численность солдат, фактически оставшихся в рядах корпуса Йорка к декабрю 1812 г., едва достигала 20 тыс. чел.»¹⁴⁰. Во-первых, численность корпуса Йорка на начало декабря не имеет никакого значения, поскольку Тауроогенская конвенция заключена 31 декабря 1812 г. (нов. ст.), а во-вторых, 1 января 1813 г. в его корпусе состояло в наличии 9,6 тыс. чел.¹⁴¹

Дальше Д. Ливен строит «доказательную» конъектуру: «Если бы корпус Йорка остался бы вместе с Макдональдом и препятствовал бы наступлению русских, истощенному и несущему чрезмерные тяготы корпусу Витгенштейна было бы трудно силой пробиться [так! — К. Ж.] через позиции противника и оказаться в Восточной Пруссии».¹⁴² Непонятно, почему корпус Витгенштейна нес «чрезмерные» тяготы, а не обычные, то есть те, которые несли все русские войска в декабре 1812 г. Корпус Витгенштейна, с присоединившимся к нему корпусом Ф. Ф. Ле-

¹³⁹ Ливен Д. Указ. соч. С. 382.

¹⁴⁰ Там же. С. 383.

¹⁴¹ Ussel J., *d'*. La defection de la Prusse (décembre 1812 — mars 1813). Paris, 1907. P. 230.

¹⁴² Ливен Д. Указ. соч. С. 333.

виза (из состава Рижского гарнизона), составлял 31,8 тыс. чел. (не считая 10,5 тыс. чел. Петерб. и Новг. ополчения), тогда как корпус Ж. Макдональда на 31 декабря 1812 г., вместе с войсками Йорка, мог набрать едва 15,5 тыс. чел.¹⁴³ Неясно, что могло ему помешать «силой пробиться через позиции противника». Но вот что невдомек автору, вероятно, так это то, что наступление в Восточную Пруссию велось силами Западной армии П. В. Чичагова и корпуса М. И. Платова, которые напрямую от Ковно, через Гумбиннен и Прейсиш-Эйлау выходили к Эльбингу, а соответственно, и к Висле.¹⁴⁴ Чичагов и Платов фактически перерезали путь отступления французам, и никакая нейтральная конвенция Йорка не играла никакой роли в занятии русскими войсками Восточной Пруссии. В добавок 27 декабря 1812 г. Ф. О. Паулуччи захватил прусский Мемель и тем самым открыл путь в тыл французским войскам через Куршскую косу.¹⁴⁵ Кроме того, никакой Йорк и никакие прусские войска не стали бы защищать Восточную Пруссию, поскольку и Йорк, и Ф. Бюлов имели прямо противоположный приказ прусского короля, по которому они должны были, первый уйти в Грауденц и там запереться, а второй отступить в Померанию.¹⁴⁶

Ну и как итог, Д. Ливен пишет: «Как только Мюрат узнал об измене Йорка, он спешным порядком отступил за Вислу, оставив крепость-порт Данциг с сильным гарнизоном внутри в качестве последнего аванпоста Франции на землях Восточной Пруссии»¹⁴⁷. Конечно, Мюрат никуда не отступал, а сам лично уехал 1 января 1813 г. (нов. ст.) в Эльбинг, а не за Вислу, а французские войска пытались сопротивляться русскому наступлению в Восточной Пруссии до 13 января (нов. ст.), когда их последние отряды перешли Вислу. «Оставил» Данциг не Мюрат, что может вызвать у читателя неверное впечатление о

¹⁴³ *Osten-Sacken O.* Militärisch-politische Geschichte des Befreiungskrieges im Jahre 1813. Bd. I. (Vorgeschichte). Vom Njemen bis zur Elbe. Berlin, 1903. S. 488.

¹⁴⁴ *Reboul F.* Campagne de 1813. T. 1. P. 303–305.

¹⁴⁵ *Reboul F.* Opit. cit. P. 282.

¹⁴⁶ *Andrees H.* Der Einfluss des Flügeladjutanten Freiherrn Ludwig von Wrangel auf die Konvention von Tauroggen. Berlin, 1907. S. 70; *Voss W.* Die Konvention von Tauroggen. Berlin, 1910. S. 26; [*Prittowitz K.*] Beiträge zur Geschichte des Jahres 1813. Von einem höhern Offizier der preussischen Armee. Bd. 2. Potsdam, 1843. S. 17.

¹⁴⁷ *Ливен Д.* Указ. соч. С. 383.

его «самостоятельности», а Наполеон, который задолго до этого приказал французской армии отступать в Данциг и там запереться¹⁴⁸. Более того, Данциг находится на правом берегу крайнего правого рукава Вислы, впадающего в Балтийское море, на территории тогдашней не Восточной, а Западной Пруссии.

Напоследок, рассуждая о русском наступлении в Пруссии, Д. Ливен допускает фразу, вполне объясняющую его приблизительное знакомство с реалиями той войны: «К мобилизации всех ресурсов Восточной Пруссии на военные нужды приступили немедленно. Русский генерал-губернатор задел бы чувства очень многих — как это в поистине грубой форме проделал Паулуччи в занятом русскими Мемеле, если бы освободил местных должностных лиц от клятвы, данной ими своему королю, и завел разговор о возможном присоединении к России. Впоследствии Александр назначил на эту должность барона фон Штейна»¹⁴⁹. В доказательство «грубости» Паулуччи Д. Ливен ссылается на «злое» [так! — К. Ж.] письмо Витгенштейна Александру¹⁵⁰. Вся фраза автора вызывает не просто недоумение, а ощущение того, что автор не только плохо представляет сами военные действия, но и военно-политические обстоятельства. Из нее видно, что Д. Ливен считает, будто Паулуччи был «генерал-губернатором» какой-то части (или всей?) Восточной Пруссии, а «впоследствии» на этот «пост» назначен К. Штейн. Паулуччи, будучи Рижским генерал-губернатором, возглавил часть своего гарнизона для преследования отступавших французов и в ходе этого преследования на капитуляцию взял прусский Мемель, защищаемый французским гарнизоном. Вполне естественно, что Паулуччи считал город с враждебным гарнизоном, сдавшийся на военную капитуляцию, обязанным выплатить компенсацию. Конечно, никакой речи в деятельности Паулуччи не шло об освобождении от присяги коронных чиновников и уж тем более о «присоединении» Мемеля к России. Это, конечно, современные фобии западного историка. Но представлять себе Паулуччи как «генерал-губернатора» в прусской провинции, это полный антиисторический произвол. И совсем удивительно, что Д. Ливен считает и К. Штейна «генерал-губернато-

¹⁴⁸ Correspondance de Napoléon Ier. Т. 24. Paris, 1868. P. 380.

¹⁴⁹ Ливен Д. Указ. соч. С. 383.

¹⁵⁰ Там же. С. 421. Прим. 13.

ром» Восточной Пруссии, назначенным русским царем. Даже трудно вообразить, как это выглядит в фантазии английского историка. На самом деле император Александр 18 января 1813 г. назначил Штейна временным уполномоченным русского правительства в освобожденных прусских провинциях с целью «направить ее [Восточной Пруссии] военные и финансовые средства на поддержку наших операций против французских войск», контролировать расход средств на ведение войны, конфисковать французскую собственность и, наконец, организовать созыв и вооружение ландвера и ландштурма¹⁵¹. Причем полномочия Штейна рассчитывались до подписания предполагаемого русско-прусского договора, однако, в результате конфликта с Йорком, бывшим губернатором Восточной Пруссии, он вынужден был покинуть Кенигсберг. Очевидно, Д. Ливен искренне считает, что русское правительство назначает своих губернаторов в чужие страны, в том числе и дружественные, и это «мнение» тоже лежит в русле современных представлений среднего европейца о России.

Приходится констатировать, что подробный разбор только двух абзацев книги Д. Ливена показывает натяжки автора, к которым он прибегает для «доказательства» своих положений, которые, в свою очередь, призваны создать у читателя устойчивое впечатление как о военной несостоятельности русской армии, так и о перманентной «агрессивной» политике русских в отношении соседей.

Подводя итоги, следует отметить, что зарубежные историки, как кажется, добросовестно пытающиеся разобраться в хитросплетениях Русского похода, зачастую опираются не на новейшие исследования российских историков, а на устарелые историографические тезисы и концепции, противоречащие не только накопленной отечественной наукой совокупности военно-исторических фактов об эпохе 1812 г. и их интерпретации, но и своим собственным утверждениям. Не смотря на свои положительные качества, книги М.-П. Рей и Д. Ливена отражают, на наш взгляд, не только все возрастающий интерес западных историков к объективному освещению вклада России в разгром Наполеона, но и существовавшую долгое время на Западе мифологизацию (если не сказать, демонизацию) русской истории.

¹⁵¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. Сб. документов. М., 1964. С. 26–27.

Литература

- 1812 год в судьбах России и Европы: сборник трудов международной научной конференции. Санкт-Петербург 6–7 декабря 2012. СПб., 2012.
- Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. XXXVII. Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. Вильна, 1912.
- Барклай де Толли М. Б.* Изображение военных действий 1812-го года. СПб., 1912.
- Безотосный В. М.* Россия и шестая антинаполеоновская коалиция // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 138–148.
- Бернацкий Н. Н.* События в Вильне во время Отечественной войны. Вильна, 1912.
- Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. III. СПб., 1869.
- Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962.
- Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. Т. II. От Тильзита до Эрфурта. Ростов-на-Дону, 1995.
- Вел. кн. Николай Михайлович.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 1–2. СПб., 1912.
- Вел. кн. Николай Михайлович.* Переписка императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910.
- Вильна и окрестности. Путеводитель и историческая справочная книжка. Вильна, 1883.
- Вильсон Р.* Личный дневник 1812 года // Звезда. 1995. № 7.
- Вильсон Р. Т.* Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. М., 2008.
- Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815 гг. Т. 6. 1811–1812 гг. М., 1962.
- Войков А. Ф.* Отрывок из статьи // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. VII. М., 1903. С. 278–279.
- Военский К. А.* Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Т. 1–3. СПб., 1912.
- Давыдов Д. В.* Дневник партизана. СПб., 2012.

- Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2007.
- Ермолов А. П.* Записки. 1798–1826. М., 1991.
- Жучков К. Б.* Русско-французское противостояние в конце 1812 – начале 1813 гг. Проблемно-историографический очерк. М., 2013.
- Земцов В. М.* Европейская война 1812–1814 годов: историки последних десятилетий в поисках методологических новаций // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Доклады Международной конференции «Россия и Наполеоновские войны» (Межотне). XII: Сборник материалов. К 200-летию Заграничных походов российской армии 1813–1814 годов. М., 2014. С. 329–341.
- Иванов Е. П.* Генерал Петр Петрович Коновницын. Псков, 2002.
- Ивченко Л. Л.* Александр I, М. И. Кутузов и начало Заграничных походов 1813–1814 гг. в отечественной историографии // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 25–26 марта 2014 г.). М., 2014. С. 143–157.
- Ивченко Л. Л.* Кутузов. М., 2012.
- Ивченко Л. Л.* М. И. Кутузов в отечественной историографии 2000–2012 годов // 1812 год. Люди и события великой эпохи. Материалы Международной научной конференции. Москва, 19–20 апреля 2012 года. М., 2013. С. 111–128.
- Ивченко Л. Л.* Проблемы современной российской историографии наполеоновских войн // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Доклады Международной конференции «Россия и Наполеоновские войны» (Межотне). XII: Сборник материалов. К 200-летию Заграничных походов российской армии 1813–1814 годов. М., 2014. С. 342–361.
- Канинская Г. Н.* «Северный сфинкс» глазами французского историка (О книге М.-П. Рей «Александр I») // Французский ежегодник. 2010: Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохи Наполеона. М., 2010. С. 458–463.
- Кутузов: pro et contra* (Образ Кутузова в культурной памяти об Отечественной войне 1812 года), антология / Сост. В. В. Лапин, В. Г. Гончарова, вступ. статья, коммент. В. В. Лапин. СПб., 2012.

- Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012.
- М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV. Ч. 1–2. М., 1954–1955.
- Михайловский-Данилевский А. И. Записки. 1812 год // Исторический вестник. 1890. Т. 42. Октябрь.
- Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. документов. М., 1962.
- Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005.
- Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 25–26 марта 2014 г.). М., 2014.
- Отечественная война 1812 года в современной историографии: сборник обзоров и рефератов. М., 2012.
- Попов А. Н. От Малоярославца до Березины. 1812 г. // Русская старина. 1877. Т. XVIII. С. 21–68.
- Потрашков С. В. «Неизвестный» главнокомандующий: генерал от кавалерии А. П. Тормасов в Отечественной войне 1812 года // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XIII: Сборник материалов. К 200-летию Венского конгресса. М., 2015. С. 286–306.
- Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. Сб. документов. М., 1964.
- Рей М.-П. Александр I. М., 2013.
- Рей М.-П. Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. М., 2015.
- Ренан Э. Апостол Павел. М., 1991.
- Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996.
- Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002.
- Харкевич В. И. 1812 г. Березина. СПб., 1893.
- Чичерин А. В. Дневник. 1812–1813 гг. М., 1966.
- Чудинов А. В. и др. «Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814» Доминика Ливена // РИ. 2013. № 6. С. 3–51.
- Чудинов А. В. О «глобализации» в историографии войны 1812 года (размышления над книгой М.-П. Рей) // Французский ежегодник. 2013. М., 2013. С. 61–74.
- Шеин И. А. Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2013.
- Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1897.

- Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. Берлин, 1870.
- Шишков А. С.* Краткие записки адмирала А. С. Шишкова. СПб., 1831.
- Щербинин А. А.* Записки // *Харкевич В. И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. I. Вильно, 1900.
- Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.) М., 2013.
- Andrees H.* Der Einfluss des Flügeladjutanten Freiherrn Ludwig von Wrangel auf die Konvention von Tauroggen. Berlin, 1907.
- Capello G.* Gli Italiani in Russia nel 1812. Città di Castello. 1912.
- Correspondance de Napoléon Ier.* T. 24. Paris, 1868.
- Diest H.* Aus der Zeit der Not und Befreiung Deutschlands in den Jahren 1806 bis 1815 / Hrsg. v. G. v. Diest. Berlin, 1905.
- Dundulis B.* Napoléon et la Lituanie en 1812. Paris, 1940.
- Iwaskiewicz J.* Litwa w roku 1812. Krakow; Warszawa, 1912.
- Grunwald C.* La Campagne de Russie. 1812. Paris, 1963.
- Manuel de l'infanterie.* 4ème éd. Paris, 1813.
- Prittwitz K.* Beiträge zur Geschichte des Jahres 1813. Von einem höhern Offizier der preussischen Armee. Bd. 2. Potsdam, 1843.
- Osten-Sacken O.* Militärisch-politische Geschichte des Befreiungskrieges im Jahre 1813. Bd. I. (Vorgeschichte). Vom Njemen bis zur Elbe. Berlin, 1903.
- Reboul F.* Campagne de 1813. Les préliminaires. T. 1. Le commandement de Murat (5 décembre 1812 — 16 janvier 1813). Paris, 1910.
- Reglement concernant l'exercice et les manœuvres de l'infanterie du 1er août 1791. Paris, 1792.
- Sauzey A.* Les Allemands sous les Aigles françaises. Essai sur les Troupes de la Confédération du Rhin. 1806–1813. T. V. Nos Alliés les Bavaois. Paris, 1910.
- Schuermans A.* Itinéraire general de Napoléon Ier. Paris: Picard. 1908.
- Ussel J. d'.* La defection de la Prusse (décembre 1812 — mars 1813). Paris, 1907.
- Voelderdodff E.* Observation sur l'ouvrage de Mr. le Comte Ph. de Ségur. Munic, 1826.
- Völderndorff u. Waradein E.* Kriegsgeschichte von Bayern unter König Maximilian Joseph I. Bd. 3. München, 1826.
- Voss W.* Die Konvention von Tauroggen. Berlin, 1910.

Жучков Константин Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории (Псковский государственный университет, Псков, Россия), эл. почта: zhuchkov.konstantin@rambler.ru.

New Western Researches Devoted to the Era of 1812: Traditional Anti-Russian Mythology within Historiographic "Innovations"

The books of the French and English historians P.-M. Ray and D. Livena are considerably distinguished from the numerous publications, which appeared in Russia, to mark the 200-year anniversary of the Patriotic War of 1812. The books drew attention of domestic historians with innovative approach to the research of history of Napoleonic wars, a complex illumination of diplomatic, military, social and ideological problems of the Era of 1812, the attention, nonconventional for the western historians, to the Russian sources and literature. Researches P.-M. Ray and D. Liven overwhelmingly received positive and quite often enthusiastic responses on round tables, conferences, in special articles and reviews. However, analyzing the books in details it becomes clear that authors in many respects didn't get rid of the scornful judgments and estimates inherent in the western historiography concerning participation of Russia in Napoleonic wars. The theses and provisions stated by the authors often are not simply superficial, but quite often contradictory to the sources known today and their interpretation in the Russian historical science, and sometimes are based on obviously false sources. It concerns also the military historic facts devoted to the description of the course of the war, and the relations in a military-political top of Russia, and many social phenomena in the Russian life, and, at last, the relationships in the Russian military command. Especially it was shown in the questions concerning M. I. Kutuzov's role in the Patriotic war of 1812 and his relationship with the Russian emperor, and traditional charges of Kutuzov's inability to direct troops, unwillingness to wage war beyond the borders of the Empire, and negative attitude of Alexander I to Kutuzov. As a result, M.-P. Ray and Liven's books, despite the historiographic "novelty" declared in them actually remain samples of a traditional western pseudo-historical formation of myths in which the established civilization estimates of Russian history eventually define the "historical" outline of the research.

Key words: historiography, Patriotic War of 1812, D. Liven, P.-M. Ray, M. I. Kutuzov, Alexander I, War of the Sixth Coalition.

Konstantin Zhuchkov, Associate Professor of the Department of Russian History, Candidate of Historical Sciences (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: zhuchkov.konstantin@rambler.ru.

References

- 1812 god v sud'bah Rossii i Evropy: sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg 6–7 dekabnja 2012. SPb., 2012.
- Akty, izdavaemye Vilenskoju komissieju dlja razbora drevnih aktov. T. XXXVII. Dokumenty i materialy, odnosjashiesja k istorii Otechestvennoj vojny 1812 g. Vil'na, 1912.
- Barklaj de Tolli M. B.* Izobrazhenie voennyh dejstvij 1812-go goda. SPb., 1912.
- Bezotosnyj V. M.* Rossija i shestaja antinapoleonovskaja koalicija // Jepoha 1812 goda v sud'bah Rossii i Evropy: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 8–11 oktjabnja 2012 g.). M., 2013. S. 138–148.
- Bernackij N. N.* Sobytija v Vil'ne vo vremja Otechestvennoj vojny. Vil'na, 1912.
- Bogdanovich M. I.* Istorija carstvovanija imperatora Aleksandra I i Rossii v ego vremja. T. III. SPb., 1869.
- Borodino. Dokumenty, pis'ma, vospominanija. M., 1962.
- Vandal' A.* Napoleon i Aleksandr I. Franko-russkij sojuz vo vremja Pervoj imperii. T. II. Ot Til'zita do Jerfurta. Rostov-na-Donu, 1995.
- Vel. kn. Nikolaj Mihajlovich.* Imperator Aleksandr I. Opyt istoricheskogo issledovanija. T. 1–2. SPb., 1912.
- Vel. kn. Nikolaj Mihajlovich.* Perepiska imperatora Aleksandra I s sestroj vel. kn. Ekaterinoj Pavlovnoj. SPb., 1910.
- Vil'na i okrestnosti. Putevoditel' i istoricheskaja spravoch-naja knizhka. Vil'na, 1883.
- Vil'son R.* Lichnyj dnevnik 1812 goda // Zvezda. 1995. № 7.
- Vil'son R. T.* Povestvovanie o sobytijah, sluchivshijsja vo vremja vtorzhenija Napoleona Bonaparta v Rossiju i pri otstuplenii francuzskoj armii v 1812 godu. M., 2008.
- Vneshnjaja politika Rossii XIX i nachala XX veka. Dokumenty Rossijskogo Ministerstva inostrannyh del. Serija pervaja. 1801–1815 gg. T. 6. 1811–1812 gg. M., 1962.
- Voekov A. F.* Otryvok iz stat'i // Bumagi, odnosjashiesja do Otechestvennoj vojny 1812 goda, sobrannye i izdannye P. I. Shhukinym. Ch. VII. M. 1903. C. 278–279.
- Voenskij K. A.* Akty, dokumenty i materialy dlja politicheskoi i bytovoj istorii 1812 goda. T. 1–3. SPb., 1912.
- Davydov D. V.* Dnevnik partizana. SPb., 2012.
- Dubrovin N. F.* Otechestvennaja vojna v pis'mah sovremennikov (1812–1815 gg.). M., 2007.
- Ermolov A. P.* Zapiski. 1798–1826. M., 1991.
- Zhuchkov K. B.* Russko-francuzskoe protivostojanie v konce 1812 – nachale 1813 gg. Problemno-istoriograficheskij ocherk. M., 2013.

- Zemcov V. M.* Evropejskaja vojna 1812–1814 godov: istoriki poslednih desjatiletij v poiskah metodologicheskikh novacij // *Jepoha 1812 goda. Issledovanija. Istochniki. Isto-riografija. Doklady Mezhdunarodnoj konferencii «Rossija i Napoleonovskie vojny»* (Mezhotne). XII: Sbornik materialov. K 200-letiju Zagranichnyh pohodov rossijskoj armii 1813–1814 godov. M., 2014. S. 329–341.
- Ivanov E. P.* General Petr Petrovich Konovnicyn. Pskov, 2002.
- Ivchenko L. L.* Aleksandr I, M. I. Kutuzov i nachalo Zagranichnyh pohodov 1813–1814 gg. v otechestvennoj istoriografii // *Osvoboditel'nye pohody russkoj armii 1813–1814 gg. v istorii Rossii i Evropy: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (Moskva, 25–26 marta 2014 g.). M., 2014. S. 143–157.
- Ivchenko L. L.* Kutuzov. M., 2012.
- Ivchenko L. L.* M. I. Kutuzov v otechestvennoj istoriografii 2000–2012 godov // 1812 god. Ljudi i sobytija velikoj jepohi. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 19–20 aprelja 2012 goda. M., 2013. S. 111–128.
- Ivchenko L. L.* Problemy sovremennoj rossijskoj istoriografii napoleonovskih vojn // *Jepoha 1812 goda. Issledovanija. Istochniki. Isto-riografija. Doklady Mezhdunarodnoj konferencii «Rossija i Napoleonovskie vojny»* (Mezhotne). XII: Sbornik materialov. K 200-letiju Zagranichnyh pohodov rossijskoj armii 1813–1814 godov. M., 2014. S. 342–361.
- Kanipskaja G. N.* «Severnyj sfinks» glazami francuzskogo istorika (O knige M.-P. Rej «Aleksandr I») // *Francuzskij ezhegodnik 2010: Istochniki po istorii Francuzskoj revoljucii XVIII v. i jepohi Napoleona*. M., 2010. S. 458–463.
- Kutuzov pro et contra* (Obraz Kutuzova v kul'turnoj pamjati ob Otechestvennoj vojne 1812 goda), antologija / Sost. V. V. Lapin, V. G. Goncharova, vstup. ctat'ja, komment. V. V. Lapin. SPb., 2012.
- Liven D.* Rossija protiv Napoleona: bor'ba za Evropu, 1807–1814. M., 2012.
- M. I. Kutuzov*. Sb. dokumentov. T. IV. Ch. 1–2. M., 1954–1955.
- Mihajlovskij-Danilevskij A. I.* Zapiski. 1812 god // *Istoricheskij vestnik*. 1890. T. 42. Oktjabr.
- Narodnoe opolchenie v Otechestvennoj vojne 1812 goda*. Sb. dokumentov. M., 1962.
- Orlov A. A.* Sojuz Peterburga i Londona. Rossijsko-britanske otnoshenija v jepohu napoleonovskih vojn. M., 2005.
- Osvoboditel'nye pohody russkoj armii 1813–1814 gg. v istorii Rossii i Evropy: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (Moskva, 25–26 marta 2014 g.). M., 2014.
- Otechestvennaja vojna 1812 goda v sovremennoj istoriografii: sbornik obzorov i referatov*. M., 2012.
- Popov A. N.* Ot Malojaroslavca do Bereziny. 1812 g. // *Russkaja starina*. 1877. T. XVIII. C. 21–68.

- Potrashkov S. V.* «Neizvestnyj» glavnokomandujushhij: general ot kavalerii A. P. Tormasov v Otechestvennoj vojne 1812 goda // *Jepoha 1812 goda. Issledovanija. Istochniki. Istoriografija. XIII: Sbornik materialov. K 200-letiju Venskogo kongressa. M., 2015. S. 286–306.*
- Pohod ruskoj armii protiv Napoleona v 1813 g. i osvobozhdenie Germanii. Sb. dokumentov. M. 1964.*
- Rej M.-P. Aleksandr I. M., 2013.*
- Rej M.-P. Strashnaja tragedija. Novyj vzgljad na 1812 god. M., 2015.*
- Renan Je. Apostol Pavel. M., 1991.*
- Tartakovskij A. G. Nerazgadannyj Barklaj. Legendy i byl' 1812 goda. M., 1996.*
- Troickij N. A. Fel'dmarshal Kutuzov: mify i fakty. M., 2002.*
- Harkevich V. I. 1812 g. Berezina. SPb., 1893.*
- Chicherin A. V. Dnevnik. 1812–1813 gg. M., 1966.*
- Chudinov A. V. i dr. «Rossija protiv Napoleona: Bor'ba za Evropu, 1807–1814» Dominika Livena // Rossijskaja istorija. 2013. № 6. S. 3–51.*
- Chudinov A. V. O «globalizacii» v istoriografii vojny 1812 goda (razmyshlenija nad knigoj M.-P. Rej) // Francuzskij ezhegodnik. 2013. M., 2013. S. 61–74.*
- Shein I. A. Vojna 1812 goda v otechestvennoj istoriografii. M., 2013.*
- Shil'der N. K. Imperator Aleksandr I. Ego zhizn' i carstvovanie. T. 3. SPb., 1897.*
- Shishkov A. S. Zapiski, mnenija i pereziska admirala A. S. Shishkova. T. 1. Berlin, 1870.*
- Shishkov A. S. Kratkije zapiski admirala A. S. Shishkova. SPb., 1831.*
- Shherbinin A. A. Zapiski // Harkevich V. I. 1812 god v dnevnikah, zapiskah i vospominanjah sovremennikov. Vyp. I. Vil'no, 1900.*
- Epoha 1812 goda v sud'bah Rossii i Evropy: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 8–11 oktjabrja 2012 g.) M., 2013.*
- Andrees H. Der Einfluss des Flügeladjutanten Freiherrn Ludwig von Wrangel auf dei Konvention von Tauroggen. Berlin, 1907.*
- Capello G. Gli Italiani in Russia nel 1812. Città di Castello. 1912.*
- Correspondance de Napoléon Ier. T. 24. Paris, 1868.*
- Diest H. Aus der Zeit der Not und Befreiung Deutschlands in den Jahren 1806 bis 1815 / Hrsg. v. G. v. Diest. Berlin, 1905.*
- Dundulis B. Napoléon et la Lituanie en 1812. Paris, 1940.*
- Iwaszkiewicz J. Litwa w roku 1812. Krakow; Warszawa, 1912.*
- Grunwald C. La Campagne de Russie. 1812. Paris, 1963.*
- Manuel de l'infanterie. 4ème éd. Paris, 1813.*
- Prittwitz K. Beiträge zur Geschichte dea Jahres 1813. Von einem höhern Offizier der preussischen Armee. Bd. 2. Potsdam, 1843.*
- Osten-Sacken O. Militärisch-politische Geschichte des Befreiungskrieges im Jahre 1813. Bd. I. (Vorgeschichte). Vom Njemen bis zur Elbe. Berlin, 1903.*

- Reboul F.* Campagne de 1813. Les préliminaires. T. 1. Le commandement de Murat (5 décembre 1812 – 16 janvier 1813). Paris, 1910.
- Reglement concernant l'exercice et les manœuvres de l'infanterie du 1er août 1791. Paris, 1792.
- Sauzey A.* Les Allemands sous les Aigles françaises. Essai sur les Troupes de la Confédération du Rhin. 1806–1813. T. V. Nos Alliés les Bavaois. Paris, 1910.
- Schuermans A.* Itinéraire general de Napoléon Ier. Paris: Picard. 1908.
- Ussel J. d'.* La defection de la Prusse (décembre 1812 – mars 1813). Paris, 1907.
- Voelderndodff E.* Observation sur l'ouvrage de Mr. le Comte Ph. de Ségur. Munic, 1826.
- Völderndorff u. Waradein E.* Kriegsgeschichte von Bayern unter König Maximilian Joseph I. Bd. 3. München, 1826.
- Voss W.* Die Konvention von Tauroggen. Berlin, 1910.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

УДК: 902.67(575.1)

Крахмаль К. А.

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РАННЕГО АНТРОПОГЕНА СРЕДНЕЙ АЗИИ

*Те, что веруют слепо, пути не найдут.
Тех, кто мыслит, сомнения вечно гнетут.
Опасаясь, что голос раздастся однажды:
«О, невежды! Дорога не там и не тут!»*
(Омар Хайям)

В статье приведены некоторые результаты анализа методов многолетних междисциплинарных исследований в рамках одной из мировоззренчески значимых проблем — истории первоначального обживания уникального в физико-географическом отношении региона Средней Азии. Обращенно внимание на особенности определения хронологических этапов истории раннего возникновения и дальнейшего развития древнейшей материальной культуры, которые проводятся в общем контексте с эволюционными изменениями окружающей природной среды в регионе исследований.

Ключевые слова: Средняя Азия, хронология, стратиграфия, четвертичный период, историография, биосфера, археологические памятники древнего каменного века, палеомагнетизм, биостратиграфия.

На протяжении последних столетий происходит стремительное пополнение фактической информации по истории раннего антропогена, которая сочетается с глубоким совершенствованием методик исследований. В результате многие традиционные представления по данной проблеме подверглись коренному пересмотру, и появилась необходимость создания новых обобщающих работ.

Появление древнего человека, способного мыслить, трудиться и созидать, явилось величайшим событием в исто-

рии геологического развития планеты, который А. П. Павлов предложил именовать «антропогеном». Анализ имеющихся материалов исследований в области антропогенеза приводит к выводу, что раннее появление прапредка включает не только эпоху плейстоцена или четвертичного периода, но и неогена. В связи с этим дается предпочтение термину «антропоген», как этапу, включающему четвертичный период и более ранние этапы истории геологического развития природной среды на планете. Поэтому исследование эпох антропогена рассматривается как ранняя история антропогеосферы — закономерного этапа развития биосферы, составляющей в свою очередь закономерный этап развития геосферы¹.

В настоящее время, когда изучена геологическая и палеонтологическая летопись, человечество стало понимать, что эволюция жизни на Земле определяется эволюцией самой планеты. Именно геологические условия формируют геохимическую основу жизни, контуры жизненного пространства, направления развития жизненных форм и периодичность изменений всей биосферы в целом, которая запечатлена в хроностратиграфической последовательности формирования земной поверхности планеты. Глобальная экосистема Земли как высшее звено иерархической системы органического мира, формируется на основе своеобразных особенностей эволюционных процессов, характерных для конкретно выделенных регионов.

В процессе определения границы неогена и ранних этапов развития природы четвертичного периода в истории развития антропогеосферы на территории Средней Азии учитываются данные археологии палеолита, палеонтологии, антропологии, а также ряда историко-геологических и физико-географических наук. Историографическое изучение работ многочисленных исследователей позволяет понять эволюцию древних обитателей планеты, вступивших на путь совершенствования «органов управления» телом — нервной системы и мозга — на протяжении всей геологической истории. Систематизированы сложные степени родства, связывающие человека современного типа с его предками.

До недавнего времени считалось, что территория Средней Азии и Узбекистана в частности была заселена человеком

¹ Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984. С. 445–459.

не ранее 100 тыс. лет назад. В дискуссиях по проблемам генезиса среднеазиатского палеолита определенно сказывались подходы, выработанные в первой половине XX в., негативно влияющие на развитие палеолитоведения в Узбекистане и в настоящий период. Они исходили из классических альпийских моделей конца XIX — начала XX вв., основанных на геоморфологических методах исследований, и в Средней Азии искали нечто, подобное разработанным эталонам. Длительное время типология каменных орудий труда, открытых на памятниках, расположенных в регионе исследований, оценивалась как «формальное вещеведение», рассматривающее артефакты в отрыве от истории развития древнего человека, эволюционных изменений природной среды и их региональных особенностей.

В связи с этим в конце XX в. возникла необходимость разработки новых методических принципов исследования проблем древнейшей истории материальной и духовной культуры Средней Азии. Необходим был новый метод, способный изучать памятники каменного века в контексте целостной региональной реконструкции экологической ситуации, истории геологического развития региона исследований, в которой ключевое место уделяется взаимовлиянию палеолитических обитателей и природной среды.

Региональные палеоэкологические исследования процессов взаимодействия древнейших обитателей и природы на базе археологических памятников Средней Азии проводились впервые. Поэтому необходимо было рассмотреть начало возникновения собственно метода научного исследования, составить предварительное представление о предмете, определить будет ли данная работа настоящим изучением или повторением уже познанного, создать представление о месте комплексных исследований археологических объектов в общем процессе развития естественных и общественных наук, а также об общих возможностях, подходах в изучение поставленной задачи. На первом этапе изучались существовавшие методики ряда естественных и общественных наук, а так же рассматривались специальные вопросы антропологии и археологии палеолита.

В процессе историографического анализа ставилась задача выявления закономерностей научного исследования и

предполагалось, что имеющийся документальный материал должен быть переосмыслен. Характеризовался переход от одной стадии изучения к другой, когда данное исследование начинает отличаться от предшествующего коренным, новым качеством. В результате предложенный метод представляет собой комплекс, содержание которого связано в логически последовательный процесс исследования проблем древнейшей истории.

Анализируя существовавшие противоречия и споры в области определения временных параметров в истории развития культур каменного века на территории Средней Азии, было обращено внимание на то, что на первых порах количество известных памятников было ограниченным, и для того, чтобы подтвердить или опровергнуть вновь возникшую теорию, не хватало материала. Начиная с 80-х гг. XX в., положение резко изменилось. Открытия памятников древнего каменного века определили возможность применения геологических, геофизических, палеоботанических и некоторых других методов исследований. Каждое научное направление при этом не только проливало свет на старые проблемы, но и создавало новые, поскольку методы исследований различных наук не всегда согласовывались между собой и имели свои особенности и альтернативы.

В этих условиях появлялись веские, убедительные, иногда противоречащие друг другу теории по определению временных параметров развития древнейшей материальной культуры в среднеазиатском регионе и по некоторым особенностям истории происхождения человека как антропологического типа. Разработка стратиграфических схем четвертичного периода на территории Средней Азии включает результаты длительной научной деятельности многих поколений исследователей по изучению истории развития природной среды².

За длительный период изучения истории антропогена на территории Узбекистана было разработано множество хроностратиграфических определений. Если учесть, что в прошедшие периоды отсутствовали общепринятые практические требования, постоянно меняющуюся терминологию, большое количество разрозненных и противоречащих друг другу данных и разнообразие теоретических подходов в

² Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.

классификации раннего антропогена, то едва ли удивит, что приступающие к изучению данной проблемы находят этот предмет сложным и запутанным. В связи с вышесказанным было рассмотрено состояние проблемы стратиграфических исследований, история ее формирования как научного направления, причины смены основных рекомендаций к практическому руководству по изучению территории, которая характеризуется своеобразными физико-географическими и геолого-историческими особенностями развития.

Хроностратиграфические исследования проводятся в регионе, территория которого простирается от вершин Тянь-Шаня и Памиро-Алая на востоке и юге в пределах орогена, а на севере и западе уходит вглубь Туранской плиты с низменными равнинами и бессточными переуглубленными котловинами. Вытянутый в субширотном направлении на полторы тысячи километров регион исследований охватывает всю гамму вертикальной зональности — от высокогорных ледников до пустынь включительно. Это обусловило значительное геоморфологическое и фациально-генетическое многообразие рельефа. Наибольшими абсолютными отметками отличаются горы с осевыми хребтами Тянь-Шаня. Их высоты достигают 3000–4500 м. Горные гряды окаймляют межгорные впадины.

Территория относится к среднеазиатской зоне — одной из наиболее сейсмоактивных областей и характеризуется сложным геологическим строением. Современная геодинамика, обусловленная медленными деформациями и быстрыми сейсмическими разрывами пород земной коры, в значительной степени наследует в неоген-четвертичном периоде продолжающуюся тектоническую активность. Геодинамические характеристики деформирования земной коры фиксируются в стратифицированных отложениях четвертичного периода, содержащих включения культур раннего антропогена. Учитывая сложность изучения физико-географических и историко-геологических особенностей региона, отмечено также, что открытия в истории геологического развития природной среды на территории Средней Азии делались не в одночасье и, как правило, не одним человеком. В связи с этим тема обязывает углубленно рассмотреть историю изучения развития природной среды, как арены жизнедеятельности древнейших предков человека на достаточно обширном географическом

фоне, включая достижения ученых XVII–XIX вв. В области истории изучения становления и развития геологии как науки проделана огромная работа. С. И. Романовским проведено детальное изучение истории научных открытий и отмечено, что возможность располагать отложения в строгой хронологической последовательности является сутью великого геологического открытия. В XVII в. «наука обрела Время». Впрочем, на первых порах Время в явном виде не указывалось. Натуралисты и ранние геологи довольствовались не абсолютным (в годах), а относительным временем типа «раньше», «позже». В задачу же геолога входит не только выяснение того, какой из объектов более древний, но и установление причины такого необычного контакта³. С позиций современных мировоззренческих установок необходимо отметить, что в 1881 г. на Международном геологическом конгрессе в Болонье впервые было принято решение о выделении четвертичных отложений в самостоятельную систему⁴. В то же время на территории Узбекистана четвертичные отложения как самостоятельная система были впервые выделены уже в 1884 г. И. В. Мушкетовым, и для данного региона была составлена первая стратиграфическая схема континентальных отложений⁵. Позже И. В. Мушкетов совместно с Г. Д. Романовским составили первую геологическую карту региона, где нашли свое отражение и отложения четвертичного периода⁶. Таким образом, приоритет выделения четвертичных отложений на территории Средней Азии принадлежит И. В. Мушкетову⁷. Он внес ясность в генетические особенности четвертичных отложений, которые не потеряли своего значения до настоящего времени.

³ Романовский С. И. Великие геологические открытия. Очерки по истории геологических знаний. Вып. 30. СПб., 1995.

⁴ Боуэн Д. Четвертичная геология / Пер. с англ. И. И. Спасской. М., 1981.

⁵ Мушкетов И. В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание. Т. I. Ч. 2. СПб., 1886.

⁶ Романовский Г. Д., Мушкетов И. В. Геологическая карта Туркестанского края, составленная в 1881 г. горными инженерами Г. Д. Романовским и И. В. Мушкетовым преимущественно на основании личных наблюдений, проводившихся с 1874 по 1880 годы. Масштаб 30 верст в дюйме. СПб., 1884.

⁷ Вайнер Л. А. И. В. Мушкетов и его роль в познании геологии Средней Азии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент; М., 1951.

В начале XX в. определения возраста четвертичных отложений проводили Н. Ф. Безобразова, Г. И. Архангельский, Н. И. Толстихин и использовали для этого гипсометрические уровни речных террас. Первые сводные стратиграфические схемы, основанные на ограниченном материале, были составлены Н. И. Толстихиным и Ф. Ф. Мужичкиным. В начале 1930-х гг. Ю. А. Скворцов развивает идеи, предложенные предыдущими исследователями. Он связал развитие гипсометрические поверхности речных террас с неотектоническими движениями в регионе и предложил метод геоморфологического анализа в определении временной последовательности формирования отложений четвертичного периода⁸. В 1949 г. на примере материалов Приташкентского района Ю. А. Скворцов совместно с Н. В. Васильковским разработал стратиграфическую схему четвертичных отложений Узбекистана. Стратиграфическая схема, предложенная Ю. А. Скворцовым, как отмечал сам автор, была разработана для горных и предгорных районов и не распространяется на равнинные территории. Тем не менее, предложенная схема получила широкое развитие в хронологических определениях горизонтов, содержащих культуры каменного века Средней Азии.

Учеными Узбекистана в 1958 г. было обращено внимание на безраздельное господство принципа учета только ледниковых и межледниковых подразделений и на неправомерность требований «организаций центра» подчинить все сложные процессы осадконакопления в четвертичном периоде представлению, что только климатический ритм может служить основой для стратификации⁹. Не достаточно детально учитывалось то, что крупнейший теоретик геоморфологии В. Пенк рассматривал развитие рельефа как процесс непрерывного взаимодействия тектонической активности и денудации. Наиболее сильное влияние идеи В. Пенка оказали в Германии и Австрии. В других странах полное знакомство с трудами В. Пенка было уделом сравнительно не многих геоморфологов, остальные получали представление об учении

⁸ Скворцов Ю. А. Четвертичные отложения // Геология УзССР. Т. 3. М. – Л., 1939. С. 161–190.

⁹ Скворцов Ю. А., Тетюхин Г. Ф. Тезисы докладов к совещанию по унификации стратиграфических схем Средней Азии. М., 1958. С. 188–192.

по кратким изложениям. В связи с этим, наряду с прогрессивными направлениями нередко отмечалось механическое использование, что приводило к ошибочным выводам¹⁰. Проведение межрегиональных стратиграфических корреляций четвертичных отложений на основе геоморфологических определений, с отсутствием достаточных биостратиграфических данных, способствовало упрощенному и ошибочному представлению принципов расчленения четвертичных отложений на территории Средней Азии, тем более что существовало формальное представление о том, что для сопоставления возраста четвертичных отложений, включающих культуры каменного века даже удаленных регионов (таких как Средняя Азия), достаточно сравнить лишь порядковый номер террас, сформировавшихся в зависимости от ледниковых и межледниковых периодов. Такое «арифметическое» обоснование приводило к тому, что только на основании подсчета некоторое подобие корреляций альпийской схемы попытались распространить на территорию Китая, Восточной Африки и в «некоторых странах, где геологические науки развиты слабо, не смотря на убедительную критику, все еще находят сторонников концепции плювиалов и межплювиалов»¹¹.

В этой связи необходимо отметить, что в течение длительного периода в археологии палеолита Узбекистана использовалась альпийская хроностратиграфическая шкала, не смотря на то, что термины «гюнц, миндель, рисс и вюрм» требуют стратиграфического обоснования. Поэтому едва ли данную схему можно рассматривать как отвечающую современным требованиям. Кроме того, события, к которым относятся эти перемены, не охватывают всего четвертичного периода и действительная последовательность событий была неизмеримо более сложной, чем это представляется по схеме, включающей четыре оледенения и разделяющих их межледниковий.

Тем не менее, эти термины использовались для характеристики событий, установленных в других районах, таких как Средняя Азия, и соотносились с альпийской шкалой. Тенденция к подобному излишнему упрощению приводила к тому, что новые открытия насильно вставлялись в существующие

¹⁰ Пенк В. Морфологический анализ / Пер. с нем. Ю. Я. Ретеюма. М., 1961.

¹¹ Боуэн Д. Указ. соч. С. 71-72.

классификации. Такое произвольное обращение с фактами поддерживало иллюзию их наукообразной надежности и точности, поскольку на первый взгляд, подтверждается исходная схема. Подобная тенденция постоянно подтверждать открытия, сделанные при недостаточном объеме данных в 70-х XX в., получила название «синдром подкрепления» и приведена в качестве примера классического четырехчленного деления плейстоцена в Альпах. В результате такого подхода названия давали событиям, установленным вдали от районов, где они были впервые применены, и корреляция осуществлялась путем заполнения пустующих клеток в классификационной таблице¹².

Данные системы расчленения не соответствовали объективной реальности, поэтому употребляемые в них термины в лучшем случае должны быть определены заново, а в худшем являются полностью ошибочными и дезинформирующими. Более того, они обязаны своим существованием не климатическим циклам, а фазам ускоренного поднятия земной коры в Альпах. Традиционные методы датирования и корреляции континентальных отложений устарели, а новые проблемы находились за пределами их разрешающей способности.

В 1947 г. для определения возраста четвертичных отложений в регионе исследований Г. А. Мавлянов начинает использовать данные минералогического состава отложений и предлагает схему расчленения четвертичных отложений на четыре отдела: древний, средний, новейший и современный¹³. Эта, по существу, первая схема для Средней Азии, которая составлена на основании принятых к тому времени положений Межведомственного стратиграфического комитета. В схеме дана характеристика естественноисторических условий территории распространения с учетом физико-географических особенностей образования отложений и влияния вещественного состава материнских пород на их формирование.

На основании стратиграфических схем Ю. А. Скворцова и Н. П. Васильковского в 1961 г. на специальном совещании в Ташкенте была разработана единая рабочая схема расчленения

¹² Боуэн Д. Указ. соч. С. 22–23.

¹³ Мавлянов Г. А. Генетические типы лессов и лессовидных пород центральной и южной частей Средней Азии и их инженерно-геологические свойства. Ташкент, 1958.

четвертичных отложений Средней Азии, одобренная Объединенным пленумом неогеновой и четвертичной комиссии, утвержденная в 1962 г. Межведомственным стратиграфическим комитетом. Работы палеозоологов Р. Д. Амедовой и Р. К. Камбаритдинова были направлены на фаунистическое обоснование стратиграфической схемы. Однако собранная фауна была систематизирована путем сопоставления с эталонной коллекцией Восточной Европы, а в качестве стратиграфической основы была принята трехчленная схема И. М. Громова. К сожалению, работа не получила практического применения из-за несоответствия схем и выявила их недостатки в исследованиях истории геологического развития природы Средней Азии в четвертичном периоде. В процессе стратиграфических исследований рядом независимых методов была выявлена несостоятельность существующей схемы. В результате многие местные и зарубежные исследователи поспешно стали предлагать новые, далеко не обоснованные схемы. В 1972 г. в XXIII томе «Геологии СССР» была предложена унифицированная стратиграфическая схема четвертичных отложений для территории Средней Азии, разработанная на материалах равнинных пространств Восточной Европы и основанная на последовательности оледенений и межледниковий¹⁴.

По содержанию данная схема значительно отличалась от существовавших, особенно в таких вопросах, как продолжительность и ранняя граница четвертичной системы, ранг и объем, принцип выделения стратиграфических подразделений и др. В 1982 г. в книге «Стратиграфия СССР» за основу стратиграфии четвертичного периода для территории Узбекистана была принята схема В. М. Громова. Предложенная схема сильно отличалась от схемы, утвержденной Межведомственным стратиграфическим комитетом в 1962 г.

В практике изучения четвертичных отложений в регионе использовались два варианта стратиграфических схем: двухчленная (до 1950-х гг.) и четырехчленная. Однако использовать эти схемы не представлялось возможным, так как кроме вышеотмеченных недостатков, в них наблюдается несоответствие стратиграфической (возрастной) интерпретации формирования слоев горных пород и отсутствует жесткий критерий выделения. Понятие о том, что чем выше гипсоме-

¹⁴ Геология СССР. Т. XXIII. М., 1972. С. 678–716.

трический уровень поверхности террасы, тем древнее возраст пород, слагающих данную террасу, оказалось ошибочным. Хроностратиграфические определения и корреляция отложений, включающих культурные слои эпох каменного века по террасовым уровням, со временем показала свою малоэффективность. Соответственно, памятники эпох каменного века, соотнесенные с отдельными уровнями террас, так же получили ошибочную интерпретацию и не представляли возможностей проведения корреляционных сопоставлений в условиях значительного геоморфологического, тектонического и фациально-генетического многообразия рельефа Средней Азии. Таким образом, к концу 1980-х гг. ввиду несостоятельности предлагавшихся схем по определению временных этапов раннего обживания данного региона возникла необходимость существенной доработки и пересмотра в целом существующих стратиграфических подразделений.

В этом плане датирование памятников каменного века в регионе начинает проводиться на основе результатов палеомагнитных методов исследования, которые были начаты Х. А. Тойчиевым в 1971 г. на опорных стратиграфических разрезах. В процессе изучения палеомагнитными методами отложений четвертичного периода на территории Узбекистана разрабатывается новая стратиграфическая трехчленная схема. Она основана на систематизации геотектонических событий региона с учетом данных геофизических, палинологических, палеозоологических и археологических исследований, позволяющих определить начало и конец этапов в развитии природных явлений. Данная схема отражает один из главных принципов теоретической стратиграфии — принцип реальности и неповторимости стратиграфических подразделений. В предлагаемой схеме в качестве реальных стратиграфических подразделений приняты таксоны, предложенные Межведомственным стратиграфическим комитетом¹⁵.

Сложность тектонической активности в регионе исследовании в эпохи позднего кайнозоя и значительное поднятие горных сооружений Тянь-Шаня позволяет рассматривать весь четвертичный период как единый тяньшаньский орогенный

¹⁵ Тойчиев Х. А. Палеомагнитная стратиграфия континентальных четвертичных отложений Узбекистана. Автореф. дис. ... докт. геол.-минералог. наук. Ташкент, 1996.

комплекс. Комплекс, на основании цикличности осадконакопления, подразделяется на периоды импульсного (катастрофического) развития неотектонических событий, которые позволили за определенное время сформироваться мощной (реперной) толще грубообломочного материала. Отложения, образовавшиеся в промежутке между этими периодами, выделены как серии. Внутри орогенного комплекса выделено три серии, которые определены как раннетяньшанская (Q1), позднетяньшанская (Q2) и аральская (Q3). Серии, в свою очередь, на основании комплекса геологогеофизических, палеогеографических, палеонтологических и археологических данных, подразделяются на более подробные категории — свиты.

Временной объем четвертичной системы региона определен на основании палеомагнитных и геохронологических данных путем сопоставления с магнитогеохронологической шкалой А. Кокса. Установлена продолжительность раннетяньшанской эпохи (1,8 млн лет), позднетяньшанской (0,7 млн лет) и современной аральской эпохи (10–15 тыс. лет). Продолжительность всей четвертичной системы определяется 2,43 млн лет. В этом объеме заключены как морские, так и орогенные (континентальные) осадки четвертичного времени¹⁶. В данную стратиграфическую схему укладываются периоды раннего антропогена Средней Азии. При наличии единой региональной стратиграфической шкалы памятники палеолита Узбекистана получают точное, однозначное описание и интерпретацию таким образом, чтобы стратиграфические определения могли быть понятными исследователям разных направлений из разных стран¹⁷.

Хроностратиграфическое изучение археологических памятников раннего палеолита Средней Азии основано на изучении объектов окружающей природной среды и является результатом первичной непосредственной фиксации артефактов. Главным в изучении является стремление к тому, чтобы извлечь максимальное количество данных из изучаемых

¹⁶ Тойчиев Х. А., Стельмах А. Г. Четвертичная геология. Ч. 3. Стратиграфия четвертичных отложений за рубежом и в Узбекистане. Ташкент, 2014. С. 70–71.

¹⁷ Тойчиев Х. А., Крахмаль К. А. Хроностратиграфия антропогена Узбекистана // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. Новосибирск, 2002. С. 200–203.

памятников, обоснованно использовать методику отбора объектов в процессе археологических исследований, проливающих свет на естественную среду, в которой проходила изучаемая история раннего обживания региона.

Метод комплексного хроностратиграфического исследования используется в процессе изучения уникальной по своей значимости многослойной раннепалеолитической стоянки Сельунгур (Кыргызстан). Данный памятник изучался с 1980 г. В стратифицированных культурных отложениях стоянки Сельунгур были найдены, впервые для Средней Азии древнейшие каменные орудия и останки архантропов. Здесь необходимо отметить, что в первых публикациях речь шла о единичных находках, но дальнейшие исследования показали наличие комплекса артефактов во всех культурных горизонтах. В результате исследований особенностей изготовления орудий труда многослойной стоянки Сельунгур по данным археологической периодизации, основанной на определенной технико-типологической последовательности развития материальной культуры во времени, было установлено, что данный памятник относится к ранним этапам палеолита. Каменные орудия Сельунгура имеют близкие аналоги с артефактами, найденными в Олдувае (Восточная Африка), которые датируются 1,7–2,5 млн лет назад. Полученные относительные хронологические рубежи определили ранние стадии обживания Ферганского региона. В 1988–1989 гг. был выполнен так же коллагеновый анализ, который в периоды изучения стоянки Сельунгур был единственно доступным методом хронологического определения и дал возраст верхнего горизонта культурных отложений в 1,1 млн лет назад¹⁸. Безусловно, дальнейшие анализы и совершенствование методики каллагенового анализа могли бы дать более совершенные определения, но в связи с рядом обстоятельств, исследования не были продолжены. Тем не менее, полученные результаты позволили опровергнуть существовавшие концепции о том, что на территории Средней Азии не было достаточно благоприятных условий для возникновения древнейших культур. Различные теории диффузии, влияний и заимствований наиболее развитых культур и проникновения их в данный регион

¹⁸ Воложенинов Н. Н., Крахмаль К. А. Алайский терриокмплеск в плейстоцене // Узбекский биологический журнал. 1984. № 4. С. 42–47.

не ранее 100 тыс. лет, а сами природные условия способствовали рутине, неподвижности, отсутствия динамизма и эволюционного развития, не давали возможности объективного освещения хода исторического процесса. Проведенные исследования позволили по-новому осветить древнейшую историю антропогена Средней Азии, а также получить результаты, которые не укладывались в существовавшие стереотипы развития культур.

Определенные хронологические рубежи обживания пещерной стоянки Сельунгур долгое время служили возрастным ориентиром в исследованиях проблем раннего антропогена Средней Азии. Это в свою очередь позволило открыть синхронные отложения и реликтовые формы рельефа, которые являлись ареной жизнедеятельности древнейших обитателей данного региона. В результате их изучения были открыты более древние палеолитические памятники Чашма и Сох в Ферганской долине и Кызылалма, Ташсай, Овжас в долине реки Ангрэн¹⁹. Исследования раннего антропогена Средней Азии определяются не только возрастающим количеством открытых памятников, но и усовершенствованием самой методики изучения, в расширении и усложнении ее задач. Введение в научный оборот, впервые в практике археологических исследований в Узбекистане, результатов анализа абсолютного датирования антропогенных отложений является важным событием. Проведенные аналитические исследования под руководством академика АН РУз Б. С. Юлдашева явились принципиально важным и мировоззренчески значимым решением вопроса об истоках и генезисе раннепалеолитических культур Средней Азии. В результате аналитического исследования костного материала из пещеры Сельунгур, проведенного в отделе анализа и информации сектора ядерной химии профессором Ш. Хатамовым аналитиками Н. С. Осинской и Т. П. Рахмановой, впервые была получена абсолютная датировка. Выполненные определения показали, что периоды обживания второго культурного горизонта относятся к 1,5 млн лет назад. Использование в практике археологических исследований в Узбекистане калий-аргонового метода позво-

¹⁹ Крахмаль К. А. К детализации геостратиграфических рубежей эоплейстоцена на территории Узбекистана // Вестник Национального университета Узбекистана. 2015. № 3/1. С. 129–130.

ляет получить более полную историческую информацию и детально аргументировать решение проблемы раннего обживания Средней Азии древним человеком. Особенностью хроностратиграфического метода исследований является также более дифференцированный синтез ряда геологических, археологических, палеоботанических, палеозоологических и других данных. Это вполне логично, так как в предложенной хроностратиграфической схеме органически интегрируются и сливаются представления о различных, но взаимосвязанных аспектах многогранного процесса развития антропогеосферы Средней Азии. Памятники каменного века, в свою очередь, несут информацию об истории освоения человеком природного пространства в определенных геотектонических зонах и на определенных этапах их развития. Осадочные отложения с включающими культурами раннего палеолита рассматриваются как вполне закономерные геологические образования, имеющие свою историю, тесно связанную с движениями земной коры с тектоникой Тяньшаньского орогена²⁰.

Выделяя в процессе изучения генетические типы осадочных отложений пещерной стоянки Сельунгур, необходимо отметить, что объект исследования находится в зоне высокогорья, в пределах 2000 м над уровнем моря, в условиях орогена, представляющего постоянный источник формирования рыхлообломочного материала. Здесь в течение четвертичного периода преобладал выработанный рельеф, а склоновые отложения под воздействием тектонических и гравитационных преобразований испытали возрастные дислокации, что повлекло переотложение или полное уничтожение следов ранних культур. Пещерные антропогенные отложения раннепалеолитической стоянки Сельунгур, в отличие от памятников открытого типа, сохраняют особенности физико-географических изменений и представляют собой уникальное явление природы. Уникальность заключается в том, что в полости пещеры осадочные образования эпох раннего антропогена меньше подвергаются эндогенным и экзогенным преобразованиям и несут массу первичной информации по истории развития антропогеосферы. Данные хроностратиграфических определений раннего обживания пещерной стоянки

²⁰ Крахмаль К. А. Древний каменный век Ферганы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 2004.

были уточнены и дополнены биостратиграфическими исследованиями, которые позволили определить последовательность событий в геологическом прошлом²¹. Из культурных слоев было собрано более 5500 костных фрагментов, принадлежащих к ряду вымерших видов, которые в раннем плейстоцене уже не встречаются²².

Комплекс палеоботанических исследований археологического памятника позволил также произвести ряд хронологических и историко-географических выводов. В процессе археологических исследований из толщи пещерных отложений отобрано 49 образцов на споро-пыльцевой анализ, который был выполнен Р. А. Халмухамедовой в Институте ботаники АН РУз²³.

Палеоботанические исследования также были проведены К. В. Креницким в Институте географии РАН. Им были изучены образцы из отложений раскопа № 6. Хронологическая детализация периодов обживания пещеры связана с похолоданием климата, новейшим орогенезом, и уточняется на основе анализа древесной растительности. Наиболее характерный признак — присутствие семян сосны. Также отмечается пыльца ели, тсуги, липы, вяза, дуба, ольхи, тамарисковых, граба, грабинника, хмелеграба, хмеля, винограда, грецкого ореха²⁴. Многие из древесных пород, открытых в отложениях пещерной стоянки Сельунгур, являются реликтами третичной флоры тургайского типа²⁵. Изложенные выше данные

²¹ Крахмаль К. А., Халмухамедова Р. А., Воложенинов Н. Н. Палеогеографическое изучение Хайдарканской долины // К истокам истории древнекаменного века Средней Азии. Ташкент, 1996. С. 112–122.

²² Барышников Г. Ф., Батыров Б. Х. Среднеплейстоценовые хищные млекопитающие (Carnivora, mammalia) Средней Азии // Четвертичная фауна Северной Евразии. СПб., 1994. С. 3–43.

²³ Халмухамедова Р. Х. Палинологические исследования пещерных отложений древнепалеолитической стоянки Сельунгур // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии. Тезисы докладов. Ташкент, 1988. С. 78.

²⁴ Величко А. А., Креницкий К. В., Маркова А. К., Ударцев В. П. Палеоэкология ашельской стоянки Сельунгур // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии. Ташкент, 1988. С. 18.

²⁵ Крахмаль К. А. Биостратиграфия эоплейстоцена и раннего антропогена на территории Узбекистана. Ташкент, 2015.

спорово-пыльцевого анализа пещеры Сельунгур по составу и характеру ископаемой флоры позволяют воссоздать динамику природной среды времени аккумуляции антропогенных осадков и служат важным биоиндикационным материалом для реконструкции климата и детализируют этапность смен растительности в эпоху раннего антропогена.

Таким образом, представление о комплексном междисциплинарном исследовании археологических памятников древнего каменного века основанно на применении методик и методологий общественных и ряда естественных наук. Многолетние исследования древнейшего прошлого Средней Азии показали, что в истории раннего антропогена не существует разных наук со многими методиками и целями. В статье представлены лишь разные аспекты единой науки, причем науки исторической, цель которой — познать историю природы и человека в единстве. Возможность наиболее полно представить и понять, какое место в пространстве и времени занимает древнейшее прошлое региона, обеспечивается преодолением междисциплинарных границ и объединением в своем сознании результатов множества специальных исследований. В этом плане историографическое исследование рассматривается не просто как мысленное созерцание минувших эпох, а опирающаяся на факты методология познания особенностей развития природы в геологическом прошлом.

Литература

- Алексеев В. П.* Становление человечества. М., 1984. С. 445–459.
- Барышников Г. Ф., Батыров Б. Х.* Среднеплейстоценовые хищные млекопитающие (Carnivora, mammalia) Средней Азии // Четвертичная фауна Северной Евразии. СПб., 1994. С. 3–43.
- Боуэн Д.* Четвертичная геология / Пер. с англ. И. И. Спасской. М., 1981.
- Вайнер Л. А. И. В.* Мушкетов и его роль в познании геологии Средней Азии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент; М., 1951.
- Величко А. А., Кременецкий К. В., Маркова А. К., Ударцев В. П.* Палеоэкология ашельской стоянки Сельунгур // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии. Ташкент, 1988. С. 18.

- Воложенинов Н. Н., Крахмаль К. А.* Алайский терриокомплекс в плейстоцене // *Узбекский биологический журнал.* 1984. № 4. С. 42–47.
- Геология СССР.* Т. XXIII. М., 1972. С. 678–716.
- Крахмаль К. А.* Биостратиграфия эоплейстоцена и раннего антропогена на территории Узбекистана. Ташкент, 2015.
- Крахмаль К. А.* Древний каменный век Ферганы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 2004.
- Крахмаль К. А., Халмухамедова Р. А., Воложенинов Н. Н.* Палеогеографическое изучение Хайдарканской долины // *К истокам истории древнекаменного века Средней Азии.* Ташкент, 1996. С. 112–122.
- Крахмаль К. А.* К детализации геостратиграфических рубежей эоплейстоцена на территории Узбекистана // *Вестник Национального университета Узбекистана.* 2015. № 3/1. С. 129–130.
- Мавлянов Г. А.* Генетические типы лессов и лессовидных пород центральной и южной частей Средней Азии и их инженерно-геологические свойства. Ташкент, 1958.
- Мушкетов И. В.* Туркестан. Геологическое и орографическое описание. Т. I. Ч. 2. СПб., 1886.
- Пенк В.* Морфологический анализ / Пер. с нем. Ю. Я. Ретеюма. М., 1961.
- Ранов В. А., Несмеянов С. А.* Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.
- Романовский Г. Д., Мушкетов И. В.* Геологическая карта Туркестанского края, составленная в 1881 г. горными инженерами Г. Д. Романовским и И. В. Мушкетовым преимущественно на основании личных наблюдений, проводившихся с 1874 по 1880 годы. Масштаб 30 верст в дюйме. СПб., 1884.
- Романовский С. И.* Великие геологические открытия. Очерки по истории геологических знаний. Вып. 30. СПб., 1995.
- Скворцов Ю. А.* Четвертичные отложения // *Геология УзССР.* Т. 3. М. — Л., 1939. С. 161–190.
- Скворцов Ю. А., Тетюхин Г. Ф.* Тезисы докладов к совещанию по унификации стратиграфических схем Средней Азии. М., 1958. С. 188–192.
- Тойчиев Х. А., Крахмаль К. А.* Хроностратиграфия антропогена Узбекистана // *Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии.* Новосибирск, 2002. С. 200–203.

- Тойчиев Х. А., Стельмах А. Г. Четвертичная геология. Ч. 3. Стратиграфия четвертичных отложений за рубежом и в Узбекистане. Ташкент, 2014. С. 70-71.
- Тойчиев Х. А. Палеомагнитная стратиграфия континентальных четвертичных отложений Узбекистана. Автореф. дис. ... докт. геол.-минералог. наук. Ташкент, 1996.
- Халмухамедова Р. Х. Палинологические исследования пещерных отложений древнепалеолитической стоянки Сельунгур // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии. Тезисы докладов. Ташкент, 1988. С. 78.

Крахмаль Константин Андреевич, кандидат исторических наук, доцент (Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан); эл. почта: maxima-uz@mail.ru.

The Problem of the Chronology and Periodization of the History of Early Quaternary in Central Asia

In the article some results of the analysis of methods of multidisciplinary researches of one of the world outlook significant problems are presented - the problem of the original living in the region of Central Asia, unique in the physico-geographical region. Attention is paid to the peculiarities of determining the chronological stages of the history of early emergence and the subsequent development of the oldest material culture, which are conducted in general contexts with evolutionary changes in the natural environment in the region of research.

Based on the facts and ideas set forth in the original sources, a complex, centuries-old path of development of science, which studies key problems of history, illuminating the early stages of the emergence of mankind, is analyzed. It is noted that since the epochs of antiquity, it is the achievement of development, which determines the path of man to perfection, which lies through self-knowledge. In this regard, the goal of historiographical study is analysis of discoveries in the field of natural science, the formation of scientific ideas and hypotheses. First of all, for the science itself it is important to reveal what has been done, thus for the history of science it is necessary to know how it is done. The continuity of the current events, accompanying the discovery of new sources in the history of the Early Quaternary on the territory of Central Asia is crucial.

Key words: Central Asia, chronology, stratigraphy, Quaternary, historiography, biosphere, archaeological sites of the ancient stone age, paleomagnetism, biostratigraphy.

Konstantin Krakhmal, Associate Professor, Candidate of Historical Sciences (National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan); e-mail: maxima-uz@mail.ru.

References

- Alekseev V. P.* Stanovlenie chelovechestva. M., 1984. S. 445–459.
- Baryshnikov G. F., Batyrov B. H.* Sredneplejstocenovyehishhnyemlekoopitajushhie (Carnivora, mammalia) Srednej Azii // Chetvertichnaja fauna Severnoj Evrazii. SPb., 1994. S. 3–43.
- Boujen D.* Chetvertichnaja geologija / Per. s angl. I. I. Spasskoj. M., 1981.
- Vajner L. A. I. V.* Mushketov i ego rol' v poznanii geologii Srednej Azii. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tashkent; M., 1951.
- Velichko A. A., Kremeneckij K. V., Markova A. K., Udarcov V. P.* Pa-leojekologija ashel'skoj stojanki Sel'ungur // Problemy vzaimosvjazi prirody i obshhestva v kamennom veke Srednej Azii. Tashkent, 1988. S. 18.
- Volozheninov N. N., Krakhmal' K. A.* Alajskij terriokompleks v plejstocene // Uzbekskij biologicheskij zhurnal. 1984. № 4. S. 42–47.
- Geologija SSSR. T. XXIII. M., 1972. S. 678–716.
- Krakhmal' K. A.* Biostratigrafija jeoplejstocena i rannego antropogena na territorii Uzbekistana. Tashkent, 2015.
- Krakhmal' K. A.* Drevnij kamennyj vek Fergany. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Samarkand, 2004.
- Krakhmal' K. A., Halmuhamedova R. A., Volozheninov N. N.* Paleogeograficheskoe izuchenie Hajdarkanskoj doliny // K istokam istorii drevnekamennogo veka Srednej Azii. Tashkent, 1996. S. 112–122.
- Krakhmal' K. A.* K detalizacii geostratigraficheskikh rubezhej jeoplejstocena na territorii Uzbekistana // Vestnik Nacional'nogo Universiteta Uzbekistana. № 3/1. 2015. S. 129–130.
- Maoljanov G. A.* Geneticheskie tipy lessov i lessovidnyh porod central'noj i juzhnoj chastej Srednej Azii i ih inzhenerno-geologicheskije svojstva. Tashkent, 1958.
- Mushketov I. V.* Turkestan. Geologicheskoe i orograficheskoe opisanie. T. I. Ch. 2. SPb., 1886.
- Penk V.* Morfologicheskij analiz / Per. s nem. Ju. Ja. Retejuma. M., 1961.
- Ranov V. A., Nesmejanov S. A.* Paleolit i stratigrafija antropogena Srednej Azii. Dushanbe, 1973.
- Romanovskij G. D., Mushketov I. V.* Geologicheskaja karta Turkestan'skogo kraja, sostavlenaja v 1881 g. gornymi inzhenerami G. D. Romanovskim i I. V. Mushketovym preimushhestvenno na osnovanii lichnyh nabljudenij, provodivshijsja s 1874 po 1880 gody. Masshtab 30 verst v djujme. SPb., 1884.
- Romanovskij S. I.* Velikie geologicheskije otkrytija. Ocherki po istorii geologicheskikh znanij. Vyp. 30. SPb., 1995.
- Skvorcov Ju. A.* Chetvertichnyeh otlozhenija // Geologija UzSSR. T. 3. M.; L., 1939. S. 161–190.

- Skvorcov Ju. A., Tetjuhin G. F.* Tezisy dokladov k soveshhaniju po unifikacii stratigraficheskikh shem Srednej Azii. M., 1958. S. 188–192.
- Tojchiev H. A., Krahmál' K. A.* Hronostratigrafija antropogena Uzbekistana // Problemy kamennogo veka Srednej i Central'noj Azii. Novosibirsk, 2002. S. 200–203.
- Tojchiev H. A., Stel'mah A. G.* Chetvertichnaja geologija. Ch. 3. Stratigrafija chetvertichnyh otlozhenij za rubezhom i v Uzbekistane. Tashkent, 2014. S. 70–71.
- Tojchiev H. A.* Paleomagnitnaja stratigrafija kontinental'nyh chetvertichnyh otlozhenij Uzbekistana. Avtoref. dis. ... dokt. geol.-mineralogich. nauk. Tashkent, 1996.
- Halmuhamedova R. H.* Palinologicheskie issledovaniya peshheryh otlozhenij drevnepaleoliticheskoj stojanki Sel'ungur // Problemy vzaimosvjazi prirody i obshhestva v kamennom veke Srednej Azija. Tezisy dokladov. Tashkent, 1988. S. 78.

Цаканян Р. А.

АРМЕНИЯ ОТ ХАЙКА ДО ПАРНАВАЗА: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

В настоящей статье делается попытка на базе «Вавилонских хроник» и сочинений раннесредневековых армянских историков Мовсеа Хоренаци и Себеоса реконструировать политическую ситуацию на Армянском нагорье в конце VII в. до н. э. В своем монументальном труде Хоренаци в основном отдавал предпочтение греческим источникам. Отсюда берет начало «мидийская» версия падения Ассирийского государства. Но в распоряжении Хоренаци явно имелись и другие источники, согласно которым гибель Ассирии рассматривалась с точки зрения Вавилона. У Себеоса, напротив, мы встречаем только «вавилонскую» версию, где и встречаем упоминание об армянском нахараре (царе?) Парнавазе.

Ключевые слова: Ассирия, Вавилон, Урарту, Армения, Мовсес Хоренаци, Себеос, Хайк, Парнаваз.

В последней четверти VII в. до н. э. Ближний Восток сотрясали от войны, которой этот регион еще не видел в своей истории. «Виновницей» этой войны, происходившей между проассирийской (Ассирия и Египет) и антиассирийской (Вавилония и мидийские племена) группировками, была агонизирующая Ассирия, находившаяся на последнем этапе своего имперского существования. Вековая гегемония Ассирийской державы рушилась на глазах.

С 626 по 612 гг.¹ вавилонская армия овладела почти всей Ассирией, за исключением северо-западных территорий бывшей империи. Здесь, в районе городов Харрана и Каркемиша, еще оставались несколько отрядов ассирийской армии во главе с Ашшурбаллитом II (612–607 (605?))². Весной 611 г. вавилонская армия во главе с Набопаласаром (626–605) вела боевые действия близ Харрана и овладела городом Руггулитом при

¹ Здесь и далее все даты — до н. э.

² Grayson A. K. *Assyrian and Babylonian Chronicles*. New York, 1975. Chron. 3, l. 49f.; Glassner J.-J. *Mesopotamian Chronicles*. Atlanta, 2004. Chron. 22, l. 49f.

впадении в Евфрат реки Сугур к юго-востоку от Каркемиша³. Население города было истреблено⁴.

В 610 г., победоносно пройдя через всю территорию Ассирии с юга до севера, Набопаласар опустошил округу Харрана, а осенью к нему присоединились союзнические отряды мидян. Силы Ашшурбалита и вспомогательные отряды египетского фараона Псамметиха I (664–610)⁵ оставили город и отступили, перейдя на правый берег Евфрата. Вавилономидийские союзники разграбили Харран и разрушили его знаменитый храм Эхулхул⁶. Поражение ассирийской армии и падение Харрана египтяне восприняли как серьезную угрозу, и вскоре, летом 609 г., египетские войска во главе с новым фараоном Нехо II (610–595) поспешили на север-восток на помощь ассирийцам (4-я Цар. 23:29; 2-я Парал. 35:20–23; Herod. II.159; *Ios. Ant. Iud.* X.5). Но около города Мегиддо иудейский царь Иосия (640–609) неожиданно преградил путь египетской армии. Иудеи потерпели поражение, а сам царь Иосия был смертельно ранен в горло египетской стрелой (4-я Цар. 23:30; 2-я Парал. 35:22–24)⁷. После победы над иудеями египтяне поспешили на север на помощь ассирийцам. Свой гарнизон Нехо II расположил в Рибле, откуда двинулся навстречу ассирийцам. Объединенные египетско-ассирийские силы без каких-либо препятствий перешли Евфрат и осадили Харран.

³ Grayson A. K. Op. cit. P. 262; Zawadzki S. The Fall of Assyria and the Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopolassar Chronicle. Poznan-Delft, 1988. P. 95; см. так же: Kühne H. Thoughts about Assyria after 612 B.C. // Of Pots and Plans. Papers on the Archaeology and History of Mesopotamia and Syria, Presented to David Oates in Honour of his 75th Birthday / Ed. by L. al-Gailani et al. London, 2002. P. 171 ff.

⁴ Grayson A. K. Op. cit. Chron. 3, ll. 53-57; Glassner J.-J. Op. cit. Chron. 22, ll. 53-57; Zawadzki S. Op. cit. P. 121 ff.

⁵ James T. G. H. Egypt: the Twenty-fifth and Twenty-sixth Dynasties // Cambridge Ancient History. Vol. 3. Pt. 2. Cambridge, 1991. P. 714 ff.

⁶ Baltzer D. Harran nach 610 medisch? Kritische Überprüfung einer Hypothese // Die Welt des Orients. 1973. № 7. S. 86–95; Zawadzki S. Op. cit. P. 121ff.; Медведская И. Н. Взлет и падение Мидии // История и языки Древнего Востока: Памяти И. М. Дьяконова. СПб., 2002. С. 220.

⁷ Mitchell T. C. Judah until the Fall of Jerusalem (c. 700–586 B.C.) // Cambridge Ancient History. Vol. 3. Pt. 2. Cambridge, 1991. 390ff.; Malamat A. Josiah's Bid for Armageddon. The Background of the Judean-Egyptian Encounter in 609 B.C. // JANES. 1973. № 5. P. 267 ff.

Все лето велись тяжелые бои, и только осенью вавилонские основные силы во главе с Набопаласаром поспешили на помощь городу⁸. Потом, как видно из 70 строки «Нововавилонской хроники», Набопаласар вел боевые действия в горах Ицаллы. Уничтожив множество горных селений, он дошел до границ бывшего Урартского государства (дословно — «до области города Урашту»), затем, разместив там войско, возвратился в свою страну⁹.

Что же касается словосочетания «до области города Урашту», то его здесь нужно воспринимать как географическое, а не политическое название. Кроме того, очень сомнительно, что вместо оказания помощи Харрану Набопаласар двинулся вглубь территории Армянского нагорья. По сообщениям «Хроники», театр военных действий на данном этапе, возможно, размещался на бывшей территории страны Шубрия. Более того, даже если предположить, что в данную эпоху действительно существовало государство Урарту, то вряд ли оно могло охватывать данную территорию. Как отмечал А. В. Косян, со второй половины VII в. власть урартов не распространялась на западные и юго-западные территории озера Ван¹⁰. Скорее всего, к этому времени Урарту распалось на несколько мелких царств¹¹, что впоследствии привело к их быстрому захвату государством, известным под названием «Дом Торгома»¹². Ясно одно: в горах Ицаллы вавилоняне столкнулись с другими этнополитическими силами. Здесь остается отметить тот факт, что в 609 г. об Ассирии упоминают в последний раз как о все еще существующем, хотя и крайне ослабленном, государстве на северо-западе Месопотамии. Вскоре после этого Ассирия прекратила свое существование¹³.

⁸ Grayson A. K. Op. cit. Chron. 3, ll. 66–75; Glassner J.-J. Op. cit. Chron. 22, ll. 66–75.

⁹ Grayson A. K. Op. cit. Chron. 3, l. 70; Glassner J.-J. Op. cit. Chron. 22, l. 70; см. также: Na'aman N. The Kingdom of Judah under Josiah // Tel Aviv. 1991. № 18. P. 52 f.

¹⁰ Kosyan A. Western Periphery of Urartu and Beyond // AJNES. 2010. Vol. 5/1. P. 43–54.

¹¹ Grekyan Y. When the Arrows are Depleted (Towards the Fall of the Urartian Empire) // AJNES. 2009. Vol. 4/2. P. 98–126.

¹² Цаканян Р. А. Этнополитические сдвиги на Ближнем Востоке и Армянском нагорье в VII–VI вв. до н. э. Ереван, 2013. С. 184–212 (на арм. яз.).

¹³ Zawadzki S. Op. cit. P. 16.

В регионе вавилоняне действительно встретили какие-то гарнизоны, и они не были ассирийскими союзниками или группировками противников, из чего можно заключить, что мы имеем дело с жизнеспособной и достаточно активной этнополитической единицей, которая попыталась извлечь выгоду из ассиро-вавилонского конфликта и взялась за расширение своих границ, становясь важным игроком на международной арене.

Незадолго до этого в Восточной Малой Азии и в западных регионах Армянского нагорья имела место бурная этнополитическая миграция, ядром которой без каких-либо сомнений следует считать «Дом Торгома» («Bêt-Tôgarmā/Torgāmā»)¹⁴. Как отмечает И. М. Дьяконов, в Малой Азии теперь оставались три сильных царства: Лидия, Киликия и «Дом Тогармы», т. е. бывшее царство Мелитены, сменившее, по-видимому, лувийскую династию на армянскую¹⁵.

«Дом Тогармы» (Bêt-Tôgarmā) на древнееврейском (в Библии) зафиксированно как Twgrmh, Bwt-Tgrmh, Bwt-Trgmh, на греческом (в Септуагинте) — Θωγαριά, Βαθ-Θωργο/αριά, Βαθ-Θωγαριά, по-хеттски — Ta/e/ig/k/qaram(m)a¹⁶, на лувийском иероглифическом — Lá/i/u-ka+ra/i-ma (надпись из

¹⁴ Дьяконов И. М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей // ВДИ. 1981. № 2. С. 60 сл.; *он же*. Урарту, Фригия, Лидия // История древнего мира. Кн. 2. Изд. 3-е. М., 1989. С. 67–69. Об этом государстве подробнее см.: Косян А. В. Дом Торгома (миф и реальность). Ереван, 1998. С. 46–65 (на арм. яз.); *он же*. Лувийцы, фригийцы и мушки (к этнополитической истории Малой Азии в VIII–VII вв. до н. э.) // История и языки Древнего Востока: Памяти И. М. Дьяконова. СПб., 2002. С. 87–196; Yamada Sh. The City of Togarma in Neo-Assyrian Sources // Archiv für Orientforschung. 2006. Bd. 33/2. S. 223–236; Цаканян Р. «Дом Торгома» в источниках // Востоковедение в Армении. Т. 3. Древняя и Средневековая Армения и ее соседи. Ереван, 2017. С. 161–180 (на арм. яз.).

¹⁵ Дьяконов И. М. Урарту, Фригия, Лидия. С. 67.

¹⁶ Monte G. F., del, Tischler J. Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte // Répertoire géographique des textes cuneiforms. Bd. 6. Wiesbaden, 1978. S. 383; Monte G. F., del, Tischler J. Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte // Répertoire géographique des textes cuneiforms. Bd. 6/2. Wiesbaden, 1992. S. 154; Косян А. Топонимы Армянского нагорья (Согласно хеттским клинообразным источникам). Ереван, 2004. С. 92–93 (на арм. яз.).

Karahöyük, 1-3)¹⁷, по-ассирийский — Til-Garimmu¹⁸, в армянском переводе Библии и в средневековой армянской историографии — Т'оргом (Թորգոմ), Тун Торгома (Տոն Թորգոմաշ — «Дом Торгома») (Мовсес Хоренаци. I.5). Несомненно, все эти названия идентичны¹⁹. А. Иванчик тоже считает, что отождествление «Дом Тогармы» с Западной Арменией достаточно хорошо обосновано²⁰.

Средневековая армянская христианская традиция, начиная с Мовсеса Хоренаци, внесла соответствующие представления в армянскую историографию, где в последствии Торгом (Թորգոմ) становится отцом Хайка (Հայկ) — древнеармянским богом, эпонимом армян и легендарным прародителем армянского народа, основателем легендарной династии Хайказидов.

И если Хайк оставил свое имя как эпоним народа²¹, то Торгом в свою очередь сохранил имя прародителя и основателя династии, в последствии чего армяне называли себя «рожденными Торгомом»; он — эпоним священного-патриархального «Дома-Очага» (др. евр. Bêt и аккадский Bit". Здесь, как отмечает С. Арутюнян, мифическое время превращалось в историческое, мифические события переходили на историческую основу и происходили в конкретной географической среде²².

¹⁷ Hawkins J. D. Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions. Vol. I. Inscriptions of the Iron Age. Pt. 1. Text. Berlin, 2000. P. 289f.; Косян А. В. Лувийские царства Малой Азии и прилегающих областей в XII–VIII вв. до н. э. (по иероглифическим лувийским источникам). Ереван, 1994. С. 112. Прим. 9; Simon Z. Wer war Großkönig I(a)+ra/i-TONITRUS der KARAHÖYÜK // Time and History in the Ancient Near East: Proceedings of the 56th Rencontre Assyriologique Internationale of Barcelona 26–30 July 2010 / Ed. by L. Feliu et al. Winona Lake, 2013. P. 823–832.

¹⁸ Nashef K. Die Orts- und Gewässernamen der altassyrischen Zeit // Répertoire géographique des textes cuneiforms. Bd. 4. Wiesbaden, 1991. S. 117.

¹⁹ Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ер. 1968, С. 178–189, 227–229.

²⁰ Иванчик А. И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н. э. М., 1996, С. 124.

²¹ В 87-ом примечении русского перевода «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци — Г. Х. Саркисян отмечает: «Хайкh означает и “армяне”, и “Армения” и образовано не от имени Хайк, как полагает Мовсес Хоренаци, а от названия хай (армянин). Само имя Хайк также происходит от названия хай».

²² Арутюнян С. Основные черты древнеармянской мифологии //

В армянском обществе до сих пор сохраняются остатки священного патриархального «Дома-Очага», и это понятие несет в себе древние традиции. До сих пор в армянских деревнях еще сохраняется вера в «Дом-Очаг», и детей называют не по имени или фамилии, а по имени хранителя «Дома-Очага». Такие следы «Дома-Очага» сохраняются не только в армянской среде; оно заметно и у всех кавказских народов, а также у арабов, евреев и др. этносов. Итак, ясно, что Торгом — это патриарх-хранитель «Дома-Очага» армянского народа, отчего и *Bêṭ-Torgāmā* — «Дом Торгома», или «Дом потомков Торгома», т. е. династия Торгома.

А. В. Косян, подводя итоги этнополитических сдвигов в восточной и центральной Малой Азии в VIII — начале VII вв., отмечает, что перемещения местных царских династий и аристократии (возможно, даже части трудового населения) должны были привести к серьезным демографическим изменениям, и даже упадку жизнедеятельности целых областей, что, вероятнее всего, сопровождалось открытым грабежом. Возможно, в такой ситуации не будет преувеличением говорить о наличии политического вакуума, который Ассирия вряд ли сумела восполнить²³.

Ясно, что обострение геополитической и этнополитической ситуации в восточной Малой Азии привело и к изменению этнополитической караты региона. Восточные области Малой Азии были в центре внимания и нового ассирийского царя Саргона II (722–705)²⁴. В 705 г. Саргон II лично возглавил поход в Табал, против Гурдии из Кулуммана, где ассирийцы потерпели поражение, а сам этот поход стоил ассирийскому царю жизни: «Во время эпонима Насхур-Бэла — губернатора города Амеди, совершил поход на Табал (?)²⁵], против Гурдии из Кулуммана, [...] царь был убит; лагерь царя Ассирии [...]»²⁶.

Историко-филологический журнал. 2006. № 3. С. 64.

²³ Косян А. Лувийцы, фригийцы и мушки. С. 193.

²⁴ Kossian A. Sargon II and Kurtis of Atuna: An Interpretation // *Studia Linguarum*. Vol. 3. Fasc. 1 / Ed. by A. S. Kassian, A. V. Sidel'tsev. M., 2002. P. 191–203.

²⁵ Восстанавливается по одной из вавилонских хроник: «17-й год. Саргон пошел на Табал» (*Grayson A. K. Op. cit. Chron. 1, Col. II, l. 8; Glassner J.-J. Op. cit. Col. II, l. 20*).

²⁶ Millard A. The Eponyms of the Assyrian Empire 910–612 B.C. // *States Archives of Assyria Studies*. Vol. 2. Helsinki, 1994. P. 48; *Glassner J.-J.*

Говоря о противнике Ассирии, А. В. Косян отмечает, что трудно предположить, чтобы противниками Саргона II в Табале были лувийцы, государственность за несколько лет до этого события. Наиболее вероятным этносом, устранившим политический вакуум в Табале и в Мелиде, он считает мушков, которые позже могли участвовать в армянском этногенезе²⁷.

Сейчас ни археологические, ни тем более исторические данные не позволяют однозначно и четко ответить на вопрос о том, какую этническую принадлежность имели те этнополитические силы, которые заполнили на указанной территории политически вакуум. Но все-таки мы думаем, что все эти события могли найти в армянском мифе о Хайке и Беле. Очевидно, что Хайк в нем воплощает армянский народ, а его противник Бел — вавилонян и ассирийцев. Переходя из мифологической сферы в историческую, необходимо найти в вавилонских и ассирийских царских списках того царя, который совершил поход на Армянское нагорье или сопредельные регионы и погиб в бою, причем так, чтобы эта информация соответствовала данным Мовсеса Хоренаци, который пишет:

«Увидев Бела в мощном вооружении и отборных мужей справа и слева от него, Хайк ставит Араманеака с двумя братьями справа, а Кадмоса и двух других своих сыновей — слева, ибо они искусно владели луком и мечом. Сам он стал впереди, а остальную часть рати поставил позади. Построив это подобие треугольника, он стал медленно продвигаться вперед.

Когда великаны обеих сторон сошлись, от их яростной схватки страшный грохот огласил землю; они наводили ужас друг на друга разнообразием способов нападения. Немало было повержено там лезвием меча на землю могучих мужей с обеих сторон, и обе стороны оставались непобежденными в сражении. Столкнувшись со столь неожиданным и сомнительным положением вещей, царь Титанид пришел в ужас и, повернув вспять, стал подниматься на тот же холм, с которого было спустился. Он надеялся продержаться в толпе, пока подоспеет вся рать и он сможет возобновить нападение. Увидев это, Хайк, вооруженный луком, устремляется вперед, приближается к царю, туго натягивает широкий как озеро (лук) и трехперой (стрелой) попадает в нагрудную пластину; стрела,

Op. cit. Chron. 9, ll. 8-10.

²⁷ Косян А. Лувийцы, фригийцы и мушки, С. 194.

пройдя насквозь между плеч, вонзается в землю. И тут возгордившийся Титанид, грянувшись о землю, испускает дух. Увидев столь невероятный подвиг мужества, его полчища разбегаются куда глаза глядят» (Мовсес Хоренаци. I.10–11).

Из ассирийских и вавилонских царей этому описанию соответствует только Саргон II, который, как было отмечено выше, действительно совершил такой поход, и это событие могло лечь в основу армянского исторического предания. Саргона II можно сопоставлять с «Бэлом Титанидом», из чего вытекает, что Гурдия из Кулуммана (чья этническая принадлежность до сих пор не определена) можно в соответствии с тем же принципом сопоставить с армянским Хайком Нахапетом. Конечно, из всего этого не следует, что в образе Хайка не могли воплотиться и другие исторические личности.

Из других сообщений Мовсеса Хоренаци видно, что Хайк перед решающей битвой с Бэлом стремится собрать воедино все армянские племена. Здесь есть еще одно важное обстоятельство: Мовсес Хоренаци был христианским епископом, и как все другие средневековые историки, он начинал свой рассказ с событий библейской истории. Свой рассказ Хоренаци начинает с сотворения мира, а главной нитью своего рассказа он сделал библейский сюжет о строительстве Вавилонской башни. Как известно, башня осталась недостроенной, а потомки сыновей Ноя разошлись в разные земли, образовав различные народы (Быт. 10:1–9). И если в Библии сам Иафет, сын Ноя, оставляет Вавилон и продвигается в север, то у Хоренаци это был Хайк, правнук Иафета (Мовсес Хоренаци. I.10). В этой связи заслуживает внимания упоминание Хоренаци о «могучих мужах числом около трехсот и прочих домочадцах» Хайка. Думаем, что здесь, по всей вероятности, речь идет о 300 патриархальных (нахапетских) или родо-племенных объединениях, подобно тому, как это было, например, в древнейшем Риме, где согласно традиции, «римский народ» (*populus Romanus*) был, по сути, родо-племенным объединением, состоявшим из 300 родов. При этом отнюдь не обязательно, чтобы патриархи-нахапеты Мовсеса Хоренаци жили в разное время; можно предположить, что, по всей вероятности, они жили одновременно и были объединены в племенной союз под лидерством дома Торгома, являясь главами армянских племен из разных регионов Армянского нагорья²⁸.

²⁸ См. также: Косян А. В. Дом Торгома. С. 55.

При преемнике Саргона II Синаххерибе (705–681) ассирийцы вновь появились на этой территории. Результаты походов Синаххериба можно считать нулевыми. Синаххериб довольствовался только ограблением и опустошением вражеских земель²⁹. В 679 г. в регионе появился внук Саргона II – Ассархаддон (681–669), который у Хубушны (на территории Табала, античного Кибистрана, нынешнего Эрегли³⁰) разгромил войско вождя киммерийцев Теушпы³¹, а в 675 г. предпринял поход на Мелид³². Этот поход, как и поход его отца Синаххериба, был также безрезультатен, и Ассархаддон также довольствовался только опустошением региона, после чего вернулся домой. Неудачным оказался и поход Ассархаддона в Египет в 674 г.³³ Эти два неудачных похода поставили ассирийскую военную машину в тяжелое положение. Год спустя, в 673/672 г., Ассархаддон напал на Шубрию и аннексировал ее. Почти одновременно урартский царь Руса III (сын Аргишти II) (685–660) предпринял свой заевфратский поход на «^{KUR}Му-иш-ки-ни ^{KUR}На-те-е ^{KUR}На-ли-ту»³⁴. Думаем, что нельзя недооценивать взаимосвязь этих событий. Мы также предполагаем, что все это прямо или косвенно было связано с политической активностью «Дом Торгома». Исходя из вышесказанного, можно предположить, что урартский поход был лишь демонстрацией силы и попыткой предотвратить вероятное нападение «Дом Торгома» на левый берег Евфрата. Для Ассирии

²⁹ Grayson A. K., Novotny J. The Royal Inscriptions of Sennacherib, King of Assyria (704–681 BC) // The Royal Inscriptions of the Neo-Assyrian Period. 3/1. Helsinki, 2012. № 17. Col. V, ll. 1–20; № 34, l. 19.

³⁰ Косян А. В. Нахает Арам в Каппадокии (к одной гипотезе) // ИФЖ. 1999. № 1. С. 246 (на арм. яз.).

³¹ Подробнее см.: Иванчик А. И. Указ. соч. С. 60–64. Киммерийской проблеме мы хотим в дальнейшем посвятить специальную работу, здесь же лишь отметим, что очень сомнительно, чтобы киммерийцы в Передней Азии появились лишь в VIII в. и думаем, что они не пришли на территорию Армянского нагорья, преследуя скифов, как отмечают греческие авторы, а присутствовали в северной и северо-западной частях нагорья ранее VIII в.

³² Grayson A. K. Op. cit. Chron. 14, l. 15; Иванчик А. И. Указ. соч. С. 68–71.

³³ Spalinger A. Esarhaddon and Egypt: An Analysis of the First Invasion of Egypt // *Orientalia. Nova Series*. 1974. Vol. XLIII. № 3/4. P. 295–323.

³⁴ Salvini M. *Corpus dei Testi Urartei*. I. Roma, 2008. A 12–1; Арутюнян А. В. Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван, 2001. № 414.

Шубрия должна была стать форпостом на ее северо-западных границах в случае нападения с этого направления. Интересно и присутствие рядом с «Домом Торгома» киммерийцев, которые после 679 г. направляли свое оружие на запад, вглубь Малой Азии³⁵. Мы склонны думать, что между «Дом Торгома» и киммерийцами мог быть заключен договор о разделе сфер влияния, по которому «Дом Торгома» мог продвигаться на восток и юг, а киммерийцы — на север и запад³⁶.

При Ашшурбанапале (669–627) царство «Дом Торгома» временно признало власть Ассирии. Впрочем, надо отметить, что и при Ашшурбанапале эта территория не была завоевана ассирийцами. Нет сомнений, что после смерти Ашшурбанапала или уже в последние годы его правления это царство завоевало почти всю западную территорию бывшего Урартского государства. По мнению Ш. Ямады, власть над Анатолией, по всей вероятности, была ассирийцами утрачена³⁷. После этого уже в конце VII и в начале VI вв. «Дом Торгома» уже предстает как самостоятельное государство во главе с династией Хайказидов. Ясно, что возникшее на территории «Высокого Хайка» (Высокой Армении, арм. Բարձր Հայք, *Bardz'r Hayk*) — первой области Великой Армении по «Армянской географии»³⁸, Четвертой Армении (Цопка, арм. Օւփք) — второй области Великой Армении по «Армянской географии», и Малого Хайка (арм. Փոքր Հայք, *Pok'r Hayk*)⁴⁰, армянское царство «Дом Торгома» развивалось дальше и активно участвовало в международных событиях. Во время укрепления государства одним из его центров был, скорее всего, город Мелитена⁴¹. Интересно, что, по утверждению И. М. Дьяконова, греки до именованья армян «ἀρμένιοι», скорее всего, называли их мелитеняна-

³⁵ Иванчик А. И. Указ. соч. С. 68–77, 100–122.

³⁶ Цаканян Р. Некоторые вопросы внешней политики Ассирии и Биайнили-Урарту (673–672 гг. до н. э.) // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Т. XXX. Ереван, 2016. С. 31–56 (на арм. яз.).

³⁷ Yamada Sh. Op. cit. P. 234.

³⁸ Патканов К. П. Армянская география VII века по Р. Х. (Приписывавшаяся Моисею Хоренскому). СПб., 1877. С. 43.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Adontz N. Histoire d'Arménie. Les origines, du Xe siècle au VIe siècle av. J. C. Paris, 1946. P. 317–321.

⁴¹ Косян А. В. Нахает Арам в Каппадокии. С. 256–257.

ми (μελιττήνιοι), возможно, в честь названия столицы «Дома Торгома»⁴².

В 608 г. вавилонские войска снова появились на границах Армянского нагорья. В этот раз они вновь дошли до границ Урарту — до гор Бит-Хануни⁴³.

Интересно, что И. М. Дьяконов причину вавилонского похода против Бит-Хануни видит в опасности нападения со стороны «Дома Торгома»⁴⁴. А горы Бит-Хануни, по всей вероятности, можно отождествить с той частью Армянского Тавра, по которой проходила граница между Алдзником и Цопком⁴⁵. Действительно, этот регион находился близко от района ассиро-вавилонских военных действий.

По мнению И. М. Дьяконова, дальнейшие действия вавилонян явно показывают, что они в течение ближайших трех лет были более обеспокоены севером, чем Ашшурубаллитом и фараоном Нехо, и в особенности — проходами, шедшими с Армянского нагорья через Верхний Евфрат и верховья Тигра⁴⁶. Здесь ученый, как уже отмечалось, под «неизвестными силами» подразумевает «Дом Торгома»⁴⁷. Очевидно, что кроме этой этнополитической единицы в регионе других сил не было. Это армянское царство было достаточно активным и принялось расширять свои границы, что, безусловно, не могло не беспокоить вавилонян. Впрочем, остается неясным, удалось ли в дальнейшем вавилонянам сломить сопротивление «Дома Торгома» или они заключили мир?

В 607 г. Набопаласар вместе со своим наследником, царевичем Навуходоносором, выступил в поход и направился в некие «страны Гор»⁴⁸. Во время похода Набопаласар оставля-

⁴² Дьяконов И. М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. С. 55–56; он же. Урарту, Фригия, Лидия. С. 66–69.

⁴³ Grayson A. K. Op. cit. Chron. 4, ll. 1-4; Glassner J.-J. Op. cit. Chron. 23, ll. 1-4.

⁴⁴ Дьяконов И. М. Урарту, Фригия, Лидия. С. 68.

⁴⁵ Цаканян Р. 18-й год правления Набопласара (625–605 гг. до Р.Х.) (В. М. 22047, 1–13) и проблема локализации «Bit-mHa-nu-ni-ia» // Материалы научной конференции, посвященной 500-летию армянского книгопечатания. Ванадзор, 2012. С. 13–32 (на арм. яз.).

⁴⁶ Дьяконов И. М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. С. 43, 46.

⁴⁷ Там же. С. 60–63.

⁴⁸ Grayson A. K. Op. cit. Chron. 4, ll. 5-11; Glassner J.-J. Op. cit. Chron. 23, ll. 5-11.

ет там своего сына и преемника Навуходоносора, а сам (видимо, по причине ухудшения здоровья) летом возвращается в Вавилонию. В это время Навуходоносору удалось завоевать какие-то земли («до области страны [...] в]се горы покорил»)⁴⁹. У Д. Дж. Вайзмана название страны в транслитерации и в переводе строки отпускается⁵⁰. А. К. Грейсон восстанавливает его так: «Он все горы покорил до области Урарту»⁵¹. Такое восстановление принимает и Дж.-Дж. Гласснер⁵². По поводу реконструкции А. К. Грейсоном название страны как «Урарту», И. М. Дьяконов сначала отмечает, что название страны, скорее всего, начиналось слогами «Pi-» или «Ru-/Šub-»⁵³, однако чуть ниже все-таки не исключает возможности прочтения, предложенного А. К. Грейсоном⁵⁴. Совсем другая версия у Дж. Рида. Он в поврежденной строке предлагает читать «*adi ri-[ḫat] tam-[tim?]*», т. е. «до области моря» (озера Ван)⁵⁵. Однако мнение Дж. Рида представляется в данном случае ошибочным, поскольку на этот раз боевые действия проходили не в районе Вана, а на северо-западных территориях Армянского нагорья.

Более того, однозначно, по крайней мере для нас, то, что три вавилонских похода — 609 г. в горы Ицаллы, 608 г. в горы Бит-Ханунии и 607 г. «до области страны» — имели одну цель: предотвращение нападений с севера, и скорее всего — со стороны Вавилона. Эти походы были демонстрацией сил, а театр военных действий однозначно располагался в юго-западной части Армянского нагорья. Здесь вавилоняне встретились с новой этнополитической силой — с «Домом Торгома», однако, к сожалению, о каких-либо отношениях или о столкновениях с ней вавилонские хроники умалчивают. Интерес-

⁴⁹ Grayson A. K. Op. cit. Chron. 4, l. 11; Glassner J.-J. Op. cit. Chron. 23, l. 11.

⁵⁰ Wiseman D. J. *Chronicles of Chaldaean Kings (626–556 B. C.) in the British Museum*. London, 1956. 64, l. 11.

⁵¹ Grayson A. K. Op. cit. Chron. 4, l. 11.

⁵² Glassner J.-J. Op. cit. Chron. 23, l. 11; Rollinger R. *The Western Expansion of the Median "Empire": A Re-Examination // History of the Ancient Near East. V. Continuity of Empire: Assyria, Media, Persia / Ed. by G. B. Lanfranchi, M. Roaf, R. Rollinger*. Padova, 2003. P. 294.

⁵³ Дьяконов И. М. *Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э.* С. 39. Прим. 49.

⁵⁴ Там же. С. 45.

⁵⁵ Reade J. *Why Did the Medes Invade Assyria? // History of the Ancient Near East. Monograph. V. Continuity of Empire: Assyria, Media, Persia / Ed. by G. B. Lanfranchi, M. Roaf, R. Rollinger*. Padova, 2003. P. 149, 152–156.

ны также факты, приводимые средневековыми армянскими историками, такими как Мовсес Хоренаци и Себеос, о падении Ассирии. Кроме традиционной «мидийской» версии падения Ассирийской державы, у Мовсеса Хоренаци есть следы «вавилонской» версии⁵⁶. Более того, сам Хоренаци указывает на это: «Ибо деяния отца Навуходоносора были записаны их хранителями памятных записей, а (деяния) наших, не помышлявших о таких вещах, стали упоминаться лишь в последнюю очередь. Если же спросишь — откуда нам так хорошо известны имена наших предков, а во многих случаях — и их деяния, ответу: из древних халдейских, ассирийских и персидских архивов; ибо их имена и деяния, как должностных лиц, управителей и великих наместников, назначенных царями, были включены в их записи» (Мовсес Хоренаци. I.21).

Фактически, обе версии были в распоряжении Мовсеса Хоренаци, из которых, однако, вместо Набопаласара — отца Навуходоносора (605–562) — он предпочел «Варбака» — Киаксара (625–585), царя Мидии. У Мовсеса Хоренаци с Мидией связывается и коронация первенца армянских царей. Мидийский царь заключает договор с армянским нахараром Паруйром Хайказидом. Последний во главе армянских сил сражается вместе с вавилонянами и мидийцами против Ассирии, после чего получает корону от царя Мидии, о чем с воодушевлением пишет Мовсес Хоренаци: «И вот я испытываю немалую радость и ликую, дойдя до времени, когда потомки нашего коренного предка достигают царского сана... Варбак, родом мидиец... привлекает к себе и храброго нашего нахарара Паруйра, обещая ему царские почести и знаки. Собирает полчища храбрых мужей, искусно владеющих копьем, луком и мечом. Таким образом он завладевает царством Сарданапала и властвует над Ассирией и Ниневией» (Мовсес Хоренаци. I.21).

Об Армянском царстве очень интересно и упоминание армянского историка X в. Товмы Арцруни: «Варбак Мар (мидиец) разрушил царство Ассирии, освободил Паруйра Хайказида от уплаты налогов и удостоил царской властью, дал многочисленную помощь и вновь утвердил царство Армянское» (Товма Арцруни. IV).

⁵⁶ Цаканян Р. Версии Хоренаци и Себеоса о падении Ассирии // Пан-Армянский журнал. 2017. № 4. С. 230–239 (на арм. яз.).

Данные Мовсеса Хоренаци и Товмы Арцруни явно рознятся. Кроме того, интересно то обстоятельство, что по Хоренаци Паруйр становится первым армянским царем, тогда как по Товме Арцруни он не является таковым. Мы думаем, что под словами «вновь утвердил царство Армянское» Товма Арцруни имел ввиду, что перед воцарением Паруйра существовало Армянское царство, которое в какой-то момент по неизвестной причине прекратило свое существование.

Впрочем, армянские историки, следуя за Геродотом, предпочитали именно «мидийскую» версию. Здесь можно сожалеть, что древние авторы не совместили обе эти версии, в противном случае мы бы, наверное, сейчас имели под рукой совсем другой свод описываемых событий. Не исключено, что в «вавилонской» версии вместо мидийского царя следовало ожидать вавилонского царя Набопаласара, который в 608 г., после похода в Бит-Хануни, склонил «Дом Торгома» на свою сторону и заключил договор с Паруйром Хайказидом (у Хоренаци) или Парнавазом (у Себеоса), венчая его короной. Думается, что такая версия боле удачно укладывается в контекст исторических событий 612–605 гг.

Нельзя также исключать, что именно эта «вавилонская» версия легла в основу сказания Себеоса. Он отмечает, что «этот Парнаваз [потомок праотца Хайка. — Р. Ц.] покори́лся Навуходоносору, царю Вавилона. И с тех пор (Арменией) владели цари вавилонян и мидян до Александра Македонского» (Себеос. I). Как мы видим, у Себеоса в место Паруйра — Парнаваз, а вместо Варбака Мидийского — царь Вавилона Навуходоносор.

Себеос перечисляет также потомков Парнаваза и указывает границы их владений, которые совпадают юго-восточными регионами (Алдзник и Цопк) Армянского нагорья: «Этот (Парнаваз) родил Багама и Багарата, и Багарат родил Бюрата, и Бюрат родил Аспата. Сыновья Багарата унаследовали свои владения на западной стороне, т. е. дом Ангег', ибо Багарат назывался также Ангег'ом» (Себеос. I). Здесь интересен тот факт, что называемые Себеосом владения Парнаваза соответствуют району к северу от Иццалы и Бит-Ханунии. В этом случае клинописный источник не только соответствует данным Себеоса с точки зрения содержания, но согласуется с ними также и в хронологическом плане.

Сообщения Себеоса сходны и с «Вавилонскими хрониками». Из последних мы знаем, что во время ассиро-вавилонского конфликта 626–605 гг. вавилонское войско, во главе которого сначала стоял царь Набопаласар, а потом его сын Навуходоносор, по крайней мере, трижды появлялось на подступах к Армянскому нагорью: в 609 г. в районе Иццалы, в 608 г. — в Бит-Ханунии и в 607 г. — в «области города Урашту» или в «области моря». О Парнавазе же можно говорить как о царе Армении, правление которого началось до 609 и завершилось после 607 гг.

Литература

- Арутюнян Н. В.* Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван, 2001.
- Арутюнян С.* Основные черты древнеармянской мифологии // ИФЖ. 2006. № 3. С. 57–66.
- Дьяконов И. М.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.
- Дьяконов И. М.* Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей // ВДИ. 1981. № 2. С. 34–64.
- Дьяконов И. М.* Урарту, Фригия, Лидия // История древнего мира. Кн. 2. Изд. 3-е. М., 1989. С. 46–69.
- Иванчик А. И.* Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н. э. М., 1996.
- Косян А. В.* Лувийские царства Малой Азии и прилегающих областей в XII–VIII вв. до н. э. (по иероглифическим лувийским источникам). Ереван, 1994.
- Косян А. В.* Дом Торгома (миф и реальность). Ереван, 1998 (на арм. яз.).
- Косян А. В.* Нахапет Арам в Каппадокии (к одной гипотезе) // ИФЖ. 1999. № 1. С. 237–259 (на арм. яз.).
- Косян А. В.* Лувийцы, фригийцы и мушки (к этнополитической истории Малой Азии в VIII–VII вв. до н. э.) // История и языки Древнего Востока: Памяти И. М. Дьяконова. СПб., 2002. С. 187–196.
- Косян А.* Топонимы Армянского нагорья (Согласно хеттским клинообразным источникам). Ереван, 2004 (на арм. яз.).
- Медведская И. Н.* Взлет и падение Мидии // История и языки Древнего Востока: Памяти И. М. Дьяконова. СПб., 2002. С. 212–225.

- Патканов К. П. Армянская география VII века по Р. Х. (Приписывавшаяся Моисею Хоренскому). СПб., 1877.
- Цаканян Р. 18-й год правления Набопласара (625–605 гг. до Р. Х.) (В. М. 22047, 1-13) и проблема локализации «*Bit-mi-nu-ni-ia*» // Материалы научной конференции. Конференция посвящена 500-летию армянского книгопечатания. Ванадзор, 2012. С. 13–32 (на арм. яз.).
- Цаканян Р. Некоторые вопросы внешней политики Ассирии и Биайнили-Урарту (673–672 гг. до н. э.) // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. XXX. Ереван, 2016. С. 31–56 (на арм. яз.).
- Цаканян Р. «Дом Торгома» в источниках // Востокведение в Армении. Т. 3. Древняя и Средневековая Армения и ее соседи. Ереван, 2017. С. 161–180 (на арм. яз.).
- Цаканян Р. Версии Хоренации и Себеоса о падении Ассирии // Пан-Армянский журнал. 2017. № 4. С. 230–239 (на арм. яз.).
- Цаканян Р. А. Этнополитические сдвиги в Ближнем Востоке и в Армянском нагорье VII–VI вв. до н. э. Ереван, 2013 (на арм. яз.).
- Adontz N. *Historie d'Arménie. Les origins, du Xe siècle au VIe siècle av. J. C.* Paris, 1946.
- Baltzer D. Harran nach 610 medisch? Kritische Überprüfung einer Hypothese // *Die Welt des Orients*. 1973. № 7. S. 86–95.
- Glassner J.-J. *Mesopotamian Chronicles*. Atlanta, 2004.
- Grekyan Y. When the Arrows are Depleted (Towards the Fall of the Urartian Empire) // *AJNES*. 2009. Vol. IV/2. P. 98–126.
- Grayson A. K. *Assyrian and Babylonian Chronicles*. New York, 1975.
- Grayson A. K., Novotny J. The Royal Inscriptions of Sennacherib, King of Assyria (704–681 BC) // *The Royal Inscriptions of the Neo-Assyrian Period*. 3/1. Helsinki, 2012.
- Hawkins J. D. *Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions*. Vol. I. Inscriptions of the Iron Age. Pt. 1. Text. Berlin, 2000.
- James T. G. H. *Egypt: the Twenty-fifth and Twenty-sixth Dynasties* // *Cambridge Ancient History*. Vol. 3. Pt. 2. Oxford, 1991. P. 677–747.
- Kossian A. Sargon II and Kurtis of Atuna: An Interpretation // *Studia Linguarum*. Vol. 3. Fasc. 1 / Ed. by A. S. Kassian, A. V. Sidel'tsev. M., 2002. P. 191–203.

- Kosyan A.* Western Periphery of Urartu and Beyond // *AJNES*. 2010. Vol. V/1. P. 43–54.
- Kühne H.* Thoughts about Assyria after 612 B. C. // *Of Pots and Plans. Papers on the Archaeology and History of Mesopotamia and Syria, presented to David Oates in Honour of his 75th Birthday* / Ed. by L. al-Gailani Werr et. al. London, 2002. P. 171–175.
- Malamat A.* Josiah's Bid for Armageddon. The Background of the Judean-Egyptian Encounter in 609 B. C. // *JANES*. 1973. Vol. 5. P. 267–279.
- Millard A.* The Eponyms of the Assyrian Empire 910–612 B.C. // *States Archives of Assyria Studies*. Vol. II. Helsinki, 1994.
- Mitchell T. C.* Judah until the Fall of Jerusalem (c. 700–586 B. C.) // *Cambridge Ancient History*. Vol. 3. Pt. 2. Oxford, 1991. P. 371–409.
- Monte G. F., del, Tischler J.* Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte. Wiesbaden, 1978.
- Monte G. F., del.* Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte. Wiesbaden, 1992.
- Na'aman N.* The Kingdom of Judah under Josiah // *Tel Aviv*. 1991. Vol. 18. P. 3–71.
- Nashef K.* Die Orts- und Gewässernamen der altassyrischen Zeit. Wiesbaden, 1991.
- Reade J.* Why did the Medes Invade Assyria? // *History of the Ancient Near East. V. Continuity of Empire: Assyria, Media, Persia* / Ed. by G. B. Lanfranchi et al. Padova, 2003. P. 149–156.
- Rollinger R.* The Western Expansion of the Median "Empire": A Re-Examination // *History of the Ancient Near East. V. Continuity of Empire: Assyria, Media, Persia* / Ed. by G. B. Lanfranchi et al. Padova, 2003. P. 289–319.
- Salvini M.* *Corpus dei Testi Urartei*. I. Roma, 2008.
- Simon Z.* Wer war Großkönig I(a)+ra/i-*TONITRUS* der *KARAHÖYÜK* // *Time and History in the Ancient Near East: Proceedings of the 56th Rencontre Assyriologique Internationale of Barcelona 26–30 July 2010* / Ed. by L. Feliu et al. Winona Lake, 2013. P. 823–832.
- Spalinger A.* Esarhaddon and Egypt: An Analysis of the First Invasion of Egypt // *Orientalia. Nova Series*. 1974. Vol. XLIII. № 3/4. P. 295–323.

Wiseman D. J. *Chronicles of Chaldaean Kings (626–556 B.C.) in the British Museum*. London, 1956.

Yamada Sh. *The City of Togarma in Neo-Assyrian Sources* // *Archiv für Orientforschung*. 2006. Bd. 33/2. S. 223–236.

Zawadzki S. *The Fall of Assyria and the Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopolassar Chronicle*. Poznan-Delft, 1988.

Цаканян Руслан Аршакович, кандидат исторических наук, научный сотрудник (Институт востоковедения Национальной Академии наук Республики Армения, Ереван, Армения); эл. почта: rooslantsakanyan@yahoo.com.

Armenia from Hayk to Pharnawaz: Myth and Reality

In the paper an attempt is made (on the basis of the “Babylonian Chronicles” as well as Armenian early medieval historians Movses Khorenatsi and Sebeos) to restore political situation in the Armenian Highland at the end of VII century B. C. M. Khorenatsi mainly preferred Greek sources in his monumental work. Hence originates the “Median” version of the fall of the Assyrian state. But M. Khorenatsi obviously also possesses other sources, according to which the fall of Assyria was considered from the point of view of Babylon. Moreover, M. Khorenatsi himself does not deny the existence of this fact. Here the conclusions are more than clear: under the hand of M. Khorenatsi there were two versions according to which the first Armenian king was crowned not by Nabopalassar or Nebuchadnezzar, but by the Midian king “Varbakes”, i. e. Сухаарес. And in the study of Sebeos we meet only the “Babylonian” version, where the above mentioned events are bound to Babylonia. Sebeos reports that the possessions of P’arnawaz were located in the southwestern regions of the Armenian Highland. The name of Pharnawaz occurs in the list of Armenian kings-patriarchs in M. Khorenatsi’s work. The records of Sebeos are similar to the “Babylonian Chronicles”. Of the latter, we know that during the Assyrian-Babylonian conflict (626–605 B. C.), the Babylonian army, led by Kings Nabopalassar and Nebuchadnezzar, appeared at least three times on the borders of the Armenian Highland. Perhaps they moved further into the highlands – in 609 B. C. in the Izalla area, in 608 B.C. in Bet-Hanuniya and in 607 B. C. “to the district of Uraš/rtu” or “to the district of Sea”. So, we can assert that Pharnawaz, the king of Armenia, began to reign before 609 B. C. and finished after 607 B. C.

Key words: Assyria, Babylon, Urartu, Armenia, Movses Khorenatsi, Sebeos, Hayk, Pharnawaz.

Ruslan Tsakanyan, Candidate of Historical Sciences, Resarcher (Institute for Oriental Studies of National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia); e-mail: rooslantsakanyan@yahoo.com.

References

- Arutjunjan N. V. Korpus urartskih klinoobraznyh nadpisej. Erevan, 2001.
- Arutjunjan S. Osnovnye cherty drevnearmjanskoj mifologii // IFZh. 2006. № 3. S. 57–66.
- D'jakonov I. M. Predistorija armjanskogo naroda. Erevan, 1968.
- D'jakonov I. M. Malaja Azija i Armenija okolo 600 g. do n. je. i severnye pohody vavilonskih carej // VDI. 1981. № 2. S. 34–64.
- D'jakonov I. M. Urartu, Frigija, Lidija // Istorija drevnego mira. Kn. 2. Izd. 3-e. M., 1989. S. 46–69.
- Ivanchik A. I. Kimmerijcy. Drevnevostochnye civilizacii i stepnye kochevniki v VIII–VII vv. do n. je. M., 1996.
- Kosjan A. V. Luvijске carstva Maloj Azii i privilegijushhijh oblastej v XII–VIII vv. do n. je. (po ieroglificheskim luvijским istochnikam). Erevan, 1994.
- Kosjan A. V. Dom Torgoma (mif i real'nost'). Erevan, 1998 (na arm. jaz.).
- Kosjan A. V. Nahapet Aram v Kappadokii (k odnoj gipoteze) // IFZh. 1999. № 1. S. 237–259 (na arm. jaz.).
- Kosjan A. V. Luvijcy, frigijcy i mushki (k jetnopoliticheskoj istorii Maloj Azii v VIII–VII vv. do n. je.) // Istorija i jazyki Drevnego Vostoka: Pamjati I. M. D'jakonova. SPb., 2002. S. 187–196.
- Kosjan A. Toponimy Armjanskogo nagor'ja (Soglasno hettskim klinoobraznym istochnikam). Erevan, 2004 (na arm. jaz.).
- Medvedskaja I. N. Vzlet i padenie Midii // Istorija i jazyki Drevnego Vostoka: Pamjati I. M. D'jakonova. SPb., 2002. S. 212–225.
- Patkanov K. P. Armjanskaja geografija VII veka po R. H. (Pripisyvavshasja Moiseju Horenskomu). SPb., 1877.
- Cakanjan R. 18-j god pravlenii Naboplasara (625–605 gg. do R.H.) (B. M. 22047, 1–13) i problema lokalizacii «Bit-mĤa-nu-ni-ia» // Materialy nauchnoj konferencii. Konferencija posvjashhena 500-letiju armjanskogo knigopechatanija. Vanadzor, 2012. S. 13–32 (na arm. jaz.).
- Cakanjan R. Nekotorye voprosy vneshnej politiki Assirii i Biajnili-Urartu (673–672 gg. do n. je.) // Strany i narody Blizhnego i Srednego Vostoka. XXX. Erevan, 2016. S. 31–56 (na arm. jaz.).
- Cakanjan R. «Dom Torgoma» v istochnikah // Vostokovedenie v Armenii. T. 3. Drevnjaja i Srednevekovaja Armenija i ee sosedi. Erevan, 2017. S. 161–180 (na arm. jaz.).
- Cakanjan R. Versii Horenacii i Sebeosa o padenii Assirii // Pan-Armjanskij zhurnal. 2017. № 4. S. 230–239 (na arm. jaz.).
- Cakanjan R. A. Jetnopoliticheskie sdvigi v Blizhnom Vostoke i v Armjanskom nagor'e VII–VI vv. do n. je. Erevan, 2013 (na arm. jaz.). James T. G. H. Egypt: the Twenty-fifth and Twenty-sixth Dynasties // Cambridge Ancient History. III/2. 1991. P. 677–747.
- Adontz N. Historie d'Arménie. Les origins, du Xe siècle au VIe siècle av. J. C. Paris, 1946.
- Baltzer D. Harran nach 610 medisch? Kritische Überprüfung einer Hypothese // Die Welt des Orients. 1973. № 7. S. 86–95.

- Glassner J.-J.* Mesopotamian Chronicles. Atlanta, 2004.
- Grekyan Y.* When the Arrows are Depleted (Towards the Fall of the Urartian Empire) // AJNES. 2009. Vol. IV/2. P. 98–126.
- Grayson A. K.* Assyrian and Babylonian Chronicles. New York, 1975.
- Grayson A. K., Novotny J.* The Royal Inscriptions of Sennacherib, King of Assyria (704–681 BC) // The Royal Inscriptions of the Neo-Assyrian Period. 3/1. Helsinki, 2012.
- Hawkins J. D.* Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions. Vol. I. Inscriptions of the Iron Age. Pt. 1. Text. Berlin, 2000.
- James T. G. H.* Egypt: the Twenty-fifth and Twenty-sixth Dynasties // Cambridge Ancient History. Vol. 3. Pt. 2. Oxford, 1991. P. 677–747.
- Kossian A.* Sargon II and Kurtis of Atuna: An Interpretation // Studia Linguarum. Vol. 3. Fasc. 1 / Ed. by A. S. Kassian, A. V. Sidel'tsev. M., 2002. P. 191–203.
- Kosyan A.* Western Periphery of Urartu and Beyond // AJNES. 2010. Vol. V/1. P. 43–54.
- Kühne H.* Thoughts about Assyria after 612 B. C. // Of Pots and Plans. Papers on the Archaeology and History of Mesopotamia and Syria, presented to David Oates in Honour of his 75th Birthday / Ed. by L. al-Gailani Werr et al. London, 2002. P. 171–175.
- Malamat A.* Josiah's Bid for Armageddon. The Background of the Judean-Egyptian Encounter in 609 B. C. // JANES. 1973. Vol. 5. P. 267–279.
- Millard A.* The Eponyms of the Assyrian Empire 910–612 B. C. // States Archives of Assyria Studies. Vol. II. Helsinki, 1994.
- Mitchell T. C.* Judah until the Fall of Jerusalem (c. 700–586 B. C.) // Cambridge Ancient History. Vol. 3. Pt. 2. Oxford, 1991. P. 371–409.
- Monte G. F., del, Tischler J.* Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte. Wiesbaden, 1978.
- Monte G. F., del.* Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte. Wiesbaden, 1992.
- Na'aman N.* The Kingdom of Judah under Josiah // Tel Aviv. 1991. Vol. 18. P. 3–71.
- Nashef K.* Die Orts- und Gewässernamen der altassyrischen Zeit. Wiesbaden, 1991.
- Reade J.* Why did the Medes Invade Assyria? // History of the Ancient Near East. V. Continuity of Empire: Assyria, Media, Persia / Ed. by G. B. Lanfranchi et al. Padova, 2003. P. 149–156.
- Rollinger R.* The Western Expansion of the Median "Empire": A Re-Examination // History of the Ancient Near East. V. Continuity of Empire: Assyria, Media, Persia / Ed. by G. B. Lanfranchi et al. Padova, 2003. P. 289–319.
- Salvini M.* Corpus dei Testi Urartei. I. Roma, 2008.
- Simon Z.* Wer war Großkönig I(a)+ra/i-*TONITRUS* der KARAHÖYÜK // Time and History in the Ancient Near East: Proceedings of the 56th Rencontre Assyriologique Internationale de Barcelona 26–30 July 2010 / Ed. by L. Feliu et al. Winona Lake, 2013. P. 823–832.

- Spalinger A.* Esarhaddon and Egypt: An Analysis of the First Invasion of Egypt // *Orientalia. Nova Series.* 1974. Vol. XLIII. № 3/4. P. 295–323.
- Wiseman D. J.* Chronicles of Chaldaean Kings (626–556 B. C.) in the British Museum. London, 1956.
- Yamada Sh.* The City of Togarma in Neo-Assyrian Sources // *Archiv für Orientforschung.* 2006. Bd. 33/2. S. 223–236.
- Zawadzki S.* The Fall of Assyria and the Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopolassar Chronicle. Poznan-Delft, 1988.

Александрова О. И.

АФИНЫ И ЭРЕТРИЯ НА РУБЕЖЕ VI-V ВВ. ДО Н.Э.: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОМ СОЮЗЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с отношениями Афин и Эретрии на рубеже эпох архаики и классики, и высказываются предположение о существовании в этот период афино-эретрийского союза. Рассматривая вопрос о соотношении сил в предполагаемом союзе, автор приходит к выводу, что в рассматриваемый период города были примерно равны по военной силе, и нельзя ни говорить о неоспоримом афинском первенстве, как это часто утверждается, ни согласиться с оригинальным предположением о гегемонии Эретрии. Особое внимание уделяется сообщению Геродота (Hdt. V.99) об отправке Афинами и Эретрией кораблей на помощь ионийскому восстанию, в частности — терминологии, употребляемой по отношению к афинским и эретрийским судам в этом фрагменте.

Ключевые слова: Афины, Эретрия, Греко-персидские войны, Ионийское восстание.

В 500 г.¹ с восстания в Милете начались Греко-персидские войны — один из самых значительных военных конфликтов древности. Как известно, греческие полисы в большинстве своем не поддержали восстание, лишь Афины и эвбейская Эретрия откликнулись на призыв милетян о помощи: «Аристагор же после прибытия афинян с двадцатью кораблями и в сопровождении пяти триер с Эретрии предпринял поход на Сарды. А эретрийцы примкнули к походу не в угоду афинянам, а ради самих милетян, которым они хотели отплатить за [старую] услугу»² (Hdt. V.99). В связи с этим сообщением Геродота возникает следующий вопрос: была ли отправка этих кораблей совместной акцией двух полисов или же они независимо друг от друга решили помочь милетянам? А если это была совместная акция, то какие отношения связывали Афины и соседнюю Эретрию в указанный период? В различных иссле-

¹ Здесь и далее все даты в данной статье — до н. э. (прим. ред.).

² Здесь и далее цитаты из «Истории» Геродота даны в переводе Г. А. Стратановского.

дованиях, тем или иным образом затрагивающих эту тему, можно встретить диаметрально противоположные точки зрения: от предположения, что Эретрия на рубеже архаической и классической эпох стала фактически вассалом афинского государства³, до оригинальной теории о том, что это на самом деле Афины занимали в это время подчиненное положение по отношению к эвбейскому полису⁴.

В любом случае, рассмотрение вопросов, связанных с отношениями между Афинами и Эретрией в начале Греко-персидских войн целесообразно начать с событий, происшедших в последнее десятилетие VI в. Как известно, в 510 г. тиран Гишпий, старший сын Писистрата, был изгнан из Афин с помощью спартанского войска под предводительством царя Клеомена (Hdt. V.65). Примерно в это же время умирает и тиран Эретрии Диагор, находившийся у власти с середины века и проводивший, по всей видимости, не самую дружественную по отношению к Афинам политику⁵.

Естественно, что два полиса, находящиеся в непосредственной географической близости друг от друга, освободившись от тирании, двигаются в сторону сближения. Во всяком случае, на это указывает все дальнейшее развитие событий. Здесь стоит отметить, что до второй половины VI в. между городами существовали вполне дружеские отношения, в первую очередь, благодаря тесным связям с Эретрией знатнейшего афинского рода Алкмеонидов⁶, и значение этих связей

³ Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. С. 64; *он же*. Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии) // ВДИ. 2003. № 2. С. 24.

⁴ Walker K. G. Archaic Eretria. A Political and Social History from the Earliest Times to 490 B. C. London; New York, 2004. P. 266–267.

⁵ Точная датировка этого события неизвестна, однако имеется свидетельство о том, что Диагор умер в Коринфе на пути к Спарте (Heraclid. Lemb. Exc. Polit. 40). Вероятно, это было связано с формированием вскоре после изгнания Гишпия антиафинской коалиции, куда вошли Спарта, Коринф, а также некоторые города Беотии и Эвбеи (Hdt. V.74). Более подробно этот сюжет, а также вопросы, связанные с отношениями Афин и Эретрии во время тирании Диагора, разбираются в труде: Walker K. G. Op. cit. P. 201–227.

⁶ Суриков И. Е. Остракон Мегакла... С. 16–25; *он же*. Из истории греческой аристократии... С. 63. См. также: Карпюк С. Г. Клисфеновские

наверняка возросло после того, как во главе Афин стал Клисфен, представитель этого рода. Также в связи с этим примечательно, что в последнем десятилетии VI в. в Эретрии происходят государственные преобразования, очень похожие на клисфеновские реформы в Афинах, что может указывать на политическое сближение полисов и даже некоторый «обмен опытом» между ними⁷.

В 506 г. спартанское войско в союзе с коринфянами, беотийцами и халкидянами вторгается на территорию Аттики, однако это вторжение заканчивается бесславно: «...Коринфяне сообразили, что поступают несправедливо, одумались и возвратились домой. За ними последовал Демарат, второй спартанский царь... И вот когда остальные союзники увидели, что лакедемонские цари в распре, а коринфяне покинули боевые ряды, то и сами также возвратились домой» (Hdt. V.75–76).

Вскоре после этого уже сами афиняне организуют поход против халкидян. Достойного сопротивления жители Халкиды, даже с помощью беотийских союзников, оказать не смогли. Афиняне сначала разбили фиванцев, а затем, в тот же день переправившись на Эвбею, одержали победу над халкидянами (Hdt. V.77; Diod. X.24.3). Победители изгнали из Халкиды часть местных крупных землевладельцев — гипсоботов, а землю их разделили между собой, поселив на ней четыре тысячи колонистов (Hdt. V.77; VI.100).

Вполне вероятно, что именно в это время образуется союз Афин и Эретрии, и уже в этом конфликте полисы вели совместные действия. Плодородная и богатая Лелантская равнина, где располагались владения гипсоботов, изгнанных афинянами (Ael. *Var. hist.* 6.1; Plut. *Per.* 23), всегда была одним из камней преткновения между эретрийцами и халкидянами, и для Эретрии было бы вполне логично поддержать войну против своего давнего соперника⁸. Можно предполагать, что эретрийцы как раз отвлекали на себя внимание халкидян, что реформы и их роль в социально–политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 30.

⁷ В историографии существует предположение, согласно которому Клисфен заимствовал свои преобразования именно у эретрийцев (Walker K.G. *Op. cit.* P. 231, 241–243).

⁸ Самый известный конфликт между Халкидой и Эретрией — Лелантская война, о которой сообщает Фукидид (Thuc. I.15).

позволило афинянам сначала избавиться от фиванской угрозы, и уже потом переправиться через пролив Эврип непосредственно в Халкиду⁹.

Интересным свидетельством в пользу участия эретрийцев в этом конфликте может быть надгробная эпитафия, авторство которой принадлежит поэту Симониду (*Anth. Gr.* 16.26; пер. Л. Блуменау):

Пали в ущелье Дирфисской горы мы. Вблизи же Эврипа
Граждане нам возвели этот могильный курган.
Да и недаром! Ведь мы дорогую утратили юность,
Храбро приняв на себя грозную тучу войны¹⁰.

Традиционно эту эпитафию относят к афинским воинам, павшим во время боев с беотийцами и халкидянами. Существует, однако, вполне правдоподобное предположение, что на самом деле здесь подразумеваются не только афиняне, но и эретрийцы¹¹, и именно поэтому в тексте эпитафии прямо не обозначена принадлежность погибших к тому или иному городу.

Итак, конфликт завершился победой Афин и, возможно, Эретрии. Очевидную выгоду из этого извлекли оба полиса: Афины вывели крупную колонию-клерухию на территорию Халкиды и получили контроль над этой территорией, а Эретрия с помощью афинян обеспечила себе преимущество над своим извечным врагом. Возможно, именно вследствие того, что афинские клерухи заняли Лелантскую равнину и служили своего рода барьером между эвбейскими полисами, между ними и жителями Эретрии на протяжении следующего десятилетия сохранялись дружественные отношения.

Следующий этап развития афинско-эретрийских отношений на рубеже веков связан уже непосредственно с началом Греко-персидских войн и событиями Ионийского восстания. Афины после обращения мятежников за помощью, отправили в Милет двадцать кораблей, к которым присоединились пять триер из Эретрии (*Hdt.* V.99: ἐπειδὴ οἱ τε Ἀθηναῖοι ἀπῆκοντο εἰκοσὶ νηυσὶ, ἅμα ἄγομενοι Ἐρετριέων πέντε τριήρας). Обращает

⁹ Walker K. G. Op. cit. P. 248. К. Уокер полагает, что Афины действовали на суше, а Эретрия — на море. Нам, однако, ничего не известно о морских столкновениях в ходе этого конфликта.

¹⁰ The Greek Anthology. Vol. 5. London, 1927.

¹¹ Walker K. G. Op. cit. P. 248.

на себя внимание тот факт, что Геродот, рассказывая об этих событиях, подчеркивает, что эретрийцы не в угоду афинянам (οὐ τῆν Ἀθηναίων χάριν) примкнули к восстанию, но чтобы отплатить милетянам за давнюю помощь в войне против халкидян. Возможно, это уточнение было связано, в том числе, и с желанием показать, что Эретрия помогала восставшим добровольно, а не была вынуждена это сделать под давлением соседа, ведь труд Геродота создавался уже несколько позже описываемых событий, в тот момент, когда Афины были на вершине своего могущества и уже вели достаточно жесткую политику по отношению к своим союзникам, в том числе и к городам Эвбеи¹². Таким образом, сообщение Геродота вполне дает понять, что полисы действовали в данном случае совместно, что согласуется с предположением об оформившемся несколькими годами ранее союзом Афин и Эретрии.

Рассказ Геродота об отправке помощи восставшим интересен и с точки зрения употребляемой автором терминологии, относящейся к афинским и эретрийским кораблям. Нетрудно заметить, что афинские корабли историк обозначает термином «ναῦς», т. е. «корабли», «суда» в широком смысле, эретрийские же названы «τριῆρες», т. е. именно военными кораблями¹³. Это наблюдение позволило австралийской исследовательнице К. Уокер сделать оригинальное предположение о том, что Эретрия в рассматриваемый период была на самом деле гораздо более сильным городом, чем Афины (во всяком случае, с точки зрения морского могущества), и ее роль в событиях начала Греко-персидской войны намного более значительна, чем принято считать.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и отметить, что в целом, период с 506 по 490 гг. был, судя по всему, временем процветания Эретрии, а эретрийский флот был

¹² Так, например, источники сообщают о крупном восстании Эвбейских городов против Афин в 446 г. и последующим его довольно жестоко подавлением (Thuc. I.113-114; Diod. XII.6-7; 22; Plut. *Per.* 22-23; Ael. *Var. hist.* VI.1).

¹³ В связи с этим показателен фрагмент из третьей книги Геродота (III.44) в котором речь идет о просьбе персидского царя Камбиса к Поликрату прислать царю в Египет военные корабли (στράτων ναυτικόν). Самосский тиран в ответ на этот запрос посылает сорок триер (τεσσαράκοντα τριῆρες). Т. е. в данном случае очевидно равенство понятий «триера» и «военный корабль».

действительно одним из самых сильных в Греции. Об этом может свидетельствовать список государств-талассократов до похода Ксеркса, т. е. до 480 г., который приводится у Евсевия Кесарийского (Eus. Chr. 1.225) со ссылкой на Диодора¹⁴. В этом списке двумя последними указаны талассократия эретрийцев, длившаяся пятнадцать лет, и десятилетнее господство на море эгинетов. Таким образом, Диодор (и Евсевий вслед за ним) помещает период эретрийского могущества как раз в промежуток между 505 и 490 гг.

Более того, К. Уокер, развивая свою теорию о преимуществе Эретрии над Афинами в данный период, полагает, что в эти полтора десятилетия эвбейский полис являлся в принципе сильнейшим полисом Эллады. Эретрия, якобы, процветала настолько, что создала своеобразную морскую империю, поставив под свой контроль остров Наксос и зависящие от него Парос, Адрос и Киклады, а упоминающиеся в рассказе Геродота об истоках Ионийского восстания (Hdt. V.30–35) наксосские военные корабли на самом деле принадлежали Эретрии, и именно благодаря эретрийской помощи, а не заблаговременно полученной информации о приближении персов, Наксос выдерживал осаду в течение четырех месяцев¹⁵.

Неудивительно, что, согласно этой концепции, именно Эретрия, а не Афины, была инициатором отправки помощи восставшим, и именно пять эретрийских кораблей представляли собой реальную боевую силу, а афинские корабли были всего лишь грузовыми судами. К тому же, как известно, расцвет афинского морского могущества был связан с претворением в жизнь морской программы Фемистокла, а в самом начале V в. Афины еще не входили в число главных морских полисов.

При ближайшем рассмотрении, однако, эти аргументы оказываются крайне спорными, и в первую очередь это касается терминологии Геродота. В тексте «Истории» используется несколько терминов для обозначения плавательных средств: чаще всего (более 200 раз) корабли называются общим словом «ναῦς», 66 раз встречается в тексте нейтральный термин «πλοῖον». Если говорить о конкретных типах кора-

¹⁴ Подробный разбор списка талассократов: Myres J. L. On the "List of Thalassocracies" in Eusebius // JHS. Vol. 26. 1906. P. 84–130.

¹⁵ Walker K. G. Op. cit. P. 261.

блей, то 28 раз Геродот употребляет термин «τριήρης», 18 раз — «πεντηκόντορος», и трижды — «τριακόντορος». Все эти понятия никогда не применяются у Геродота к одним и тем же судам, что указывает на понимание историком разницы между этими типами кораблей. Так, например, в седьмой книге, рассказывая о переправе войска Ксеркса через Геллеспонт, «отец истории» сообщает, что персы «поставили рядом пентеконтеры и триеры (πεντηκοντέρους καὶ τριήρεας συνθέντες)» (Hdt. VII.36). Далее, при описании флота Ксеркса (Hdt. VII.89–95) Геродот приводит следующие сведения: «Число триер (τῶν δὲ τριήρων ἀριθμὸς) было тысяча двести семь». Из числа этих триер «жители острова Кипр доставили сто пятьдесят кораблей (νῆας πενήκοντα καὶ ἑκατὸν)... Киликийцы снарядили сотню кораблей (ἑκατὸν νῆας)... Памфилы доставили тридцать кораблей (τριήκοντα νῆας)» и т. д. Подводя итог перечислению сил персов, историк отмечает, что число же триаконтер, пентеконтер, легких судов и длинных грузовых судов (τριήκοντεροι δὲ καὶ πενήκοντεροι καὶ κέρκουροι καὶ ἰσπαῶνὰ πλοῖα μακρὰ) доходило до трех тысяч (Hdt. VII.97).

Затем, при описании уже общегреческого флота перед битвой при Артемисии, Геродот (Hdt. VIII.1–2) перечисляет: «Афиняне выставили сто двадцать семь кораблей (νῆας παρεχόμενοι ἑκατὸν καὶ εἴκοσι καὶ ἑπτὰ)... Коринфяне доставили сорок кораблей (τεσσαράκοντα νῆας), а мегарцы — двадцать (Μεγαρέες δὲ εἴκοσι). Халкидяне снарядили экипаж для двадцати кораблей (τὰς νῆας), предоставленных афинянами. Эгина выставила восемнадцать кораблей, Сикион — двенадцать, лакедемоняне — десять, Эпидавр — восемь, эретрийцы — семь, Трезен — пять, стирейцы — два, кеосцы — два боевых корабля и две пентеконтеры (δύο τε νῆας καὶ πενήκοντέρους δύο) и, наконец, опунтские локры прислали на помощь семь пентеконтер (Λοκροὶ δὲ οἱ οἱ Ὀποῦντιοὶ ἐπεβοήθειον πενήκοντέρους ἔχοντες ἑπτὰ). Общее же число кораблей (τῶν νηῶν), собранных у Артемисия, кроме пентеконтер (πᾶρες τῶν πενήκοντέρων), было двести семьдесят один».

Также подробно описывает историк и контингенты, участвовавшие в Саламинском сражении (Hdt. VIII.43–46), и упоминает, в числе прочего, что лакедемоняне выставили 16 кораблей (ἑκκαίδεκα νῆας παρεχόμενοι, сикионцы — 15 (πεντεκαίδεκα παρεῖχοντο νῆας), афиняне выставили 180 ко-

раблей (νέας ὀγδόκοντα καὶ ἑκατὸν), ампракиоты — семь (ἑπτὰ νέας). Стирейцы снарядили столько же кораблей (νέας), как и при Артемисии, а кифнии предоставили один корабль (κῶθνιοι δὲ μίαν) и одну пентеконтеру (πεντηκόντερον). Также участвовали в битве серифии и мелосцы. Геродот особенно подчеркивает, что почти все города выступили в поход с триерами, а мелосцы, сифнийцы и серифии снарядили пентеконтеры (οἱ μὲν νῦν ἄλλοι τριήρας παρεχόμενοι ἐστρατεύοντο, Μήλιοι δὲ καὶ Σίφνιοι καὶ Σερίφιοι πεντηκόντερουσ): мелосцы предоставили две, сифнии же и серифяне — по одной. Общее же число кораблей (ὁ πᾶς τῶν νεῶν), кроме пентеконтер (πάρεξ τῶν πεντηκόντερων), составляло 378 (Hdt. VIII.48).

Как представляется, в данных примерах, во-первых, явно прослеживается противопоставление таких понятий, как «корабли» с одной стороны и «пентеконтеры» и «триаконтеры» — с другой. Во-вторых, как следует из последнего примера, Геродот употребляет как синонимы понятия «корабли» и «триеры»¹⁶.

Еще один яркий пример, подтверждающий это смешение, — это описание общего флота восставших против персидского владычества ионийцев. Историк, перечисляя контингенты полисов, (Hdt. VI.8), обозначает их корабли общим понятием «ναῦς»: «εἶχοντο δὲ τούτων Πριηνέες δωδέκα νηοὶ καὶ Μυήσιοι τρεῖς νηοὶ, Μυησίων δὲ Τήιοι εἶχοντο ἑπτακαίδεκα νηοὶ, Τηίων δὲ εἶχοντο Χίοι ἑκατὸν νηοὶ. πρὸς δὲ τούτοισι Ἐρυθραῖοι τε ἐτάσσοντο καὶ Φωκαεῖς, Ἐρυθραῖοι μὲν ὀκτὼ νέας παρεχόμενοι, Φωκαεῖς δὲ τρεῖς», а потом, подводя итог, употребляет термин «τριήρης»: «ὁ σύμπας ἀριθμὸς ἐγένετο τρεῖς καὶ πεντήκοντα καὶ τριῆκοντα τριήρες». То же самое можно видеть и в рассказе о бегстве херсонесского тирана Мильтиада, сына Кимона, в Афины при возникшей серьезной персидской угрозе (Hdt. VI.41): Мильтиад, как сообщает Геродот, загрузил пять триер своими богатствами (πληρώσας τριήρας πέντε χρημάτων) и направился в Афины. Однако в пути на него напали финикийцы. Мильтиад вместе с четырьмя кораблями (αὐτὸς μὲν δὴ Μιλτιάδης σὺν τῆσι τέσσερισι τῶν νεῶν) благополучно достиг Имброса и уже оттуда вернулся на родину, пятый же был захвачен финикийцами (οἱ πέμπτην τῶν νεῶν κατεῖλον διώκοντες οἱ Φοίνικες).

¹⁶ О терминологии Геродота см. также: Morrison J. S., Williams R. T. *Greek Oared Ships 900–322 B. C.* Cambridge, 1968. P. 165–169.

Аналогичное смешение понятий «ναῦς» и «τριήρης» можно отметить и в приведенном выше фрагменте, характеризующем флот персидского царя (Hdt. VII.89), в рассказе о попытке жителей Керкиры оправдаться перед прочими эллинами за неучастие в военных действиях, а также в некоторых других случаях (Hdt. V.31–32, 85–86; VI.5; VII.168).

Наконец, в том единственном случае, когда Геродот употребляет какой-либо синоним к понятию «πεντηκόντορος», он использует не термин «ναῦς», а еще более нейтральное «πλοῖον». Это можно видеть, например, в сообщении о составе персидского флота накануне Фермопильского сражения, в котором историк подсчитывает общую численность царского войска (Hdt. VII.184). Среди прочего, Геродот сообщает, что на азиатских кораблях «ἐκ τῶν νεῶν τῶν ἐκ τῆς Ἀσίας» было около трехсот тысяч человек. Помимо этого, присутствовали еще команды пентеконтер (ἐκ τῶν πεντηκοντέρων) по восемьдесят человек, и всего на этих судах (συνελέχθη δὲ ταῦτα τὰ πλοῖα) было 240 тыс. чел.

Как представляется, из всех этих примеров можно сделать следующий достаточно прозрачный вывод. Геродот использовал понятия «ναῦς» и «τριήρης» как взаимозаменяемые синонимы, при этом четко отделяя их от пентеконтер, триаконтер и иных типов кораблей, не применяя к последним термина «ναῦς» в принципе. Вероятно, это можно объяснить не в последнюю очередь тем, что ко времени написания «Истории» триера стала в Греции преобладающим типом судна.

Таким образом, возвращаясь к вопросу об отправке Афинами и Эретрией кораблей в помощь восставшим, сообщение Геродота об этом эпизоде и то, что именно эретрийские корабли в нем названы триерами, не может служить веским доказательством в пользу технического преимущества Эретрии над Афинами и ее главенствующей роли в предполагаемом союзе. К тому же, в более позднем источнике, сочинении Плутарха «О злокозненности Геродота», можно прочесть, что Харон из Лампсака говорит о том, что на помощь ионийцам афиняне выплыли на двадцати триерах (Ἀθηναῖοι δ' εἰκοσι τριήρεσιν ἔπλευσαν) (Plut. *De Herod.* XXIV).

Что же касается слабой активности Афин на море до начала реализации морской программы Фемистокла, то этот момент тоже не столь однозначен. Действительно, Фукидид

сообщает, что такой тип кораблей, как триеры, стал преобладать в афинском флоте только во время Греко-персидских войн, а до этого большую его часть составляли пентеконтеры (Thuc. I.14). Это, однако, не значит, что у Афин вовсе не было триер и, тем более, что афиняне были новичками в морских делах. Действительно, на протяжении эпохи Архаики Афины находились в тени более успешных в мореплавании городов, что, тем не менее, вовсе не означает, что афиняне в этот период были совершенно далеки от этой сферы деятельности. Так, на аттических вазах VIII–VII вв. часто можно встретить изображения кораблей и морских сражений, причем это были не только какие-либо мифологические сюжеты, но и сцены из современной художникам действительности¹⁷. Доказательством сохранения интереса к морю может служить и существование института навкрарий, о котором сообщает ряд античных авторов (Hdt. V.71; Arist. *Ath. pol.* I.8.3; Pollux. VIII.108). Навкрарии, являвшиеся, судя по всему, одним из важнейших институтов Афин в эпоху архаики, были напрямую связаны с морскими делами: в их обязанности входила подготовка двух всадников и одного корабля (Pollux. VIII.108)¹⁸.

Наконец, на исходе VII в. Афины включаются в колони-зационные процессы. В это время активно развиваются торговые связи Афин с другими полисами, начинается производство масла и вина на экспорт, при этом начинает ощущаться

¹⁷ Morrison J. S., Williams R. T. *Greek Oared Ships...* P. 12 ff.; Jordan B. *The Athenian Navy in Classical Period*. Berkeley; Los Angeles; London, 1975. P. 5; Haas Ch. J. *Athenian Naval Power before Themistokles* // *Historia*. Bd. 34. 1985. S. 32; Шувалов В. В. *Морская политика Афин: архаический и раннеклассический период*. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 104.

¹⁸ О сущности института навкрарий, времени его возникновения и полномочиях навкраров см. например: Шувалов В. В. Указ. соч. С. 105–121; Строецкий В. М. *Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии* // *Античный мир. Проблемы истории и культуры*. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова / Под ред. И. Я. Фроянова. СПб., 1998. С. 77–78; Суриков И. Е. *Из истории греческой аристократии поздnearхаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э.* М., 2000. С. 108–109; French A. *Solon and the Megarian Question* // *JHS*. Vol. 77. 1957. P. 238–241; Haas Ch. J. *Op. cit.* 1985. P. 40; Jordan B. *The Athenian Navy...* P. 12; *idem*. *Herodotus 5, 71, 2 and the Naukraroi of Athens* // *CSCA*. 1970. Vol. 3. P. 153–175 и др.

нехватка зерна¹⁹, для афинян становится проще и выгоднее покупать хлеб, чем выращивать его на неплодородной аттической земле. Именно в этот период завершается объединение Аттики вокруг Афин, и молодое государство спешит заявить о себе, в том числе, с помощью вывода колоний. Все это подталкивало афинян к освоению морских путей и новых территорий, налаживанию торговых связей и, как следствие – активному развитию морского дела. В результате к началу классического периода Афины во многом уже заложили основу своего будущего морского господства. Под афинский контроль, помимо уже упомянутого поселения в Халкиде, попали в течение VI в. такие территории, как Саламин, Сигей, Лемнос, Имброс и Херсонес Фракийский²⁰. Исходя из вышеизложенного, сложно согласиться с утверждением о том, что Афины не имели сколько-нибудь значительного флота в первом десятилетии V в. Скорее следует говорить о том, что Эретрия на тот момент теоретически могла обладать сопоставимыми или даже более значительными силами на море, о чем и свидетельствует упомянутый выше «Список талассократов».

Могущество и значение государства, несмотря на всю важность моря в жизни греческих полисов, определялись не только морскими силами. Что касается сил сухопутных, то здесь, по всей вероятности, следует исходить из косвенных данных, которые свидетельствуют скорее в пользу афинского первенства, нежели в пользу эретрийского преимущества. Так, об этом говорит упоминавшийся выше факт, что Афины в 506 г. смогли без особого труда разбить фиванские и халкидские отряды, а также успешное сопротивление персидскому

¹⁹ French A. Op. cit. P. 240; Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. в эпиграфических источниках. М., 1982. С. 136; см. также: Суриков И. Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 129.

²⁰ О первых афинских колониях см.: Александрова О. И.: Первые шаги афинской колонизации: экспедиция Фринона в Сигей // МИ. 2015. Вып. 6. С. 118–127; она же. Роль государства в выводе первых афинских колоний // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов – 2015». М., 2015; она же. Мильтиад Младший и завоевание Лемноса // Чтения к 80-летию со дня рождения д. и. н., профессора Ю. К. Некрасова (1935–2006). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Вологда, 2016. С. 65–70.

войску при Марафоне в 490 г. (Hdt. VI.111–117) Как раз к этому году и относится последний эпизод, характеризующий отношения Афин и Эретрии на рубеже архаической и классической эпох. Согласно рассказу Геродота (Hdt. VI.94–95), Дарий, готовивший поход против афинян, намеревался под этим предлогом овладеть и другими греческими городами. Захватив по пути Наксос и Карист, несмотря на сопротивление жителей, персы подошли к Эретрии.

Эретрийцы, получившие известие о приближении персов, обратились за помощью именно к Афинам (Hdt. VI.100–101), что было вполне естественно, если принять гипотезу о существовании афино-эретрийского союза в это время. Афиняне направили к ним те четыре тысячи клерухов, которые жили на землях гипсоботов (τοὺς τετρακισχίλιους τοὺς κληρουχέοντας τῶν ἰσποβοτέων Χαλκιδέων τὴν χώραν, τοῦτους σφί διδοῦσι τιμωροῦς). Однако, после того, как стало известно о том, что некоторые жители Эретрии готовы в надежде на личную выгоду примкнуть к персам, они последовали совету эретрийца Эскина и переправились в Ороп, после чего, по всей видимости, вернулись на родину²¹. Для Эретрии эти события закончились плачевно: после шестидневного сопротивления город был взят персидскими войсками и полностью разграблен, а часть эретрийцев обращена в рабство (Hdt. VI.102, 119). Эретрия впоследствии хоть и была восстановлена, но перешла в разряд второстепенных греческих полисов, а в 446 г. и вовсе стала окончательно зависима от Афин (Thuc. I.113–114; Diiod. XII.6–7; Plut. *Per.* 22).

Таким образом, рассмотренные факты и свидетельства позволяют предполагать, что на рубеже VI–V вв. сложился союз афинского и эретрийского полисов, и наиболее яркой акцией этого союза можно считать отправку кораблей на помощь Ионийскому восстанию. Сближению городов, помимо их географического положения, способствовал тот факт, что в обоих городах примерно в одно и то же время были проведены схожие реформы, в результате чего они имели схожее государственное устройство, а также возобновление старых связей Афин и Эретрии. По своим военным возможностям города были, вероятно, примерно равны, и нельзя говорить ни о гегемонии Эретрии в тот период, ни о неоспоримом афин-

²¹ Паршиков А. Е. О статусе афинских колоний в V в. до н. э. // ВДИ. 1969. № 2. С. 6.

ском первенстве: один полис был до 490 г. достаточно силен, особенно на море, другой же, хоть и являлся уже значительной военно-политической силой, находился только на пути к беспспорному лидерству среди греческих городов.

Литература

- Александрова О. И.* Первые шаги афинской колонизации: экспедиция Фринона в Сигей // МИ. 2015. Вып. 6. С. 118–127;
- Александрова О. И.* Роль государства в выводе первых афинских колоний // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов – 2015». М., 2015.
- Александрова О. И.* Мильтиад Младший и завоевание Лемноса // Чтения к 80-летию со дня рождения д. и. н., профессора Ю. К. Некрасова (1935–2006). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Вологда, 2016. С. 65–70.
- Картюк С. Г.* Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 17–35.
- Паршиков А. Е.* О статусе афинских колоний в V в. до н. э. // ВДИ. 1969. № 2. С. 3–19.
- Строецкий В. М.* Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова / Под ред. И. Я. Фроянова. СПб., 1998. С. 77–78.
- Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000.
- Суриков И. Е.* Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии) // ВДИ. 2003. № 2. С. 16–25.
- Шувалов В. В.* Морская политика Афин: Архаический и раннеклассический период. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.
- Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. в эпиграфических источниках. М., 1982.
- French A.* Solon and the Megarian Question // JHS. 1957. Vol. 77. P. 238–246.
- Haas Ch. J.* Athenian Naval Power before Themistokles // Historia. 1985. Bd. 34. P. 29–46.

- Jordan B.* Herodotus 5, 71, 2 and the Naukraroi of Athens // *CSCA*. 1970. Vol. 3. P. 153–175.
- Jordan B.* The Athenian Navy in Classical Period. Berkeley; Los Angeles; London, 1975.
- Morrison J. S., Williams R. T.* Greek Oared Ships 900–322 B. C. Cambridge, 1968.
- Myres J. L.* On the “List of Thalassocracies” in Eusebius // *JHS*. 1906. Vol. 26. P. 84–130.
- Walker K. G.* Archaic Eretria. A Political and Social History from the Earliest Times to 490 B.C. London; New York, 2004.

Александрова Ольга Игоревна, ассистент кафедры всеобщей истории, кандидат исторических наук (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия); эл. почта: olgaalex@lenta.ru.

Athens and Eretria at the Turn of the VI–V BC: to the Question of a Possible Alliance

The article is devoted to the relations of Athens and Eretria at the turn of the archaic and classical periods. There are three evidences, direct or indirect, about the collaboration of Athens and Eretria in the period between 506 and 490 BC. This is the war of Athens with Chalcis, in which Athens was probably helped by Eretria, the dispatch of ships to help the Ionian revolt and the campaign of the Persians against these cities, which ended in a marathon battle. In all these cases, the cities were on the same side, and, given the long-standing friendly ties of these cities, their geographical proximity and similar state structure, this allows the author to assume that there was a special alliance between Athens and Eretria during this period. Considering the question of the correlation of forces in the proposed union, the author concludes that during the period under review, the cities were roughly equal in strength, and an indisputable Athenian primacy can't be spoken of, as it is often asserted, neither it is possible to agree with the original assumption about the hegemony of Eretria at that time. Special attention is paid in the article to the fragment of Herodotus (Hdt. V.99) about the dispatch by Athens and Eretria of ships to the aid of the Ionian revolt. In particular, the author analyzes in detail the terminology used in relation to the Athenian and Eretrian ships.

Key words: Athens, Eretria, Greco-Persian Wars, Ionian revolt.

Olga Aleksandrova, Assistant Lecturer of the Department of World History (Herzen State Pedagogical University of Russia; Saint Petersburg, Russia); e-mail: olgaalex@lenta.ru.

References

- Aleksandrova O. I.* Pervye shagi afinskoj kolonizacii: ekspedicija Frinona v Sigej // *MI*. 2015. Vyp. 6. S. 118-127;
- Aleksandrova O. I.* Rol' gosudarstva v vyvode pervyh afinskih kolonij // *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «Lomonosov – 2015»*. M., 2015.
- Aleksandrova O. I.* Mil'tiad Mladshij i zavoevanie Lemnosa // *Chtenija k 80-letiju so dnja rozhdenija d. i. n., professora Ju. K. Nekrasova (1935–2006)*. *Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Vologda, 2016. S. 65–70.
- Karpjuk S. G.* Klisfenovskie reformy i ih rol' v social'no-politicheskoj bor'be v pozdnearhaicheskikh Afinah // *VDI*. 1986. № 1. S. 17–35.
- Parshikov A. E.* O statuse afinskih kolonij v V v. do n. e. // *VDI*. 1969. № 2. S. 3–19.
- Strogeckij V. M.* Morskaja programma Femistokla i vozniknovenie trierarhii // *Antichnyj mir. Problemy istorii i kul'tury*. Sbornik nauchnyh statej k 65-letiju so dnja rozhdenija prof. E. D. Frolova / Pod red. I. Ja. Frojanova. SPb., 1998. S. 77–78.
- Surikov I. E.* Iz istorii grecheskoj aristokratii pozdnearhaicheskij i ranneklassicheskoj jepoh: Rod Alkmeonidov v politicheskoj zhizni Afin VII–V vv. do n. e. M., 2000.
- Surikov I. E.* Ostrakon Megakla, Alkmeonidy i Jeretrija (Jepigraficheskoe svidetel'stvo o vneshnih svjazjah afinskoj aristokratii) // *VDI*. 2003. № 2. S. 16–25.
- Shuvalov V. V.* Morskaja politika Afin: Arhaicheskij i ranneklassicheskij period. Dis. ... kand. ist. n. SPb., 2004.
- Jajlenko V. P.* Grecheskaja kolonizacija VII–III vv. do n. e. v epigraficheskikh istochnikah. M., 1982.
- French A.* Solon and the Megarian Question // *JHS*. 1957. Vol. 77. P. 238–246.
- Haas Ch. J.* Athenian Naval Power before Themistokles // *Historia*. 1985. Bd. 34. P. 29–46.
- Jordan B.* Herodotus 5, 71, 2 and the Naukraroi of Athens // *CSCA*. 1970. Vol. 3. P. 153–175.
- Jordan B.* The Athenian Navy in Classical Period. Berkeley; Los Angeles; London, 1975.
- Morrison J. S., Williams R. T.* Greek Oared Ships 900–322 B.C. Cambridge, 1968.
- Myres J. L.* On the “List of Thalassocracies” in Eusebius // *JHS*. 1906. Vol. 26. P. 84–130.
- Walker K. G.* Archaic Eretria. A Political and Social History from the Earliest Times to 490 B. C. London; New York, 2004.

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (410+54)

Антонова Л. В.

О ПРИМЕНИМОСТИ ТЕРМИНА «КОЛОНИЯ» К БРИТАНСКОЙ ИНДИИ

Статья посвящена некоторым аспектам проблемы дефиниции различных типов британских имперских владений во второй половине XIX в. Рассмотрен ряд работ историков и правоведов, исследовавших юридические основы отношений метрополии и заморских территорий. Проанализированы определенные реалии имперской жизни того периода. На этой основе сделаны выводы о том, насколько обоснованным и правомерным, с точки зрения современников, было использование термина «колония» по отношению к Британской Индии.

Ключевые слова: Британская империя, Британская Индия, колония, Колониальная и Индийская выставка 1886 г., Р. М. Мартин, У. Форстер, Дж. Сили, А. Тодд, Г. Дженкинс.

Во второй половине XIX в. Британская империя представляла собой конгломерат территорий с различным административно-правовым статусом. Типология британских владений с точки зрения их историко-культурных особенностей (туземные и переселенческие) и управленческой структуры (самоуправляющиеся и коронные) нашла отражение в работах отечественных авторов¹. Ими отмечалось также совершенно особое положение, занимаемое в империи юридически не считавшейся колонией Индией. Однако в политико-публицистической практике превалирует оценка, типичная для марксистской историографии, — Индия именуется колонией, служившей придатком метрополии, аренной для выкачивания

¹ Юрлов Ф. А., Юрлова Е. С. История Индии. XX век. М., 2010. С. 14; Грудзинский В. В. Великобритания и ее империя в середине XIX в: либерализм и проблема модернизации. Челябинск, 2015. С. 36–37.

богатств². Причем подобная характеристика относится как к тому времени, когда индийские территории являлись частными владениями Ост-Индской компании, так и к периоду после их передачи в ведение Короны в 1858 г. Всестороннее изучение трансформации правового статуса Индии в структуре империи должно быть предметом специального исследования. В данной статье была поставлена задача проанализировать суждения британских публицистов, уделявших внимание вопросу классификации имперских владений и месту в ней Индии.

Особое значение индийских территорий для империи осознавалось и подчеркивалось уже в тот период, когда юридически они принадлежали Ост-Индской компании. Обратимся к трудам Р. М. Мартина³ (1803–1868) – историка, статистика, автора нескольких десятков публикаций по истории и экономике британских колоний. В вышедшем в 1851 г. издании его главного труда «История Британских колоний»⁴ один из томов был посвящен владениям Великобритании в Азии⁵. Поскольку в заглавии всей книги фигурировало слово «колонии», очевидно, что здесь оно было употреблено в самом широком значении и объединяло все территории, находившееся в той или иной форме зависимости от Британии. Тем не менее, уже в предисловии автором разграничивались пункты «управление британскими колониями» и «управление Британской Индией»⁶. За неимением в ту пору некой официально принятой, Мартин предложил свою классификацию колоний и заморских территорий, по признанию автора, «спорную и еще несовершенно»⁷. Он выделил следующие группы: имевшие территориальное значение; обладавшие коммерческой ценностью; занимавшие прибрежное положение⁸. Индийские же владения относились к тем, что обладали всеми перечис-

² Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. М., 1979. С. 283; Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX в. М., 1977. С. 11.

³ DNB. Vol. 36. L., 1893. P. 293–294.

⁴ Первое пятитомное издание этого труда вышло в 1834 г., затем он неоднократно переиздавался в других редакциях и под разными названиями.

⁵ Martine R. M. The British Colonies: Their History, Extent, Condition, and Resources. Vol. V. British India, L.; N. Y., 1851.

⁶ Martine R. M. Vol. I. British North America, L.; N. Y., 1851. P. xiii–xvii.

⁷ Martine R. M. The British Colonies... Vol. I. P. xiii.

⁸ Ibid.

ленными признаками. Примечательно, что в этой классификации как отдельные территориальные единицы выделялись Пенджаб, Мадрас, Бомбей, Центральные провинции Индии и т. д., что подчеркивало отсутствие на субконтиненте единого политико-административного образования. При этом слово «колониальные» в их характеристике не использовалось. В непосредственно посвященном Азии томе раздел об Индии начинался с разъяснений автора по вопросу терминологии: «Британские владения в Индии не могут в прямом смысле слова быть названы колониями; они были приобретены путем покупки, цессии или завоевания в разное время в течение последней сотни лет»⁹. В 1858 г. вышла новая работа Мартина «Индийская империя: ее история, топография, правительство, финансы, торговля и основное производство. С полным отчетом о мятеже туземных войск и описанием социального положения и религии ста миллионов подданных английской Короны»¹⁰. Часть о сипайском восстании была написана буквально «по горячим следам» и завершилась 1 ноября 1858 г. — изданием прокламации, ликвидировавшей администрацию Ост-Индской компании и объявившей королеву Викторию сувереном Индии. Уже из пространного названия этого труда можно получить представление об изменившемся статусе Индии. В предисловии Мартин именовал ее «Англо-Индийская империя», а также употреблял по отношению к ней термин «доминион» в значении «владения»¹¹.

Всплеск интереса к проблеме дефиниций и определения правового статуса британских владений среди публицистов метрополии наблюдался с 80-х гг. XIX в. Следует отметить, что еще в акте парламента от 1865 г. «О действительности колониальных законов»¹² была дана официальная трактовка термина

⁹ *Martine R. M. The British Colonies... Vol. V. P. 1.*

¹⁰ *Martine R. M. The Indian Empire: Its History, Topography, Government, Finance, Commerce, and Staple Products: with a Full Account of the Mutiny of the Native Troops and an Exposition of Social and Religious State of the Hundred Million Subjects of the Crown of England. London; New York, 1858. P. 502.*

¹¹ *Martine R. M. The Indian Empire... P. 1-12.*

¹² Подробнее об акте 1865 г., ставшем правовой базой реформирования отношений Британии с переселенческими колониями см.: *Дронова Н. В. «Акт о колониальных законах» 1865 г. в конституционном поле имперского строительства Великобритании // История*

«колония», под которым следовало подразумевать «все британские владения за исключением Нормандских о-вов, о. Мэн и Индии»¹³. Однако дискуссии о вариантах классификации и правильном толковании понятий продолжались. В последней трети столетия вопрос терминологии приобрел особую актуальность ввиду того, что характерное для середины века безразличие к имперским делам сменилось активизацией колониальной политики, провозглашением курса на интеграцию и модернизацию внутриимперских отношений¹⁴.

Известный либеральный политик и публицист У. Форстер¹⁵ (1818–1886) выделил три следующих типа британских владений. К первой группе были отнесены форты, или «оплоты», такие как Мальта и Гибралтар. Ими Британия владела «не столько как колониями, а как крепостями»¹⁶, необходимыми для обеспечения безопасности и поддержания интересов империи в том или ином регионе земного шара. Во вторую группу включались, например, Цейлон или Сьерра-Леоне. «Мы ими управляем, — писал Форстер, — но они подобны нашей Индийской империи — вероятно, никогда не будут населены, то есть колонизированы людьми нашей расы»¹⁷. И, наконец, третья категория — это колонии в прямом значении

Британии: современные исследования. Сборник статей / Отв. ред. М. П. Айзенштат. М., 2013. С. 304–310.

¹³ An Act to Remove Doubts as to the Validity of Colonial Laws. 29th June 1865 // The National Archives. [Electronic resource]: URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/28-29/63/enacted> (дата обращения: 02.04.2018). Нормандские о-ва и о. Мэн не входят в состав Соединенного Королевства и не являются заморскими территориями, будучи коронными владениями Великобритании никогда не имели статуса колоний.

¹⁴ Грудзинский В. В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX — первая четверть XX вв.). Челябинск, 1996. С. 45–60; Богомолов С. А. Концепция «нового империализма» в Великобритании в конце XIX в.: англосаксонская версия глобализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 3 ч. Тамбов, 2011. № 2 (8). Ч. III. С. 39–42.

¹⁵ DNB. Vol. XX. L., 1889. P. 25–31.

¹⁶ Forster W. E. Our Colonial Empire. An Address Delivered before the Philosophical Institution of Edinburgh on Friday November 5, 1875. Edinburgh, 1875. P. 4.

¹⁷ Ibid.

слова, т. е. регионы, которые «были заселены или заселяются англоговорящими мужчинами и женщинами»¹⁸. Следует обратить внимание на тот факт, что, характеризуя зависимые территории второго типа, Форстер называл их лишь подобными Индийской империи. Таким образом, обозначив общую черту этих владений — незаселенность англосаксами — он, тем не менее, выделил саму Индию и из этой группы и из всей классификации в целом.

Знаковым среди трудов по имперской истории рассматриваемого периода стала вышедшая в 1883 г. книга профессора истории, одного из ведущих теоретиков концепции «нового империализма»¹⁹ Дж. Сили (1834–1895) «Расширение Англии»²⁰. В нее вошли два курса лекций, прочитанных им в Кембриджском университете. В этой работе Сили упрекал британцев в пренебрежительном отношении к колониям и обосновывал необходимость консолидации и дальнейшего расширения империи. Приоритетным направлением экспансии он считал подходившие для мигрантов из Англии переселенческие колонии, но и туземным придавал огромное значение. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что второй курс лекций был полностью посвящен Индии. По словам Сили, первая часть его книги касалась колониальной империи, а вторая — Индийской империи²¹, т. е. о возможности называть последнюю колонией для него не могло быть и речи. Начиная повествование об Индии, он подробнейшим образом изложил свои взгляды на природу ее отношений с Англией, уделив особое внимание вопросу дефиниций²². Отметим, что Сили резко критиковал термин «владения Англии» и в особенности его применение к переселенческим колониям. Он считал абсурдным называть проживавшую за морями часть английского же народа собственностью жителей Британских о-вов или находившегося в Лондоне правительства. Казалось бы, замечал Сили, называть Индию «владением» более обоснованно, так как эта территория была приобретена военным путем. Однако далее он утверждал, что слово «завоевание» в данном случае также не вполне применимо. Анализируя исто-

¹⁸ Forster W. E. Op. cit. P. 4.

¹⁹ Подробнее см.: Богомолов С. А. Указ. соч.

²⁰ Seeley J. R. The Expansion of England. London, 1883.

²¹ Seeley J. R. Op. cit. P. 179.

²² Ibid. P. 181–185.

рию британского проникновения в Индию, обстоятельства ее подчинения и сложившуюся в результате систему отношений, Сили писал: «Индия действительно зависит от Англии в том смысле, что Англия определяет ее внутреннее устройство и ее политику и что Индией управляют англичане, но не в том смысле, что она непосредственно оказывает Англии услуги, делает ее богаче и могущественнее»²³. Автор заключал, что именовать Индию «владением» также неверно, и в дальнейшем называл ее, в основном, Индийской империей.

В публицистике более популярного характера строгое следование терминологии не являлось обязательным, но авторы считали необходимым разъяснить употребление некоторых понятий. Так в вышедшем в 1887 г. «Введении в историческую географию британских колоний» К. П. Лукаса утверждалось, что все зарубежные владения Великобритании в определенном смысле являются зависимыми территориями, но к большинству из них прямо не относится термин «колонии». Проанализировав особенности понимания этого понятия в предшествующие эпохи, автор утверждал, что колония в истинном значении слова предполагала наличие трех признаков. Во-первых, добровольное оставление людьми одной страны, во-вторых, их постоянное поселение на другой территории, и в-третьих, либо эта земля должна быть вообще ранее не заселена, либо численность переселенцев значительно превосходить аборигенное население. При этом зависимость от страны-матери, по словам автора, не являлась обязательным критерием. Исходя из вышесказанного, он полагал, что в число британских колоний следовало бы по-прежнему включать Соединенные Штаты Америки, а исключать из них Индию и многие другие территории империи. Поскольку это могло привести к путанице, в данной книге «слово “колония” используется в популярном значении — просто как обозначение любых зарубежных владений»²⁴.

В публицистике того времени можно найти и довольно резкие высказывания касательно несоответствия официальной терминологии реальному положению вещей. В 1883 г. вышла работа историков Дж. Коттона и Э. Пейна «Колонии и зависи-

²³ Seeley J. R. Op. cit. P. 184.

²⁴ Lucas C. P. Introduction to a Historical Geography of the British Colonies. Oxford, 1887. P. 1–3.

мые территории», один из разделов которой касался Индии. Признавая ее законодательно закрепленное особое место в иерархии имперских владений, авторы называли отношения между Англией и Индией политической аномалией, не имевшей аналогов в истории. Говоря о фактическом, а не юридическом положении Индии, они писали: «Мы все знаем и чувствуем, что Англия — повелительница, а Индия — подчиненная земля... В своем отношении к Англии Индия отличается от любой коронной колонии только в том, что касается размера»²⁵.

Анализируя правовые основы отношений метрополии и колоний, нельзя не обратиться к трудам британских юристов, исследовавших систему управления и законодательства имперских владений. В опубликованном в 1880 г. фундаментальном труде специалиста по истории права и парламентаризма А. Тодда²⁶ (1821–1884) «Парламентское правление в британских колониях»²⁷ автор не приводил никаких классификаций и не давал определения термину «колония». Он всесторонне охарактеризовал структуру управления Канадой, Австралией, Южной Африкой, но ни раздела об Индии, ни каких-либо пояснений о причине его отсутствия в книге не было. Очевидно, что Тодд рассматривал исключительно переселенческие колонии. Индия априори в их число не входила, и столь очевидный автору факт, по его мнению, не требовал разъяснений. Другой профессиональный правовед, Г. Дженкинс (1838–1899), напротив, уделил интересующей нас проблеме значительное внимание, поскольку в его книге «Британское правление и юрисдикция за морями»²⁸ рассматривались особенности отношений Британии со всеми категориями подвластных земель. В первой главе автор подробно объяснял многообразие терминов, применяющихся в отношении различных частей империи. Дженкинс писал, что «Британская Индия сама по себе является империей с зависимыми территориями» и поэтому к ней следует применять широкий по значению термин «британские владения»²⁹. Что касается колоний, он указывал, что это термин, который ис-

²⁵ Cotton J. S., Payne E. J. Colonies and Dependencies. London, 1883. P. 1–2.

²⁶ DNB. Vol. LVI. L., 1898. P. 425–426.

²⁷ Todd A. Parliamentary Government in the British Colonies. 2nd ed. London, 1894.

²⁸ Jenkyns H. British Rule and Jurisdiction beyond the Seas. Oxford, 1902.

²⁹ Ibid. P. 2.

пользовался технически в актах парламента и в популярном значении. Официальную трактовку Дженкинс приводил на основе определения из акта 1889 г. Оно было аналогично данному в уже упомянутом выше акте 1865 г. и охватывало все владения, кроме Нормандских о-вов, о. Мэн и Индии³⁰. Ссылаясь на эти документы, Дженкинс безусловно исключал Индию из определяемых термином «колония» территорий. Более подробно структура управления и ее эволюция начиная с первых факторий Ост-Индской компании на субконтиненте до современного Дженкинсу периода рассматривались им в главе «Прочие британские владения, кроме колоний». Здесь он снова подчеркивал, что «Британская Индия не является колонией ни в каком смысле, даже в расширенном значении, которое часто ему придается, но это зависимая территория, приобретенная частично завоеванием, частично цессией»³¹. Кроме того, Дженкинс писал, что следовало отделять понятие «Британская Индия» от Индии в целом, поскольку последняя включала также владения туземных князей, признававших сюзеренитет английского монарха. В связи с этим вполне обоснованно было именовать Индию империей, которой она являлась бы даже, если бы не зависела от Британской Короны. Этот имперский статус, по словам Дженкинса, был обозначен в акте 1876 г., даровавшем королеве Виктории титул императрицы Индии³². Данная оценка позволяет заключить, что принятие акта было продиктовано не только стремлением Б. Дизраэли потешить самолюбие Виктории давно желаемым титулом, как это часто преподносилось авторами биографических трудов о королеве³³. По мысли Дженкинса, таким образом в очередной раз подчеркивалось привилегированное положение Индии в иерархии имперских владений.

Наконец, представляется небезынтересным выяснить, насколько строго придерживались данной терминологии чиновники в различной документации, официальные лица в речах на публичных мероприятиях, а также пресса. Весьма показательным в плане практического применения юридиче-

³⁰ *Jenkyns H. British Rule and Jurisdiction beyond the Seas. Oxford, 1902.*

³¹ *Jenkyns H. Op. cit. P. 41.*

³² *Ibid. P. 44.*

³³ *Hibbert C. Queen Victoria. A Personal History. Boston, 2001. P. 361; Стрэчи Л. Королева Виктория. Ростов н/Д., 1999. С. 296–297; Александр Ф., Л’Оуня Б., де. Королева Виктория. М., 2007. С. 372.*

ских дефиниций являлось такое событие, как Колониальная и Индийская выставка 1886 г. в Лондоне³⁴. Это грандиозное общеимперское действо оставило после себя обширный корпус сопроводительных публикаций (каталоги, отчеты, путеводители и т. д.), а также сообщений в периодической печати. В них, ввиду тематики выставки, часто фигурировали те или иные определения статуса британских владений. В выставочных публикациях, когда речь шла об участниках, фигурировала формулировка «колонии и Индия». Посвященные Индии разделы каталогов, путеводителей и обзоры ее экспозиции в прессе обычно были озаглавлены «Индийская империя». В текстах речей, произнесенных на мероприятиях для колонистов и торжественных церемониях членами королевской семьи и колониальными чиновниками, Индия также всячески выделялась на фоне прочих участников выставки³⁵. Но самый яркий пример — само название — «Колониальная и Индийская». Очевидно, с точки зрения утверждавших название организаторов выставки, включить в понятие «колонии» можно было все имперские территории — как самоуправляющиеся, так и коронные, как туземные, так и переселенческие, даже уже почти двадцать лет имевшую статус доминиона Канаду, но только не Индию.

Подводя итоги, следует сказать, что в законодательстве Британской империи второй половины XIX в. актами парламента была зафиксирована официальная дифференциация имперских владений. Однако трансформации в системе отношений метрополии и колоний, изменения в их статусе и управленческой структуре, а также общая интенсификация процессов имперского строительства в последней трети столетия стимулировали дискуссии о правильном толковании и применении этих терминов. В трудах исследовавших дан-

³⁴ Подробнее об этом см.: Антонова Л. В. Колониальная и Индийская выставка 1886 г. — «возможность века» для Британской Вест-Индии // Клио. 2016. № 8 (116). С. 164–168; Антонова Л. В., Дронова Н. В. «Обеспечить радушное гостеприимство»: мероприятия для гостей Колониальной и Индийской выставки 1886 г. в Лондоне в контексте приоритетов имперской пропаганды // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. № 5 (169). С. 160–169.

³⁵ Colonial and Indian Exhibition, 1886. Official Catalogue. London, 1886. P. 3; The Times. 1886. May 31. P. 7; The Graphic. 1886. May 5. P. 495; The Illustrated London News. 1886. May 8. P. 472.

ный вопрос историков, политиков, теоретиков права особое внимание уделялось дефинициям, использовавшимся в отношении Индии. Юридически никогда за время господства британцев на субконтиненте принадлежавшие им территории не определялись как колонии. Это нашло отражение не только в законодательных актах, но и в теоретических трудах современников, текущем документообороте, статьях в прессе. Тем не менее, в повседневной практике и популярной литературе считалось вполне допустимым объединить под словом «колонии» все зарубежные владения Британии. А следующей в имперских делах частью британской общественности открыто признавалась формальность декларируемого законом особого статуса Индии, фактически существовавшего только на бумаге. Причины столь старательного продвижения идеи «Индия — не колония» следует искать в особенностях тактики местной британской администрации и общей стратегии имперской политики в этот период. Создание образа «Империи внутри Империи» служило инструментом привлечения на свою сторону туземной элиты, важность поддержки которой британцы особенно четко осознали после восстания сипаев. Кроме того, в условиях курса на всестороннюю интеграцию, укрепление имперских уз важно было всеми способами подчеркнуть значимость Индии, продемонстрировать уважение метрополии к величию ее восточных владений.

Источники

- An Act to Remove Doubts as to the Validity of Colonial Laws. 29th June 1865 // The National Archives. [Electronic resource]: URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/28-29/63/enacted> (date of access: 02.04.2018).
- Colonial and Indian Exhibition, 1886. Official Catalogue. London, 1886.
- Cotton J. S., Payne E. J.* Colonies and Dependencies. L., 1883.
- Forster W. E.* Our Colonial Empire. An Address Delivered before the Philosophical Institution of Edinburgh on Friday November 5, 1875. Edinburgh, 1875.
- Jenkyns H.* British Rule and Jurisdiction beyond the Seas. Oxford, 1902.

- Lucas C. P.* Introduction to a Historical Geography of the British Colonies. Oxford, 1887.
- Martine R. M.* The British Colonies: Their History, Extent, Condition, and Resources. Vol. I. British North America. London; New York, 1851.
- Martine R. M.* The British Colonies: Their History, Extent, Condition, and Resources. Vol. V. British India, London; New York, 1851.
- Martine R. M.* The Indian Empire: Its History, Topography, Government, Finance, Commerce, and Staple Products: with a Full Account of the Mutiny of the Native Troops and an Exposition of Social and Religious State of the Hundred Million Subjects of the Crown of England. London; New York, 1858.
- Seeley. J. R.* The Expansion of England. London, 1883.
- The Graphic. 1886 // The British Newspaper Archive. [Electronic resource]: URL: <https://britishnewspaperarchive.co.uk> (date of access: 02.04.2018).
- The Illustrated London News. 1886 // The British Newspaper Archive. [Electronic resource]: URL: <https://britishnewspaperarchive.co.uk> (date of access: 02.04.2018).
- The Times. 1886 // The Times and The Sunday Times. [Electronic resource]: URL: <https://britishnewspaperarchive.co.uk> (date of access: 02.04.2018).
- Todd A.* Parliamentary Government in the British Colonies. 2nd ed. London, 1894.

Литература

- Александр Ф., Л'Онуа Б., де.* Королева Виктория. М., 2007.
- Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г.* История Индии. М., 1979.
- Антонова Л. В.* Колониальная и Индийская выставка 1886 г. — «возможность века» для Британской Вест-Индии // Клио. 2016. № 8 (116). С. 164–168.
- Антонова Л. В., Дронова Н. В.* «Обеспечить радушное гостеприимство»: мероприятия для гостей Колониальной и Индийской выставки 1886 г. в Лондоне в контексте приоритетов имперской пропаганды // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. № 5 (169). С. 160–169.
- Богомолов С. А.* Концепция «нового империализма» в Великобритании в конце XIX в.: англосаксонская версия глоба-

- лизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 3 ч. Тамбов, 2011. № 2 (8). Ч. III. С. 39–42.
- Грудзинский В. В. Великобритания и ее империя в середине XIX в: либерализм и проблема модернизации. Челябинск, 2015.
- Грудзинский В. В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск, 1996.
- Дронова Н. В. «Акт о колониальных законах» 1865 г. в конституционном поле имперского строительства Великобритании // История Британии: современные исследования. Сборник статей / Отв. ред. М. П. Айзенштаг. М., 2013. С. 304–310.
- Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX в. М., 1977.
- Стрэчи Л. Королева Виктория. Ростов н/Д, 1999.
- Юрлов Ф. А., Юрлова Е. С. История Индии. XX век. М., 2010. DNB. Vol. 1–63. London, 1885–1900.
- Hibbert C. Queen Victoria. A Personal History. Boston, 2001.

Антонова Лидия Владимировна, ассистент кафедры всеобщей истории и регионоведения, кандидат исторических наук (Псковский государственный университет, Псков, Россия); эл. почта: antonova.lidia.24@yandex.ru.

On the Applicability of the Term “Colony” to British India

The article discusses the problem of the different types of British possessions and its definitions in the second half of the nineteenth century. British Empire included so called ingenious and white-settlers, Crown and self-government colonies. The term colony is also commonly applied to India. But according to parliamentary acts and other official documents India was “an Empire within the Empire” and had quite a special status.

A comprehensive integration became the main goal of the British colonial policy during the last third of the century. In this regard, the interest of the British publicists in the colonial matters has increased. Such lawyers, historians and politicians as W. Froude, A. Todd, J. Seeley, H. Jenkins and others discussed the issue of the colonial classification and terminology, especially concerning India. All of them emphasized its special legal status, a distinctive and exceptionally important position among the imperial overseas possessions. But some of the authors also admitted that in reality in its relation to England India was not different

from any Crown colony. In daily practice, the term “colony” was also often used in its popular sense as an equivalent to any foreign possessions. So the idea “India is not a colony” can be seen as a part of British imperial strategy and ideology. Metropolitan officials and public tried to win the loyalty of the native princes, to show their respect for the greatness of the Indian Empire, to emphasize the importance of the eastern possessions.

Key words: British Empire, British India, colony, 1886 Colonial and Indian Exhibition, R. M. Martin, W. Forster, J. Seeley, A. Todd, H. Jenkins.

Lidia Antonova, Assistant of the Department of World History and Area Studies, Candidate of Historical Sciences (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: antonova.lidia.24@yandex.ru.

References

Primary Sources

- An Act to Remove Doubts as to the Validity of Colonial Laws. 29th June 1865 // The National Archives. [Electronic re-source]: URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/28-29/63/enacted> (date of access: 02.04.2018).
- Colonial and Indian Exhibition, 1886. Official Catalogue. London, 1886.
- Cotton J. S., Payne E. J. Colonies and Dependencies. London, 1883.
- Forster W. E. Our Colonial Empire. An Address Delivered before the Philosophical Institution of Edinburgh on Friday November 5, 1875. Edinburgh, 1875.
- Jenkyns H. British Rule and Jurisdiction beyond the Seas. Oxford, 1902.
- Lucas C. P. Introduction to a Historical Geography of the British Colonies. Oxford, 1887.
- Martine R. M. The British Colonies: Their History, Extent, Condition, and Resources. Vol. I. British North America. London; New York, 1851.
- Martine R. M. The British Colonies: Their History, Extent, Condition, and Resources. Vol. V. British India, London; New York, 1851.
- Martine R. M. The Indian Empire: Its History, Topography, Government, Finance, Commerce, and Staple Products: with a Full Account of the Mutiny of the Native Troops and an Exposition of Social and Religious State of the Hundred Million Subjects of the Crown of England. London; New York, 1858.
- Seeley. J. R. The Expansion of England. London, 1883.
- The Graphic. 1886 // The British Newspaper Archive. [Electronic re-source]: URL: <https://britishnewspaperarchive.co.uk> (date of access: 02.04.2018).
- The Illustrated London News. 1886 // The British Newspaper Archive. [Electronic resource]: URL: <https://britishnewspaperarchive.co.uk> (date of access: 02.04.2018).

The Times. 1886 // The Times and The Sunday Times. [Electronic resource]: URL: <https://britishnewspaperarchive.co.uk> (date of access: 02.04.2018).

Todd A. Parliamentary Government in the British Colonies. 2nd ed. London, 1894.

Secondary Sources

Aleksandr F., L'Onua B., de. Koroleva Viktorija. M., 2007.

Antonova K. A., Bongard-Levin G. M., Kotovskij G. G. Istorija Indii. M., 1979.

Antonova L. V. «Kolonial'naja i Indijskaja vystavka 1886 g. — «vozmozhnost' veka» dlja Britanskoj Vest-Indii // Klio. 2016. № 8 (116). S. 164–168.

Antonova L. V., Dronova N. V. «Obespechit' radushnoe gostepriimstvo»: meroprijatija dlja gostej Kolonial'noj i Indijskoj vystavki 1886 g. v Londone v kontekste prioritetov imperskoj propagandy // Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. T. 22. № 5 (169). S. 160–169.

Bogomolov S. A. Koncepcija «novogo imperializma» v Velikobritanii v konce XIX v.: anglosaksonskaia versija globalizacii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. V 3 ch. Tambov, 2011. № 2 (8). Ch. III. S. 39–42.

Grudzinskij V. V. Velikobritanija i ee imperija v seredine XIX v: liberalizm i problema modernizacii. Cheljabinsk, 2015.

Grudzinskij V. V. Na povorote sud'by: Velikaja Britanija i imperskij federalizm (poslednjaja tret' XIX — pervaja chetvert' XX vv.). Cheljabinsk, 1996.

Dronova N. V. «Akt o kolonial'nyh zakonah» 1865 g. v konstitucionnom pole imperskogo stroitel'stva Velikobritanii // Istorija Britanii: sovremennye issledovanija. Sbornik statej / Otv. red. M. P. Ajzenshtat. M., 2013. S. 304–310.

Erofeev N. A. Anglijskij kolonializm v seredine XIX v. M., 1977.

Strjechi L. Koroleva Viktorija. Rostov n/D, 1999.

Jurlov F. A., Jurlova E. S. Istorija Indii. XX vek. M., 2010.

DNB. Vol. 1–63. London, 1885–1900.

Hibbert C. Queen Victoria. A Personal History. Boston, 2001.

Агаджанян С. Ш.

ОТНОШЕНИЕ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ К АРМЯНСКОМУ «СЕПАРАТИЗМУ» В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

После присоединения Закавказья и Восточной Армении к Российской империи началась хозяйственная и политическая колонизация региона. Казалось, что задача единства России с Закавказьем решена и больше проблем не осталось. Новая промышленность, экономика, торговля, образование и пресса практически находилась в руках местных жителей. В регионе на самом деле для русских создавалась абсолютно неопределенная ситуация: сохранение политических принципов русской колонизации в противовес ожидаемого давало результат. Несмотря на наличие внешних признаков интеграции региона в состав Российской империи, на самом деле ситуация была не столь однозначной. Такое положение дел порождало беспокойство у русской общечественности и привело к возникновению идеи о существовании кавказского сепаратизма.

Ключевые слова: Закавказье, Восточная Армения, сепаратизм, К. П. Победоносцев, Г. С. Голицын, И. И. Воронцов-Дашков, М. Н. Катков.

После присоединения Закавказья и Восточной Армении к Российской империи началась экономическая и политическая колонизация территории. Пытаясь инкорпорировать Закавказье в Российскую империю, царские чиновники осознавали необходимость иметь надежную опору на местах. На создание социальной опоры был направлен закон от 6 декабря 1846 г., согласно которому правительство признавало наследственное землевладение ханов, беков, меликов Закавказья¹. Однако этого было недостаточно, чтобы чувствовать себя уверенно в Закавказье, имеющем весьма разнородный национальный состав. Это стало причиной того, что власти

¹ Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 113. Оп. 3. Д. 448. Л. 21–23; Социально-политическое и экономическое положение Восточной Армении после присоединения к России (1830–1870). Ереван, 1993. С. 191–193.

задумались и о создании опоры на местной, национальной почве. Как отмечает А. Кауфман, один из активных организаторов процесса переселения, политика переселения для русской действительности не была чем-то новым: «История России — это история страны, которая колонизируется, там период колонизации расширяется вместе с ее государственной территорией»². Расширение империи за счет сопредельных территорий не ограничивалось только военно-политической экспансией; здесь наблюдался также сложный процесс преобразования этих областей в неотъемлемую часть России. Императорская политика не завершилась утверждением новых государственных границ, а перешла в длительную фазу интеграции новых завоеванных территорий и народов во всеимперское пространство. Последнее предусматривало активное вмешательство государства в этнические процессы: регулирование миграционных потоков, изменение национального и религиозного состава населения в окраинных районах государства с целью решения стратегических задач и др.

Не секрет, что Закавказье и Восточная Армения для России имели важное стратегическое значение. Кавказский хребет был естественным укреплением, которое надежно защищало южнорусские границы. Другая сторона хребта, неподконтрольная России, была слабо защищенной и открытой перед всеми врагами, но она имела выгодную позицию для дальнейшего продвижения в направлении Персии или Турции. Ввиду этого неудивительно, что в Закавказье политика России в немалой степени была обусловлена военно-стратегическими соображениями, а экономическое освоение Закавказья было отодвинуто на второй план. В российском великодержавном сознании столкнулись два противоположных принципа: христиане Закавказья в империи должны были получить равный статус с русскими, поскольку религиозная политика империи требовала этого (столетиями Российская империя выступала как покровительница и защитница христиан), с другой стороны — они должны были войти в однородное пространство империи как этого требовала логика государственной системы. Это невозможно было осуществить без периодического давления на такие древние и самобытные народы, как армяне и грузины. Интеграция мусульманского

² Кауфман А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 3.

населения края в единое российское государственное пространство была сравнительно легким делом для властей, поскольку к этому времени уже были разработаны принципы управления мусульманами.

Как отмечал С. Ю. Витте, в отношениях с армянами и грузинами проблема имела другой характер: во-первых, они были христианами, что само по себе ставило эти народы на один уровень с русскими; во-вторых, они, прежде всего грузины, не были завоеваны, а добровольно вошли в состав империи, и все правители Кавказа, вплоть до времен правления князя Г. С. Голицына, «руководствовались теми принципами, что местные жители, особенно христианской веры, те, которые добровольно сдались покровительству России, должны пользоваться полным равноправием»³. В конечном счете, местные жители активно участвовали в завоевании Закавказья на стороне русской армии, а затем в русско-турецкой войнах, когда значительную часть командирских должностей Кавказской армии занимали армяне. В этом плане С. Ю. Витте совершенно справедливо писал: «Кавказ был завоеван как оружием русских, ...так и оружием местных жителей Кавказа. В течение шестидесятилетней войны в Кавказе... повсюду блистали местные жители. Они русской армии дали целое созвездие героев, достойных самых высоких должностей и орденов»⁴. Это обстоятельство не только уравнивало их с русскими, но и давало им сам статус русского. Действительно, христианское население края неоднократно доказывало свою преданность российской короне. Еще 16 января 1857 г. царь Александр II специальной грамотой поблагодарил жителей Эриванской губернии за преданность России и за проявление стойкости во время Крымской войны⁵.

26 ноября 1909 г. кавказский наместник граф И. И. Воронцов-Дашков в письме, обращенном царю, писал: «Народы этого дальнего края под скипетром русских монархов в течение пятидесяти лет мирной работой и развитием доказали свою преданность России»⁶. Итак, кажется, что вопрос един-

³ Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Т. 2. М., 1960. С. 96.

⁴ Там же.

⁵ Социально-политическое и экономическое положение Восточной Армении... С. 232-233.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 12. Л. 36.

ства России с Закавказьем решен и уже нет проблем. Но вся промышленность, торговля, образование и пресса практически находились в руках местных жителей.

Можно констатировать, что, несмотря на то, что в Закавказье были ликвидированы существовавшие в прошлом государственные формирования и все виды местной власти, в крае для русских фактически создавалась совершенно неопределенная ситуация: соблюдение общих принципов русской колониальной политики против ожидания не давало результатов. Несмотря на наличие внешних признаков однородности населения края с метрополией, которые выражались в единой христианской вере, хорошем владении русским языком, вовлечении в государственную деятельность и активном участии в войнах во славу России, в действительности выяснилось, что расстояние между ними вовсе не сократилось. Такое положение вызывало беспокойство в общественных кругах России, и постепенно обрисовался «призрак» кавказского «сепаратизма».

Первыми забили тревогу деятели консервативного течения. М. Н. Катков в своем труде «Идеология охранительства» довольно большое место уделил опасности выхода различных национальностей и народов из состава Российской империи⁷. Катков возмущенно говорит о распаде России, отмечая: «Почему и какой формой Россия должна расчленивать свою государственность, для которой заплатила так дорого, и с какими народами должна разделить ее?»⁸ Говоря о вероятных «наследниках» Российской империи, автор особо отмечает народы Кавказа и Закавказья и их стремление к сепаратизму: «Например, возьмем Кавказ и Закавказье, где этнограф и лингвист теряются в хаосе малых, абсолютно неоднородных племен и языков, где самая значительная группа, с нами единоверцы грузины, еле насчитываются девяносто тысяч, причем и они разделяются на особые группы..., или же армяне, которых едва ли триста тысяч»⁹. Оценка Каткова относительно возможного сепаратизма народов Кавказа и Закавказья однозначна: «Почему Кавказ, каждая скала которого окрашена русской кровью, должен стать для русских чужим государством?»¹⁰

⁷ Катков М. Н. Идеология охранительства. М., 2009.

⁸ Там же. С. 82.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ Там же. С. 82.

Лояльное отношение местных русских властей к армянам, в частности по отношению к Армянской Апостольской церкви, глубоко тревожило К. П. Победоносцева, который был самым значительным деятелем русского консерватизма. В одном из своих писем Победоносцев рассказывает об организованном приеме католикоса Макария 11 октября 1885 г. в Тифлисе. По словам Победоносцева, католикосу оказали царский прием: «С железнодорожного вокзала, где его встретили городской глава, вице-губернатор, он отправился на четверке лошадей в открытой коляске, предшествуемый взводом жандармов... Так называемый Орбелиановский переулочек католикос прошел крестным маршем под балдахин, который несли армяне-генералы. (Чем это не коронация католикоса, наш государь император только в коронацию шел под балдахин)»¹¹.

С первых строк письма становится очевидным негативное отношение автора к этому событию. Дальнейшее изложение все больше выявляет неблагоклонное отношение Победоносцева к армянскому архиерею и армянам. 12 октября у главноначальствующего был организован прием. Для встречи католикоса всем высокопоставленным гражданским и военным должностным лицам было приказано явиться в палату наместника: «Здесь прочитали грамоты и рескрипты, высочайшие возложили на католикоса Александровский орден и передали алмазный крест». В этот же день произошел по своему забавный инцидент: «Католикос грамоты и рескрипты передал находящемуся в его свите архиепископу, а когда последний протянул руку за алмазным крестом, католикос, строго взглянув на него, креста ему не дал и положил в свой карман, по всей вероятности, испугавшись, что алмазы заменят обыкновенным стеклом, что очень возможно со стороны армян»¹².

Как известно, ни среди армянской интеллигенции, ни среди духовенства католикос Макарий не пользовался однозначной поддержкой. О католикосе Макарии Хорен архиерей Ханзадян пишет, что он «был слишком медлительным и не энергичным человеком. Не оставил ни одного светлого, даже незначительного следа... Во время выбора... Макарий с чув-

¹¹ Победоносцев К. П. и его корреспонденты. М. — Пг., 1923. С. 515.

¹² Там же. С. 215.

ством признательности совершил благодарственный молебен в Кафедральном соборе для долголетия русского царя, что даже русским не понравилось... Недаром его называли “русским чиновником”»¹³.

На «любовь к русским» католикоса Макария обращает внимание и Победоносцев, написавший в своем письме: «Необходимо отметить, что Макарий говорит и действует, как верноподданный русского царя и своей пастве внушает верноподданные чувства. За это он заслуживает уважения»¹⁴.

К. П. Победоносцев считал, что организованый католикосу прием был и политически неблагоприятен, и оскорбителен для православных церквей. Этот шаг он, в первую очередь, оценивал как явную политическую ошибку¹⁵. По мнению Победоносцева, в результате такого приема армяне наполнились чувством гордости, а православные, особенно грузины, приуныли: «Хотя бы хорошо то, что католикос Макарий не имеет большого авторитета среди интеллигентных армян, грозящих его убить (отравить). В условиях его пониженного авторитета подъем армянской гордыни и армянских тенденций не особенно велик. Но если на месте Макария был бы революционер Меликседек, то почти царский прием католикоса на 100 % повысил бы сепаративный дух армян. Благоприятно ли это? И почему русская власть края преклоняется перед инородцем, который является живым символом сепаратизма живущего на окраине довольно сильного племени, племени, которое исполнение своих идеалов видит не в Петербурге, а в Лондоне»¹⁶. Затем автор добавляет, что от этой встречи православные были в замешательстве. Он находит, что ни один русский человек, в котором жив русский патриотизм, не может переварить это событие, добавляя, что «грузины больше возмущены: они думают о своем католикосе, находя, что во время восседания на престол католикоса и его нужно удостоить такого почета. Бедняги забывали, что их католикос православный духовный предводитель, а на Руси ласкают только иноверцев и инородцев, вообще тех, кто не бросаются в глаза преданно-

¹³ *Хорен архиерей Ханзадян*. Воспоминания и впечатления: 1919 г. (на арм. яз.). [Электронный ресурс]: URL: <http://operativ.am/?p=73966> (дата обращения: 12.04.2018).

¹⁴ Победоносцев К. П. и его корреспонденты. С. 515.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

стью и русским патриотизмом. Грузины с особой активностью начали вспоминать времена тех католиков, которые были уничтожены русской властью. С политической точки зрения эти воспоминания “не выгодны”»¹⁷. Обобщая свои мысли, Победоносцев в конце письма дал волю всей накопленной в нем ненависти по отношению к армянам: «Думаю, что Тифлис русский город, а не армянский, несмотря на это фактически армян здесь намного больше. По этой причине в Тифлисе господствующая церковь должна быть православная, и здесь высшим представителем церкви должен быть предводитель грузинской церкви. Только он имеет право торжественно взойти на кафедру церкви в Тифлисе. Проявленные мирские, почти царские, почеты католику были ошибочные и неподобающие, а проявленное в церкви почтение является посягательством по отношению к правам католической церкви»¹⁸.

Как было отмечено, в русских общественных кругах укоренилась точка зрения о кавказском сепаратизме. Но русским оставалось либо закрыть глаза на это, поскольку сохранялись стратегические интересы, либо ликвидировать сформировавшуюся систему. Это и было предпринято князем Голицыным. Как пишет А. Сарикян, в это время начинается стремительное переселение и обрусение края: «Голицын принял должность религиозного миссионера. В Эривани основал великолепный православный храм, где основал алтарь и перенес туда мощи Григория Просветителя и католика». «Простодушный думал этим армян связать с этой церковью и пригласить их к православию. В Игдире и Вагаршапате выделил самые хорошие земельные участки, чтобы воздвигнуть русские церкви, в каждой из которых не было 5–10 православных»¹⁹. Но эта инициатива не дала положительного результата.

Голицын в своей армянофобии пошел настолько далеко, что даже запретил употреблять слово «термометр», потому что его начальный слог «тер» по созвучию напоминал армянскую фамилию «Тер». Он требовал употреблять слово «градусник». «Я так сделаю, что через 40–50 лет в Кавказе армянина можно будет увидеть только в музее»²⁰. Голицыну везде мерещи-

¹⁷ Победоносцев К. П. и его корреспонденты. С. 516.

¹⁸ Там же. С. 516.

¹⁹ НАА. Ф. 4047. Оп. 2. Д. 11. Л. 105.

²⁰ Сарикян А. Воспоминания: 1887–1924 гг. Ереван, 2015. С. 35 (на арм. яз.).

лись армянские революционные и сепаратистские движения. В 1898 г. он лично едет в Петербург и докладывает Николаю II: «Армянское движение имеет цель восстановить минувшую независимость Армении. Это движение ограничено в селах и городах только среди интеллигенции и армянского духовенства. Жители сел пока не заражены»²¹. Для достижения своих целей Голицын прибегал к любым средствам. Так, в 1901 г. он явился на заседание Совета министров и предложил: «Средство обрусения Кавказа и раз и навсегда искоренения армянского опасного сепаратизма: переселить всех армян Кавказа в Сибирь и на их месте обосновать переселенных православных из внутренних губерний»²². Неслучайно, что на армянофобию князя Голицына армянские революционеры ответили покушением.

Изменив порядок насильственного обрусения края, новый наместник Кавказа граф И. И. Воронцов-Дашков с удовлетворением отмечал, что в Закавказье «нет сепаратизма отдельных народов и нет всекавказского сепаратизма... Нельзя указывать на случаи сопротивления преподавания русского языка. ...Ярким примером являются армянские церковные школы, где преподавание русского языка вовсе не обязательно, но преподается»²³. Итак, население Кавказа снова превращается в лояльных подданных империи. Однако, несмотря на то обстоятельство, что, начиная с 1860-х гг. русская власть все свои усилия направила на установление в крае мира и внутреннего порядка, стремясь создать определенную защищенность личности и имущества, чтобы таким образом подготовить благоприятную почву для распространения в среде покоренных местных жителей принципов русского гражданства и культуры, Закавказье для русских продолжало оставаться конфликтоопасной территорией.

Процесс ассимиляции продвигался очень медленно, а для санкций и притеснения местных жителей абсолютно не было причин. Народ делал все от себя зависящее, чтобы не раздражать власти, и русские, здраво анализируя ситуацию, были вынуждены признать лояльность местного населения. В свое время царская администрация отказалась создать в крае систему протекторского правления, но фактически применя-

²¹ НАА. Ф. 4047. Оп. 2. Д. 11. Л. 105.

²² Сарикян А. Указ. соч. С. 240.

²³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1223. Л. 6.

лась именно эта система, хотя и в неудобном для русских виде. Можно сказать, получилась своеобразная искаженная и непрочная форма протектората, которая и привела к голицынскому правлению и осложнениям в виде «кавказского беспорядка». Воронцов-Дашков в одном из своих докладов пишет: «Начиная приблизительно с 80-х годов [XIX в. — С. А.]... административный состав Кавказа перестал обращать необходимое внимание на духовную жизнь покоренных народов, мало интересовался их бытом, мало углублялся в реальные и неотложные потребности местного населения, никогда не спешил осуществить мероприятия для улучшения материального положения его бедноты и, как ни странно, почти совсем не заботился об укреплении в Кавказе русской власти и влияния. В течение всего этого времени кавказской власти, благодаря ряду строгих административных мер, удалось обеспечить внешнее спокойствие, создавая этим в крае иллюзию внутреннего порядка и благосостояния»²⁴.

Край был покорен, но окончательно так и не стал Россией. При этом Закавказье и не было врагом. Оно не вписывалось в образ врага русского народа и Российского государства, против кого следовало применять силу. Неслучайно Голицын подвергся остракизму со стороны русской общественности и большинства членов правительства.

Источники

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1223.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 12.

НАА. Ф. 113. Оп. 3. Д. 448.

НАА. Ф. 113. Оп. 3. Д. 83.

НАА. Ф. 4047. Оп. 2. Д. 11.

Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Т. 2. М., 1960.

Катков М. Н. Идеология охранительства. М., 2009.

Кауфман А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.

Хорен архиерей Ханзадян. Воспоминания и впечатления: 1919 г. (на арм. яз.). [Электронный ресурс]: URL: <http://operativ.am/?p=73966> (дата обращения: 12.04.2018).

Сарикян А. Воспоминания: 1887–1924 гг. Ереван, 2015 (на арм. яз.).

Победоносцев К. П. и его корреспонденты. М. — Пг., 1923.

²⁴ НАА. Ф. 113. Оп. 3. Д. 83. Л. 1–2.

Литература

Социально-политическое и экономическое положение Восточной Армении после присоединения к России (1830-1870). Ереван, 1993.

Агаджанян Самвел Шарбатович, кандидат исторических наук, доцент (Ванадзорский государственный педагогический институт им. Ованеса Туманяна, г. Ванадзор, Армения); эл. почта: saghajanyan@yandex.com.

The Attitude of Russian Conservative Figures towards the Armenian “Separatism” at the End of the 19th – the Beginning of the XX Centuries

The economic and political colonization of the region began after uniting Transcaucasia and Eastern Armenia with the Russian Empire. Taking up the process of making Transcaucasia part of the Russian Empire, Tsar Officials realized the importance of having reliable support. The expansion of the Empire to the detriment of the adjacent territories wasn't only limited to military and political penetration. It was also a complex process of making these areas part of Russia. The establishment of new state borders didn't put an end to the policy carried out by the Empire. Rather, it moved on to a long-lasting phase of incorporating into the newly occupied territories and peoples in the all-imperial area. It is not a secret that Transcaucasia and Eastern Armenia were of great strategic importance to Russia. Thus, no wonder that the policy of Russia in Transcaucasia was largely preconditioned by military-strategic perspectives. The homogeneity between the population of the region and the metropolis seemed to be superficial in terms of Christian faith, a good command of the Russian language, an active participation in state affairs and wars for welfare of Russia. However, the relationship between them remained distant. Such state of affairs provoked anxiety among different social segments of society in Russia; thereby germinating the possible separatism of Caucasus. The loyal attitude of the local Russian authorities towards Armenians and particularly the Armenian Apostolic Church greatly worried Pobedonostsev who was one of the most prominent figures in Russian conservatism. As mentioned above, the position on Caucasian separatism among different Russian social groups and segments became deep-rooted. The Russians had to either close their eyes to it as the strategic interests were protected or they had to eliminate the established system. The region was conquered but it did not become entirely Russian. At the same time, it did not have the image of the enemy against which the Russians should use any force.

Key words: Transcaucasia, Eastern Armenia, separatism, K. P. Pobedonostsev, G. S. Golitsyn, I. I. Vorontsov-Dashkov, M. N. Katkov.

Samvel Aghajanyan, Associate Professor, Candidate of Historical Sciences (Vanadzor State Pedagogical Institute named after Hovhannes Tumanyan; Vanadzor, Armenia); e-mail: saghajanyan@yandex.com.

References

- Vitte S. Yu. Vospominaniya. V 3 t. T. 2. M., 1960.
- Katkov M. N. Ideologiya ohranitel'stva. M., 2009.
- Kaufman A. Pereselenie i kolonizaciya. SPb., 1905.
- Horen arhierej Hanzadyan. Vospominaniya i vpechatleniya: 1919 g. (na arm. yaz.). [Elektronnyj resurs]: URL: <http://operativ.am/?p=73966> (data obrashcheniya: 12.04.2018).
- Sarikyan A. Vospominaniya: 1887-1924 gg. Erevan, 2015 (na arm. yaz.).
- Pobedonoscev K. P. i ego korrespondenty. M. — Pg., 1923.
- Social'no-politicheskoe i ehkonomicheskoe polozhenie Vostochnoj Armenii posle prisoedineniya k Rossii (1830-1870). Erevan, 1993.

Хришкевич Т. Г.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ОБЪЕДИНЕННОЙ ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИСПРОПОРЦИИ ГОСУДАРСТВА¹

В статье представлен анализ школьного образования ФРГ во взаимосвязи с уровнем социально-экономического развития регионов. Статья обращается к реформам образования, введению стандартов, обязательных для всех федеральных земель и их влиянию на доступность и качество образования. Статья анализирует сохраняющийся разрыв земель по таким показателям, как уровень зарплат учителей, обеспечение педагогическими кадрами, финансовые возможности школ. Особое внимание уделено исследовательской программе «Новая социальная рыночная экономика» (INSM), которая проводит ежегодный мониторинг состояния образования в ФРГ. Его задача состоит в изучении влияния образовательной системы на рост экономики земель. Автор также рассматривает аспекты «образовательной бедности» и ее взаимосвязь с уровнем компетентности выпускников, относительной бедностью населения и миграционной ситуацией в стране.

Ключевые слова: ФРГ, система образования, региональная диспропорция, мониторинг образования, образовательная бедность.

Объединение Германии в 1990 г. поставило перед правительством целый спектр задач, одной из которых являлось перенесение западных социальных норм на Восточную Германию. На протяжении следующих лет единства был проведен значительный комплекс реформ, одной из которых стало совершенствование системы образования. Структурные изменения в этой области шли параллельным курсом с реформами федеративной системы (2006 и 2009 гг.), меняя соотношение компетенций между федеральным центром и землями. Передача образования в сферу компетенции земель до некоторой степени поставила его в зависимость от материальных возмож-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, исследовательский проект № 17-01-00190-ОГН «Региональная диспропорция современной Германии: сравнительный анализ социальных индикаторов».

ностей субъектов федерации. К настоящему времени земли (с участием муниципалитетов) финансируют почти 86 % всех государственных расходов на образование в целом. Учитывая сохраняющуюся социально-экономическую региональную диспропорцию между восточными и западными землями, их возможности в сфере образования оказались различными.

Федеральное агентство по гражданскому образованию ФРГ (Die Bundeszentrale für politische Bildung, BPB) при оценке уровня развития государства использует образование как социальный индикатор наряду с такими показателями, как бедность, продолжительность жизни, энергопотребление на душу населения и здравоохранение². Сотрудник Фонда имени Ф. Эберта Л. Витте предлагает рассматривать грамотность населения в числе 10 основных социальных индикаторов, характеризующих социальное развитие государства³: ВВП на душу населения, здоровая средняя продолжительность жизни, уровень относительной бедности населения, количество осужденных взрослых и др. Социальные индикаторы могут являться также показателем региональной диспропорции государства, позволяя раскрыть ее социально-экономические аспекты.

Важность темы образования для объединенной Германии подтверждает интерес, появившийся в общественно-политическом дискурсе по результатам переписи населения, проведенной в 2011 г. (Zensus 2011). Перепись показала, что 3,2 млн. человек, проживающих в стране, не имели законченного школьного образования. Это составило 4,7 % от общей численности населения. 26,6 % не имели законченного профессионального образования. Только 35,9 % населения старше 15 лет закончили основную среднюю школу или восемь классов народной школы (Volksschulabschluss), а 28,9 % закончили реальное училище (Realschule)⁴. Таким образом, во-

² Soziale Indikatoren. [Elektronische Ressource]: URL: <http://www.bpb.de/internationales/weltweit/megastaedte/64756/soziale-indikatoren> (Behandlungsdatum: 27.04.2018).

³ Храпцов А. Ф. Роль социального государства в развитии общества // Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М. В. Каргаловой. М., 2011. С. 209–210.

⁴ Bildung der Bevölkerung. Ausgewählte Tabellen des Zensus mit Stichtag 9. Mai 2011 / Erwerbstätigkeit, Bildung. [Elektronische Ressource]: URL: https://www.destatis.de/DE/Methoden/Zensus_/Zensus.html (Behandlungsdatum: 10. 04.2018).

прос о том, какая федеральная земля имеет лучшую систему образования, до сегодняшнего дня продолжает оставаться на повестке дня.

Трансформация системы школьного образования в начале XXI в. шла по целому ряду направлений: реструктуризация трехуровневой системы средних общеобразовательных школ, сокращение продолжительности обучения, разработка общеобразовательных стандартов. Несмотря на рост финансирования (например, в 2014 г. он составил в совокупности 267 млрд евро, а в 2015 г. — 275 млрд евро⁵), в сфере образования сохраняется целый ряд проблем. Стандарты образования, признанные обязательными для всех федеральных земель и ориентированные на международные стандарты качества, должны были увеличить единообразие при проведении выпускных школьных экзаменов. Их цель — повышение сравнимости требований и трудовой мобильности семей⁶. Стандарты, разработанные Конференцией министров культуры для начальной и средней школы в 2004 и 2007 гг.⁷ ставили целью не только содержательные, но и управленческие новации. Несмотря на преобразования, в ФРГ по-прежнему существуют 16 моделей школьного образования.

Необходимость продолжения и углубления реформ в данной области подтвердили результаты переписи населения. Решение этих задач стало целью как государства, так и отдельных земель. Причем если унификация выпускных экзаменов постепенно выравнивает земли, то материальные аспекты менеджмента школьного образования сохраняют региональную дифференциацию в таких вопросах как: обеспеченность педагогическими кадрами; материально-техническая база (невозможность систематического ремонта школьных зданий,

⁵ Budget für Bildung, Forschung und Wissenschaft 2014/2015. [Elektronische Ressource]: URL: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/BildungForschungKultur/BildungKulturFinanzen/BildungsausgabenPDF_5217108.pdf?__blob=publicationFile (Behandlungsdatum: 09.04.2018).

⁶ Романова Е. В. Немецкие реформы в сфере образования и науки в XXI веке // Современная Германия. Экономика и политика / Под ред. В. Б. Белова. М., 2015. С. 161.

⁷ Bildungsstandards der Kultusministerkonferenz. [Elektronische Ressource]: URL: <https://www.kmk.org/themen/qualitaetssicherung-in-schulen/bildungsstandards.html#c2604> (Behandlungsdatum: 09.04.2018).

оснащение компьютерной техникой, качество школьного питания); сохраняющаяся разница в оплате учителей; продолжительность пребывания учеников в школах и др.

Анализ содержания региональной диспропорции по данным аспектам показывает сохраняющийся разрыв между землями, однако, не являющийся резко полярным. Так, уровень зарплат учителей гимназий на востоке и западе Германии отличается, но незначительно. В частности, по данным портала государственной службы ФРГ в 2017 г. Северном Рейн-Вестфалии она составляла 4 048 евро в месяц, в Баварии — 4 032, в Бремене — 3 979, Гессене — 3 919 евро. В восточных землях самые низкие зарплаты в Мекленбурге-Передней Померании — 3 613, Тюрингии — 3 881 евро. В то же время, самые высокие зарплаты у учителей в Берлине — 5 000 евро⁸.

Более заметна связь экономического положения регионов с проблемами образования в вопросах обеспечения педагогическими кадрами. Здесь присутствует общая для рынка труда тенденция — изменение численности занятых на неполный рабочий день. На востоке, например, в Саксонии-Анхальт их количество составляет 75 % от доли штатных преподавателей, тогда как в Баден-Вюртемберге и Баварии менее 50 %. Большая часть занятых на неполный рабочий день это женщины: в восточногерманских землях 67–78 %, в западногерманских — 51–58 % (по данным за 2014 г.)⁹. Обеспеченность педагогическим кадрами взаимосвязана с формальными показателями: разницей в количестве населения, школ и учащихся.

Регистрируется разрыв между финансовыми возможностями школ, так как почти все объекты находятся в государственной собственности федерального правительства, земель и муниципалитетов. В целом, ежегодные потребности на поддержание школ в хорошем состоянии составляют десятки миллиардов евро.

⁸ Einstiegsgehälter von angestellten und verbeamteten Lehrern je Bundesland. [Elektronische Ressource]: URL: <http://www.oeffentlichen-dienst.de/images/pdf/Jahresgehalt.pdf> (Behandlungsdatum: 09.03.2018).

⁹ Bildung in Deutschland 2016. Ein indikatorengestützter Bericht mit einer Analyse zu Bildung und Migration.KG, Bielefeld, 2016. S. 85. [Elektronische Ressource]: URL: <https://www.bildungsbericht.de/de/bildungsberichte-seit-2006/bildungsbericht-2016/pdf-bildungsbericht-2016/bildungsbericht-2016> (Behandlungsdatum: 09.03.2018).

С 2004 г. Институт немецкой экономики в Кельне (IW) в рамках исследовательской программы «Новая социальная рыночная экономика» (INSM) проводит ежегодный мониторинг состояния образования в ФРГ, задача которого выявить насколько образовательная система земли способствует росту и процветанию экономики земель¹⁰. Мониторинг использует 93 показателя, включая доступность школы в течение дня, количество бросивших школы, численность докторов наук, которые пришли преподавать в школу из университета, качество успеваемости и многое другое. Первостепенное значение отводится показателям, способствующим интеграции выпускников в рынки труда. Таким образом, индикаторы измеряют как аспекты образовательной справедливости, так и импульсы системы образования для укрепления экономической базы федеральных земель. В результате исследование предлагает выводы о том, какая земля достигла значительных улучшений в системе образования. Так, по данным мониторинга в 2017 г. наиболее эффективны образовательные системы в Саксонии, Тюрингии, Баварии и Баден-Вюртемберге, Гамбурге и Сааре.

Например, индикатор «доля выпускников школ» дает информацию о выпускниках, не получивших диплома об образовании. По этому показателю на протяжении ряда лет лидируют земли Восточной Германии¹¹. По данным за 2016–2017 гг. на первом месте находится Саксония-Анхальт (10,3 %), на втором Берлин (9,6 %), на третьем Мекленбург-Передняя Померания (8,3 %). Далее идут Саксония (8,2 %) и Бранденбург (7,5 %). Лучшие показатели демонстрируют Гессен (4,1 %), Бавария и Саар (по 4,6 %). Интересен индикатор «профессиональное образование», который свидетельствует о вкладе системы профессионального образования в улучшение возможностей выпускников на рынках труда, о повышении уровня их подготовки и степени квалификации. Наиболее успешной выглядит ситуация в большинстве западногерманских

¹⁰ Wo stehen die Bundesländer beim Bildungscheck? [Elektronische Ressource]: URL: <http://www.insm-bildungsmonitor.de> (Behandlungsdatum: 27.04.2018).

¹¹ Bildungsgipfel-Bilanz 2014. Die Umsetzung der Ziele des Dresdner Bildungsgipfels vom 22. Oktober 2008. S.8. [Elektronische Ressource]: URL: https://www.bundestag.de/blob/374892/5cc5464897317e054bd5221b3bcf67a0/vorlage_expertise-bildungsgipfel-data.pdf (Behandlungsdatum: 10.04.2018).

земель: лидирует Бавария (73,7 %), затем Баден-Вюртемберг (56,9 %), Тюрингия (56,8 %), Бремен (54,1 %), Гамбург (53,0 %). В тоже время худший показатель демонстрирует западный Северный Рейн-Вестфалия (18,4%) и восточные земли – Берлин (31,1 %), Бранденбург (34,9 %), Саксония-Анхальт (39,7 %) ¹². Вывод мониторинга констатирует: «По всей стране прогресс в системе образования пока не достигнут, по ключевым показателям отмечаются даже обратные шаги». В качестве вероятной причины указывается рост числа учеников с «ограниченными возможностями чтения» ¹³.

В связи с этим возникает закономерный вопрос о причине подобного явления. Возможный ответ дает один из самых часто встречающихся индикаторов, упоминаемый в мониторингах ¹⁴ и научных публикациях ¹⁵. Это так называемая *Bildungsarmut* – «образовательная бедность», понимаемая довольно широко. Она трактуется как жизнь в нестабильной ситуации, а также как бедность родителей, которая ограничивает возможности школьника/выпускника. Нередко она понимается как крайне низкий уровень компетентности, вплоть до полной неграмотности. Авторы работ, посвященных образовательной бедности подчеркивают, что неравенство в образовании приводит к массовым социальным отклонениям, таким как исключение из нормальных интеграционных процессов ¹⁶.

Мониторинг программы INSM по показателю *Bildungsarmut* использует трактовку «трудности с перехо-

¹² Bestandsranking, sortiert nach Berufliche Bildung. [Elektronische Ressource]: URL: http://www.insm-bildungsmonitor.de/2017_best_i_berufliche-bildung---arbeitsmarktorientierung.html (Behandlungsdatum: 27.04.2018).

¹³ Bildungsmonitor 2017. Eine Bildungsagenda für mehr Wachstum und Gerechtigkeit. [Elektronische Ressource]: URL: http://www.insm-bildungsmonitor.de/pdf/Forschungsbericht_BM_Langfassung.pdf (Behandlungsdatum: 27.04.2018).

¹⁴ Bestandsranking, sortiert nach Bildungsarmut. [Elektronische Ressource]: URL: http://www.insm-bildungsmonitor.de/2017_best_i_bildungsarmut.html (Behandlungsdatum: 27.04.2018).

¹⁵ Voigt M. Bildungsarmut: Determinanten, Herkunftseffekte und Mechanismen des Hauptschulübertritts. Springer Fachmedien. Wiesbaden, 2017.

¹⁶ Bildungsreform als Sozial reform Zum zusammenhang von Bildungs- und Sozialpolitik / Hrsg. M. Opielka. Wiesbaden, 2005. S. 46.

дом в трудовую жизнь из-за отсутствия компетентности»¹⁷. В данном случае явной региональной зависимости «восток-запад» не прослеживается. Наиболее позитивной выглядит ситуация в Саксонии, где 97,5 % выпускников не испытывают трудности в дальнейшем определении уровня образования и трудовой деятельности. На втором месте находится Бавария (90,4 %). Далее идут Бранденбург (79,2 %), Тюрингия (79,1 %), Саксония-Анхальт (74,6 %), Шлезвиг-Гольштейн (71,3 %), Мекленбург-Передняя Померания (71,3 %), Рейнланд-Пфальц (65,9 %), Баден-Вюртемберг (65,0 %), Саар (63,2 %). Замыкают список Нижняя Саксония (61,8 %), Гессен (60,8 %), Северный Рейн-Вестфалия (47,6 %), Гамбург (41,8 %), Бремен (24,9 %), Берлин (16,4 %). Таким образом, прямой зависимости между индикаторами «профессиональное образование» и «образовательная бедность» у земель нет.

Близкие, но не идентичные показатели демонстрирует Программа международной оценки студентов (Programme for International Student Assessment, PISA). Международный мониторинг обратился к качеству образования в ФРГ в 2000 г. В рейтинге Германия заняла 21 место из 32 стран. На протяжении ряда лет исследование анализировало школьников различных федеральных земель. За основу были взяты такие параметры как грамотность, понимание текстов, математическое и естественно научное базовое образование, коммуникационные навыки. По итогам авторы исследования высказали гипотезу о взаимосвязи между уровнем относительной бедности населения в землях и долей малообразованных учащихся¹⁸. Согласно данным Института германской экономики в Кельне, по уровню бедности в Германии «лидируют» восточные земли: Берлин, Саксония-Анхальт, Саксония, Мекленбург-Передняя Померания. В целом, показатель уровня бедности на западе ФРГ заметно ниже, чем на востоке, что объясняется большими возможностями для трудоустройства и более высоким уровнем доходов. Так, в Северном Рейн-Вестфалии за чертой уровня бедности находится 17,5 % населения (по данным 2015 г.), в Баварии – 11,6 %, в Баден-Вюртемберге – 11,8 %. В то время как

¹⁷ Dynamikranking, sortiert nach Bildungsarmut. [Elektronische Resource]: URL: http://www.insm-bildungsmonitor.de/2017_dyn_i_bildungsarmut.html (Behandlungsdatum: 27.04.2018).

¹⁸ Voigt M. Op. cit. S. 36.

на Востоке: в Берлине — 22,4 %, Саксонии — 18,6 %, Мекленбург-Передней Померании — 21,7 %¹⁹. Однако в какой степени уровень доходов семьи влияет на посещаемость школы и качество успеваемости исследование не показало. Подобные вопросы только ставятся, но пока недостаточно эмпирических данных для объективных выводов.

Наиболее очевидно влияние *Bildungsarmut* в миграционном контексте. Учитывая такие факторы как более высокий уровень безработицы у лиц с миграционным фоном и более низкий уровень доходов семей, детей мигрантов возможно рассматривать как группу риска. Так, например, на основе официальной статистики федеральной земли Баден-Вюртемберг выявляется существенное неравенство между учащимися с миграционным фоном и без него. Только 58,9 % детей мигрантов переходят из начальной школы в основную²⁰.

В мониторинге INSM коэффициент отсева детей с миграционным фоном показывает, как изменилась доля выпускников школ без диплома по отношению к общему количеству выпускников школ между 2013 и 2017 гг. Положительная динамика отмечена в Мекленбурге-Передней Померании. Здесь на 78,3 % увеличилось количество школьников из семей с миграционным фоном, получивших аттестат об окончании школы. На втором месте находится Гессен (28,2 %), далее следуют Бремен (17,4 %), Гамбург (16,2 %), Бранденбург (12,5 %), Баден-Вюртемберг (10,6 %), Нижняя Саксония (10 %), Северный Рейн-Вестфалия (1,8 %). Отрицательную динамику, т. е. увеличение числа окончивших без диплома демонстрируют Тюрингия (60,8 %), Берлин (47,9 %), Саксония-Анхальт (42,3 %), Саксония (24,3 %), Бавария (23,1 %), Саар (13,3 %), Шлезвиг-Гольштейн (10,2 %), Рейнланд-Пфальц (8,2 %)²¹. Следует подчеркнуть, что эти результаты не связаны с общим числом мигрантов в землях. Восточная Германия имеет меньше всего лиц с миграционным фоном (за исключением Берлина, их об-

¹⁹ Armer Osten, arme Großstädte. [Elektronische Ressource]: URL: <https://de.statista.com/infografik/8305/armut-in-deutschland> (Behandlungsdatum: 16.04.2018).

²⁰ Voigt M. Op. cit. S. 38.

²¹ Dynamikranking, sortiert nach Schulabbrecherquote Ausländer. [Elektronische Ressource]: URL: http://www.insm-bildungsmonitor.de/2017_dyn_i_schulabbrecherquote-auslaender.html (Behandlungsdatum: 27.04.2018).

щая численность насчитывает не более 5 % от общей численности населения в каждой земле)²².

Нельзя отрицать тот факт, что отсутствие образования влияет не только на перспективы на рынке труда и, как следствие, на уровень доходов, но и на интеграцию в общество и будущий социальный статус. В первую очередь, этот тезис касается людей с высшим профессиональным образованием. По данным исследования INSM доход людей, получивших профессиональное образование на 143 тыс. евро выше, чем доход лиц без профессиональной квалификации. Для выпускников училищ разница составляет 267 тыс. евро, для выпускников университетов – 387 тыс. евро²³. Однако школьное образование является стартом при выборе жизненного пути, без него поступление в университет невозможно. Уровень образования общества имеет решающее значение: чем он выше, тем выше стабильность занятости и доходов. Раннее детское образование также важно для индивидуального развития детей и имеет решающее значение, как для них, так и для региона. Таким образом, чем лучше образование в регионе, тем более выпускники способствуют процветанию общества. Одновременно с этим тесно связана проблема интеграции детей-мигрантов.

Реформы образования в ФРГ являются одной из граней общего федерального плана выравнивания жизненных стандартов в новых землях до уровня Западной Германии и, в частности, программы “Aufbau Ost”. Понимание взаимосвязи уровня образования с экономическим потенциалом регионов привело к тому, что в главном инструменте региональной политики ФРГ – Пакте солидарности II²⁴ ведущее место отводится финансированию инноваций, образования и научных исследований²⁵. В 2008 г. в Дрездене состоялся Образовательный

²² Migrantenanteil in Deutschland nach Bundesländern. [Elektronische Ressource]: URL: http://www.statistik-portal.de/BevoelkGebiet/Indikator/BV-BS_migranten.asp (Behandlungsdatum: 27.04.2018).

²³ Bildungsmonitor 2017. Eine Bildungsagenda für mehr Wachstum und Gerechtigkeit. S. 58. [Elektronische Ressource]: URL: http://www.insm-bildungsmonitor.de/pdf/Forschungsbericht_BM_Langfassung.pdf (Behandlungsdatum: 27.04.2018).

²⁴ Solidarpakt II – программа финансирования Восточной Германии. Действует с 2005 г. по 2019 г. Является продолжением Solidarpakt I. Состоит из двух частей, так называемых Корзины I и Корзины II. Общая сумма выделяемых средств составляет 156 млрд евро.

²⁵ Jahresbericht der Bundesregierung zum Stand der Deutschen Ein-

саммит (Dresdner Bildungsgipfel), который принял решение об увеличении общей суммы дополнительных расходов до 10 % от ВВП. В первую очередь средства должны были пойти на школьное образование и решение как материальных, так и управленческих задач. Например, на обеспечение устойчивой кадровой политики, медицинской помощи в школах и др. Что в совокупности должно было решить первоочередную задачу Германии – демографическую, особенно заметную в Восточной Германии. Спустя шесть лет, в 2014 г. в бундестаге прошли слушания по итогам выполнения решений Саммита, которые констатировали: «Социальный дисбаланс остается ахиллесовой пятой нашей образовательной системы. Число молодых людей без школьной и профессиональной квалификации остается удручающе высоким... Демографические изменения приводят к сокращению числа трудящихся. Работа, требующая низкой квалификации исчезает... Экономические структурные изменения и технологическое развитие приводят к увеличению требований к навыкам всех сотрудников. Почти все образовательные исследования говорят, что нужно делать: вкладывать средства в качество обучения в раннем детстве... Нам нужно больше хороших школ с мульти-профессиональными командами»²⁶. Данные образовательного аудита показали, что в 2013 г. было не только заметно число выпускников школ без диплома, но и выявилась очевидная региональная диспропорция: на востоке их количество было несколько больше²⁷. Свое решение проблемы предложил директор исследования INSM Хуберт Пелленгар. Учитывая демографическую ситуацию, растущую образовательную бедность, темпы интеграции и особенности цифровой экономики, необходимо увеличивать конкуренцию между системами образования в федеральных землях²⁸.

heit 2017. [Elektronische Ressource]: URL: https://www.beauftragterneue-laender.de/BNL/Redaktion/DE/Downloads/Publikationen/Berichte/jahresbericht_de_2017.html (Behandlungsdatum: 10.04.2018).

²⁶ Bildungsgipfel-Bilanz 2014. Die Umsetzung der Ziele des Dresdner Bildungsgipfels vom 22. Oktober 2008. S. 3. [Elektronische Ressource]: URL: https://www.bundestag.de/blob/374892/5cc5464897317e054bd5221b3bcf67a0/vorlage_expertise-bildungsgipfel-data.pdf (Behandlungsdatum: 10.04.2018).

²⁷ Ibid. S. 8.

²⁸ Fortschritt der Länder stagniert – umfassende Bildungsagenda notwendig! [Elektronische Ressource]: URL: <http://www.insm-bildungs->

Состояние образования как социальный индикатор не демонстрирует глубокой региональной диспропорции. Реформы и последовательное выполнение намеченных целей в реализации общенациональных стандартов приводят к тому, что социальная среда все менее влияет на учащихся. Нельзя отрицать положительного воздействия реформ на доступность и качество образования. Введение общенациональных стандартов образования в ФРГ успешно решают три задачи: обеспечить индивидуальное образование и культурную интеграцию, предоставить квалификацию, необходимую для рабочего и профессионального мира, распределить имеющиеся вакансии в соответствии со способностью и возможностями выпускников. Региональная диспропорция постепенно исчезает, сохраняясь преимущественно в диапазоне предметов, типов школ или заключительных экзаменах в гимназиях. В тоже время нельзя отрицать необходимости решения на региональном уровне таких проблем, как сокращение числа молодых людей без свидетельства об окончании школы, сокращение числа молодых людей, не прошедших профессиональную подготовку, расширение участия земель в дальнейшем обучении школьников, увеличение численности учащихся, рост расходов на образование.

Источники

Armer Osten, arme Großstädte. [Elektronische Ressource]: URL: <https://de.statista.com/infografik/8305/armut-in-deutschland> (Behandlungsdatum: 16.04.2018).

Bestandsranking, sortiert nach Berufliche Bildung / Arbeitsmarktorientierung [Elektronische Ressource]: URL: http://www.insm-bildungsmonitor.de/2017_best_i_berufliche-bildung---arbeitsmarktorientierung.html (Behandlungsdatum: 27.04.2018).

Bestandsranking, sortiert nach Bildungsarmut. [Elektronische Ressource]: URL: http://www.insm-bildungsmonitor.de/2017_best_i_bildungsarmut.html (Behandlungsdatum: 27.04.2018).

Bildungsgipfel-Bilanz 2014. Die Umsetzung der Ziele des Dresdner Bildungsgipfels vom 22. Oktober 2008. S. 3. [Elektronische Ressource]: URL: <https://www.bundestag.de/blob/374892>

www.insm-bildungsmonitor.de/pdf/bildungsmonitor-2017-bundesweit.pdf (Behandlungsdatum: 27.04.2018).

- /5cc5464897317e054bd5221b3bcf67a0/vorlage_expertise-bildungsgipfel-data.pdf (Behandlungsdatum: 10.04.2018).
- Bildungsmonitor 2017. Eine Bildungsagenda für mehr Wachstum und Gerechtigkeit. [Elektronische Ressource]: URL: http://www.insm-bildungsmonitor.de/pdf/Forschungsbericht_BM_Langfassung.pdf (Behandlungsdatum: 27.04.2018).
- Bildung der Bevölkerung. Ausgewählte Tabellen des Zensus mit Stichtag 9. Mai 2011 /Erwerbstätigkeit, Bildung. [Elektronische Ressource]: URL: https://www.destatis.de/DE/Methoden/Zensus_/Zensus.html (Behandlungsdatum: 10.04.2018).
- Bildung in Deutschland 2016. Ein indikatorengestützter Bericht mit einer Analyse zu Bildung und Migration. KG, Bielefeld, 2016. S. 85. [Elektronische Ressource]: URL: <https://www.bildungsbericht.de/de/bildungsberichte-seit-2006/bildungsbericht-2016/pdf-bildungsbericht-2016/bildungsbericht-2016> (Behandlungsdatum: 09.04.2018).
- Bildungsstandards der Kultusministerkonferenz. [Elektronische Ressource]: URL: <https://www.kmk.org/themen/qualitaets-sicherung-in-schulen/bildungsstandards.html#c2604> (Behandlungsdatum: 09.04.2018).
- Budget für Bildung, Forschung und Wissenschaft 2014/2015. [Elektronische Ressource]: URL: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/BildungForschungKultur/BildungKulturFinanzen/BildungsausgabenPDF_5217108.pdf?__blob=publicationFile (Behandlungsdatum: 09.04.2018).
- Dynamikranking, sortiert nach Bildungsarmut. [Elektronische Ressource]: URL: http://www.insm-bildungsmonitor.de/2017_dyn_i_bildungsarmut.html (Behandlungsdatum: 28.04.2018).
- Dynamikranking, sortiert nach Schulabbrecherquote Ausländer. [Elektronische Ressource]: URL: http://www.insm-bildungsmonitor.de/2017_dyn_i_schulabbrecherquote-auslaender.html (Behandlungsdatum: 27.04.2018).
- Einstiegsgehälter von angestellten und verbeamteten Lehrern je Bundesland. [Elektronische Ressource]: URL: <http://www.oeffentlichen-dienst.de/images/pdf/Jahresgehalt.pdf> (Behandlungsdatum: 09.04.2018).
- Fortschritt der Länder stagniert – umfassende Bildungsagenda notwendig! [Elektronische Ressource]: URL: <http://www.insm-bildungsmonitor.de/pdf/bildungsmonitor-2017-bundesweit.pdf> (Behandlungsdatum: 27.04.2018).

Jahresbericht der Bundesregierung zum Stand der Deutschen Einheit 2017. [Elektronische Ressource]: URL: https://www.beauftragter-neue-laender.de/BNL/Redaktion/DE/Downloads/Publikationen/Berichte/jahresbericht_de_2017.html (Behandlungsdatum: 10.04.2018).

Migrantenanteil in Deutschland nach Bundesländern. [Elektronische Ressource]: URL: http://www.statistik-portal.de/BevoelkGebiet/Indikatoren/BV-BS_migranten.asp (Behandlungsdatum: 27.04.2018).

Wo stehen die Bundesländer beim Bildungscheck? [Elektronische Ressource]: URL: <http://www.insm-bildungsmonitor.de> (Behandlungsdatum: 27.04.2018).

Литература

Романова Е. В. Немецкие реформы в сфере образования и науки в XXI веке // Современная Германия. Экономика и политика / Под общ. ред. В. Б. Белова. М., 2015. С. 159–189.

Храмцов А. Ф. Роль социального государства в развитии общества // Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М. В. Каргаловой. М., 2011. С. 186–224.

Bildungsreform als Sozial reform Zum zusammenhang von Bildungs- und Sozialpolitik. Wiesbaden, 2005.

Soziale Indikatoren. [Elektronische Ressource]: URL: <http://www.bpb.de/internationales/weltweit/megastaedte/64756/soziale-indikatoren> (Behandlungsdatum: 27.07.2017).

Voigt M. Bildungsarmut: Determinanten, Herkunftseffekte und Mechanismen des Hauptschulübertritts. Springer Fachmedien. Wiesbaden, 2017.

Хришкевич Татьяна Георгиевна, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения, кандидат исторических наук, доцент (Псковский государственный университет, Псков, Россия); эл. почта: faschoda@mail.ru.

The System of Education in United Germany in the Context of the Regional Disproportion of the State

The article presents the analysis of the German school education in relation to the level of social and economic development of the regions. The article addresses education reforms, the introduction of standards mandatory for all federal lands and their impact on the accessibility and quality of education. Despite the reforms, there is still a gap in terms of such indicators as the level of teachers' salaries, the provision of pedagogical

personnel, and the financial capabilities of schools. Particular attention is paid to the research program “New social market economy” (INSM), implemented by the Institute of German Economics in Cologne. The annual monitoring of the study analyzes the state of education in the FRG. Its task is to study the influence of the educational system on the growth of the land economy. The article also examines aspects of educational poverty and its relationship with the level of graduates' competence, relative poverty of the population and the migration situation in the country. The state of education as a social indicator does not demonstrate a significant regional imbalance. Reforms and consistent implementation of the goals set in the implementation of national standards lead to the fact that the social environment is increasingly affecting students. It is impossible to deny the positive impact of reforms on the accessibility and quality of education. The national standards of education in Germany successfully solve three tasks: to provide individual education and cultural integration, to provide the qualifications necessary for the working and professional world, and to distribute the available vacancies in accordance with the ability and capabilities of graduates. The regional disproportion gradually disappears, remaining mainly in the range of subjects, types of schools or final examinations in gymnasiums.

Key words: Germany, the education system, regional disproportion, monitoring of education, educational poverty.

Tatiana Khrishkevich, Associate Professor of the Department of World History and Area Studies, Candidate of Historical Sciences, Docent (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: faschoda@mail.ru.

References

Primary Sources

- Armer Osten, arme Großstädte. [Elektronische Ressource]: URL: [https://de.statista.com/infografik/8305/armut in deutschland](https://de.statista.com/infografik/8305/armut-in-deutschland) (Behandlungsdatum: 16.04.2018).
- Bestandsranking, sortiert nach Berufliche Bildung / Arbeitsmarktorientierung [Elektronische Ressource]: URL: http://www.insm-bildungsmonitor.de/2017_best_i_berufliche-bildung---arbeitsmarktorientierung.html (Behandlungsdatum: 27.04.2018).
- Bestandsranking, sortiert nach Bildungsarmut. [Elektronische Ressource]: URL: http://www.insm-bildungsmonitor.de/2017_best_i_bildungsarmut.html (Behandlungsdatum: 27.04.2018).
- Bildungsgipfel-Bilanz 2014. Die Umsetzung der Ziele des Dresdner Bildungsgipfels vom 22. Oktober 2008. S. 3. [Elektronische Ressource]: URL: https://www.bundestag.de/blob/374892/5cc5464897317e054bd5221b3bcf67a0/vorlage_expertise-bildungsgipfel-data.pdf (Behandlungsdatum: 10.04.2018).
- Bildungsmonitor 2017. Eine Bildungsagenda für mehr Wachstum und Gerechtigkeit. [Elektronische Ressource]: URL: [http://www.insm bil-](http://www.insm-bil-)

- [dungsmonitor.de/pdf/Forschungsbericht_BM_Langfassung.pdf](https://www.inism-bildungsmonitor.de/pdf/Forschungsbericht_BM_Langfassung.pdf) (Behandlungsdatum: 27.04.2018).
- Bildung der Bevölkerung. Ausgewählte Tabellen des Zensus mit Stichtag 9. Mai 2011 / Erwerbstätigkeit, Bildung. [Elektronische Ressource]: URL: https://www.destatis.de/DE/Methoden/Zensus_/Zensus.html (Behandlungsdatum: 10.04.2018).
- Bildung in Deutschland 2016. Ein indikatorengestützter Bericht mit einer Analyse zu Bildung und Migration. KG, Bielefeld, 2016. S. 85. [Elektronische Ressource]: URL: <https://www.bildungsbericht.de/de/bildungsberichte-seit-2006/bildungsbericht-2016/pdf-bildungsbericht-2016/bildungsbericht-2016> (Behandlungsdatum: 09.04.2018).
- Bildungsstandards der Kultusministerkonferenz. [Elektronische Ressource]: URL: <https://www.kmk.org/themen/qualitaetssicherung-in-schulen/bildungsstandards.html#c2604> (Behandlungsdatum: 09.04.2018).
- Budget für Bildung, Forschung und Wissenschaft 2014/2015. [Elektronische Ressource]: URL: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/BildungForschungKultur/BildungKulturFinanzen/BildungsausgabenPDF_5217108.pdf?__blob=publicationFile (Behandlungsdatum: 09.04.2018).
- Dynamikranking, sortiert nach Bildungsarmut. [Elektronische Ressource]: URL: http://www.inism-bildungsmonitor.de/2017_dyn_i_bildungsarmut.html (Behandlungsdatum: 28.04.2018).
- Dynamikranking, sortiert nach Schulabbrecherquote Ausländer. [Elektronische Ressource]: URL: http://www.inism-bildungsmonitor.de/2017_dyn_i_schulabbrecherquote-auslaender.html (Behandlungsdatum: 27.04.2018).
- Einstiegsgehälter von angestellten und verbeamteten Lehrern je Bundesland. [Elektronische Ressource]: URL: <http://www.oeffentlichen.dienst.de/images/pdf/Jahresgehalt.pdf> (Behandlungsdatum: 09.04.2018).
- Fortschritt der Länder stagniert – umfassende Bildungsagenda notwendig! [Elektronische Ressource]: URL: http://www.inism-bildungsmonitor.de/pdf/bildungsmonitor_2017_bundesweit.pdf (Behandlungsdatum: 27.04.2018).
- Jahresbericht der Bundesregierung zum Stand der Deutschen Einheit 2017. [Elektronische Ressource]: URL: https://www.beauftragter-neue-laender.de/BNL/Redaktion/DE/Downloads/Publikationen/Berichte/jahresbericht_de_2017.html (Behandlungsdatum: 10.04.2018).
- Migrantenanteil in Deutschland nach Bundesländern. [Elektronische Ressource]: URL: http://www.statistik-portal.de/BevoelkGebiet/Indikatoren/BV_BS_migranten.asp (Behandlungsdatum: 27.04.2018).
- Wo stehen die Bundesländer beim Bildungscheck? [Elektronische Ressource]: URL: <http://www.inism-bildungsmonitor.de> (Behandlungsdatum: 27.04.2018).

Secondary Sources

- Romanova E. V.* Nemeckie reformy v sfere obrazovanija i nauki v XXI veke // Sovremennaja Germanija. Ekonomika i politika / Pod obshh. red. V. B. Belova. M., 2015. S. 159–189.
- Hramcov A. F.* Rol' social'nogo gosudarstva v razvitii obshhestva // Social'naja Evropa v XXI veke / Pod red. M. V. Kargalovoj. M., 2011. S. 186–224.
- Bildungsreform als Sozial reform Zum zusammenhang von Bildungs-und Sozialpolitik. Wiesbaden, 2005.
- Soziale Indikatoren. [Elektronische Ressource]: URL: <http://www.bpb.de/internationales/weltweit/megastaedte/64756/soziale-indikatoren> (Behandlungsdatum: 27.07.2017).
- Voigt M.* Bildungsarmut: Determinanten, Herkunftseffekte und Mechanismen des Hauptschulübertritts. Springer Fachmedien. Wiesbaden, 2017.

РОССИЯ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47):327

Филимонов А. В.

ПСКОВСКИЕ ЭСПЕРАНТИСТЫ И ИХ ЗАРУБЕЖНЫЕ СВЯЗИ

В статье рассказывается об организации и развертывании деятельности в 1920-е гг. обществ и кружков по изучению международного искусственного языка — эсперанто, в г. Пскове и других местностях края. Эсперантисты предпринимали попытки налаживания контактов путем переписки с трудящимися ряда зарубежных стран — Германии, Чехословакии, Голландии, Англии и др., откуда постоянно поступали корреспонденции о положении рабочих, интересовавшихся многими вопросами жизни в СССР. Эсперантистские общества действовали до начала 1930-х гг.

Ключевые слова: эсперанто, эсперантистское движение, международные связи, Союз эсперантистов Советской России (СЭСР), губернская организация, зарубежная переписка, международный пролетарский фронт.

Сколько существует человечество, разделенное национальными особенностями и языковыми барьерами, столько же предпринимались попытки найти средство общения между гражданами различных государств. И вот, в конце XIX в. (1887 г.), казалось, оно найдено: созданный варшавским врачом Л. Заменгофом искусственный язык, получивший название от псевдонима его изобретателя эсперанто (*Esperanto* — «надеющийся»), стал самым распространенным вспомогательным средством межнационального общения. Вскоре после создания эсперанто возникла всеобщая эсперантистская организация, в рамках которой с 1905 г. ежегодно проводились международные конгрессы, а в различных странах создавались многочисленные кружки, организации и общества¹.

¹ Большая советская энциклопедия. Т. 30. М., 1978. С. 740–741; Новый энциклопедический словарь. М., 2006. С. 1408; Изучайте язык эсперанто // Наш путь. 1929. 6 июня; Хромов В. Эсперанто // Молодой ленинец. 1967. 4 марта.

Одно из них незадолго до Первой мировой войны образовалось в Пскове, но в период революционных потрясений и последовавшей за ними германской оккупацией города прекратило свое существование. В то же время надежды на скорое свершение «мировой революции», создание «светлого царства социализма» в мировом масштабе как нельзя кстати повышали значимость международного языка, особенно в среде молодежи. «Товарищи! Оповестим мир о социализме», — такая надпись была выбита на жетоне, выпущенном в честь первой годовщины Октября. С окончанием гражданской войны и возрождением деятельности международной почты у комсомольцев и молодежи появилась возможность завязывать переписку со своими заграничными сверстниками, рассказывать им правду о молодой стране Советов. Характерно, что эсперанто упоминается в двух значительных произведениях о комсомольцах тех лет — «Как закалялась сталь» Н. Островского и «Мое поколение» Б. Горбатова. А писатель Лев Шейнин в книге «Старый знакомый» (1959) вспоминал, что комсомольцы 1920-х гг. «изучали эсперанто на предмет максимального ускорения мировой революции путем создания единого языка для пролетариев всех стран»².

Так или иначе, но революционное бурное время, привлекавшее своей романтикой прежде всего молодежь, способствовало росту интереса к эсперанто. Прекратившие свое существование организации и кружки на местах стали возрождаться.

12 января 1919 г. в помещении 2-го Высшего начального училища Пскова (ул. Успенская, 22) состоялось организационное собрание Псковского общества эсперантистов. Оно внесло изменения в уже имевшийся Устав общества, избрало комитет (в составе Ширшкова, Ольмана, Игнатьева, Молоткова и Калинина), ревизионную комиссию, а также агитационно-пропагандистскую комиссию (Погребов, Ольман и Игнатьев), призванную «распространять идеи эсперантистов и язык эсперанто — единый для трудящихся всех стран и частей света»³. Но по-настоящему возобновить деятельность общество тогда не смогло: помешал произошедший вскоре захват

² Измайлов С. Эсперанто и комсомольцы 20-х годов // Молодой ленинец. 1969. 9 декабря.

³ Псковский набат. 1919. 12 и 15 января.

Пскова белыми войсками, а затем появились «более важные дела», связанные с восстановлением хозяйственной и культурной жизни.

Почти одновременно с псковским начал возобновлять свою работу кружок эсперантистов в Великих Луках. Так, уже 2 февраля 1919 г. комиссия уисполкома «по ходатайству кружка эсперантистов постановила обратиться к учащимся всех школ с запросом, кто из них желает изучать эсперанто». Для желающих изучать этот «международный язык» его предполагалось «ввести в школьное преподавание в качестве обязательного предмета»⁴. Тогда эта инициатива продолжения не имела, но с окончанием на территории Псковской губернии военных действий деятельность эсперантистов несколько активизировалась. 22 мая 1921 г. в помещении лютеранской кирхи великолукские эсперантисты созвали свою конференцию и рассмотрели организационные вопросы⁵. Продолжением ее стала новая конференция, состоявшаяся 15 октября 1921 г. Присутствовавшие на ней 11 чел., а также представитель укома РКП(б) заслушали доклад комитета общества и информацию о 3-й Всероссийской конференции эсперантистов, рассмотревшие вопросы о помощи голодающим Поволжья, «об эсперантистском кооперативе» и организационные моменты. В принятой по докладу комитета за истекшие полгода резолюции рекомендовалось «в возможно ближайшем будущем времени организовать день эсперантистской агитации и пропаганды», вновь избранному комитету предлагалось «выяснить положение с выпуском “Красного эсперантиста”, назначив цену за каждый экземпляр 1000 р., каковую сумму передать в комиссию “Помгола”». Решено было также «присоединиться к кооперативу, закрепив 15 его акций на 30000 р.», а главное — конференция постановила «организовать Великолукскую группу Союза эсперантистов Советской страны», избрав ее комитет из пяти чел.: Дмитриев, Эгле, Зарин, Румшит и Вроченская, контрольно-ревизионную комиссию (Макаров, Васильев и Гусарова) и делегатов на конференцию эсперантистов Северной области. На конференции было оглашено письмо, поступившее от Вненациональной Ассоциации «Освободительная

⁴ Государственный архив Псковской области (далее — ГАПО). Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 346. Л. 19.

⁵ Псковский набат. 1921. 5 июня.

звезда» из Праги, но собравшиеся, не зная, что с ним делать, решили направить его в ЦК Союза эсперантистов «с запросом, как следует поступить с подобным письмом». Следовательно, у самих членов организации не было еще ясного представления о содержании ее деятельности, не говоря уже о том, чтобы завязать тесные связи с заграничными сверстниками. Закончилась же конференция великолукских эсперантистов пением «Интернационала»⁶. Преимущественно организационным вопросам посвящалось и собрание 22 декабря 1923 г., в очередной раз напомнившее, что кружок «ставит своей целью изучение и пропаганду международного языка эсперанто среди рабочих и служащих города и уезда»⁷. Конкретных же результатов деятельности пока что почти не проявлялось.

Образовалась инициативная группа из 7 чел. по организации общества эсперантистов и в Порхове, обратившаяся 14 ноября 1922 г. в уисполком с просьбой о регистрации его устава (проект устава прилагался к заявке). Отдел управления уисполкома спустя две недели сделал заключение, что «данный устав общества не преследует никаких политических, религиозных и национальных целей, за исключением только цели общества в смысле распространения языка эсперанто среди населения Порхова и уезда и практического применения языка в международной, идейной, кооперативной и торговой жизни населения», а потому возражений к организации общества не имел. Заключение было направлено на утверждение Президиума уисполкома, а он, в свою очередь, передал его на рассмотрение уполномоченного губотдела ГПУ по Порховскому уезду. Уполномоченный Макаров, ознакомившись с уставом, прежде всего, посчитал его в некоторых моментах устаревшим, и одновременно обратил внимание на пункт о том, что «разрешается открытие общества в тех местностях, где собирается 6 чел., желающих обучению языка эсперанто». В инициативную же группу входило 7 чел., т. е. требование устава было соблюдено, но уполномоченного насторожило другое. «Ввиду того, что изучением языка эсперанто в настоящее время заинтересовались лица и из крестьянского происхождения, — записал он, — но преимущество берет все же ин-

⁶ Отделение документов новейшей истории и по личному составу (далее — ОДНИЛС) ГАПО. Ф. 6075. Оп. 1. Д. 28. Л. 41.

⁷ Наш путь. 1923. 20 декабря.

теллигенция, которая совершенно далека от того, чтобы язык эсперанто изучался рабочими». Поэтому Макаров посчитал, что «открытие такого общества с таким уставом нецелесообразно»: «Если у лиц — инициаторов изучения языка эсперанто есть желание его распространять, то это можно сделать и без учреждения общества... Характеристика инициаторов: 1) Галактионов П. И., служил в белой гвардии, где произведен в штабс-капитаны, возвратился и в настоящее время служит в уфинотделе; 2) Филимонов Е. Г., офицер старой армии, нигде не служит; 3) Филимонов И. Г. — то же; остальные — Григорьев Д. Е., член РКП(б), Богатырев В. Ф., член РКП(б). Из разговоров с Богатыревым выяснилось, что первым, кто подал мысль о создании такого общества, был Галактионов...»⁸.

В результате общество эсперантистов в Порхове организовать в 1922 г. не удалось, что лишний раз свидетельствовало о настроенном отношении представителей новой власти ко всякого рода организациям с участием «бывших», да и к малейшим попыткам населения наладить зарубежные контакты.

Более благоприятные условия для расширения международных связей с зарубежными странами создались после «полосы дипломатических признаний» СССР западными державами в середине 1920-х гг., что повлекло и некоторую активизацию эсперантистских организаций. Более благосклонно стала относиться к ним и власть. В декабре 1924 г. организовался кружок эсперантистов при клубе им. Томского в Пскове, а в 1926 г. вследствие растущего интереса к эсперанто была начата организация губернского отделения Союза эсперантистов⁹. В конце того же года группа псковских эсперантистов — слушателей курсов эсперанто, поместила в международной эсперантистской газете «Вненационалист» (издавалась в Германии) свой адрес, изъявив желание переписываться с зарубежными коллегами. В течение 1927 г. в Пскове получили 9 открыток, присланных из разных стран: из Англии — от слесаря, из Франции — от железнодорожника и столяра, из Венгрии — от учащегося (по-видимому, от студента), а из Германии — от нескольких рабочих и служащих. Авторы писем выражали желание завязать с псковскими эсперантистами постоянную переписку, т. к. их очень интересовала жизнь тру-

⁸ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 105. Л. 89-93.

⁹ Псковский набат. 1924. 7 декабря; 1926. 29 апреля.

дящихся в СССР, вопросы социалистического строительства. В результате псковские эсперантисты стали на практике применять знания, полученные при обучении на курсах¹⁰.

Так, приступил к налаживанию связей с аналогичными обществами за рубежом кружок, созданный в 1926 г. в школе повышенного типа для взрослых. Первой страной здесь оказалась Германия, благо отношения с нею были урегулированы подписанием ряда договоров с СССР 1922–1924 гг. Псковские эсперантисты направили в Германию ряд писем, на которые вскоре получили ответы¹¹. Псковичи попытались расширить международные связи, перенеся их на Чехословакию, но в 1927 г. в этой стране произошли события, сделавшие такие контакты невозможными для всех эсперантистов СССР. Дело в том, что в 1927 г. в ряде городов Чехословакии полиция в результате проведенных обысков отобрала ряд писем и фотографий у лиц, ведущих переписку с советскими эсперантистами. Некоторые из них оказались арестованными, и им предъявили обвинение в государственной измене. Тогда ЦК Союза эсперантистов СССР предложил всем губотделам прекратить переписку с эсперантистами Чехословакии до тех пор, пока с этой страной не будут найдены новые пути связей. Получили такое предписание и в Пскове¹².

Тем не менее, ряды псковских эсперантистов продолжали расти, пополняясь прежде всего за счет учащихся. В АН СССР специальная комиссия под руководством академика С. Ф. Ольденбурга с 1927 г. была занята выработкой методов преподавания эсперанто в школах I и II ступени и вечерних школах, что не могло не сказаться на повышении внимания к нему в образовательных учреждениях. С сентября 1928 г. эсперанто в виде эксперимента стал вводиться в ряде псковских школ II ступени. В ноябре того же года в Пскове было уже четыре группы эсперантистов, два кружка образовались в Порхове. К маю 1928 г. Псковский союз эсперантистов насчитывал в своих рядах около 50 чел., новый приток членов наблюдался осенью и в конце года: в течение октября — декабря в его ряды вступило 27 чел., из них только за ноябрь — 11. В декабре 1928 г. образовался кружок из 30 чел. в совпартшколе, такой

¹⁰ Псковский набат. 1928. 12 января.

¹¹ Псковский набат. 1927. 25 марта.

¹² Псковский набат. 1927. 31 мая.

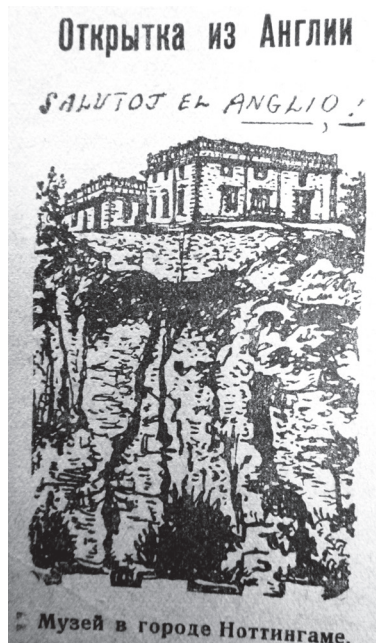

Рис. 1. Открытки, полученные псковскими эсперантистами от своих зарубежных коллег

же кружок стал создаваться в клубе им. Калинина (ул. Советская, 5), в начале 1929 г. — при Карамышевской избе-читальне (записались 20 чел.), а также ячейка в Центральном рабочем клубе Порхова¹³.

К тому времени губернского отделения Союза эсперантистов в Пскове вследствие упразднения в 1927 г. самой Псковской губернии уже не существовало, но 3–4 января 1928 г. состоялась объединенная конференция эсперантистов Псковского и Великолукского округов, положившая начало образованию отделений в двух окружных центрах. К очередному празднику — Дню печати, в редакции великолукской газеты «Наш путь» было получено поздравление из Вены (Австрия), а под письмом стояли подписи и печати редакций нескольких социалистических печатных органов: газет «Красное знамя», «Пролетарская молодежь», «Единство», «Красный пионер»,

¹³ Псковский набат. 1928. 12 января, 3 июня, 5 сентября, 14 ноября, 2 и 5 декабря; 1929. 13 января.

«Красный солдат», «Красная помощь», издававшейся в Вене чешской газеты «Рабочая свобода». «Да здравствует всемирная коммунистическая печать!» — говорилось в конце поздравления, написанного на языке эсперанто. Оно было переведено на русский язык и опубликовано в газете «Наш путь»¹⁴.

Эсперантисты Пскова летом 1928 г. решили наглядно рассказать о своей работе, открыв 2 июня в помещении клуба им. Томского (ул. Советская, 32) выставку, на которой были представлены печатные издания и переписка с обществами других городов и заграницей. Всего с 1 апреля по 30 сентября эсперантисты Псковского округа отправили за границу 247 писем, 79 газет и журналов, 49 картин и фотографий, получив в ответ 203 письма, 99 газет и журналов, 51 фотографию и картину¹⁵. А 7 октября 1928 г. состоялась первая конференция Псковского окружного отделения Союза эсперантистов Советской России (СЭСР), обсудившая разосланный на места протокол ЦК СЭСР. С большинством предложений, носивших преимущественно организационный или процедурный характер, псковичи согласились; сомнение вызвала лишь установка ЦК СЭСР на увеличение в 1928/1929 г. численности рядов окружной организации эсперантистов до 100 чел. Они посчитали это задание трудновыполнимым, хотя и постановили «принять все меры к тому, чтобы оно было выполнено по мере возможности». Численность организации предстояло за короткое время удвоить, поэтому на места была спущена соответствующая разверстка: в Пскове планировалось принять 15 чел., а в районах округа — от одного до 6 чел. Двое новых членов было принято непосредственно на указанной конференции.

По итогам обсуждения доклада о работе окружного комитета СЭСР конференция «в целях расширения эсперантистского движения среди населения» приняла развернутую резолюцию. В качестве основных мер предлагалось «озаботиться вовлечением всех членов организации в активную работу, взять курс на максимальное вовлечение в эсперантистское движение рабочих и на продвижение эсперанто в деревню, обратить особое внимание на ликвидацию эсперантистской неграмотности среди членов организации, подать в ОкрОНО в ближайшее время докладную записку о введении эсперан-

¹⁴ Псковский набат. 1928. 31 мая; Наш путь. 1928. 5 мая.

¹⁵ Псковский набат. 1928. 3 июня; 1929. 13 января.

то в школах, шире развивать сеть кружков по изучению эсперанто при клубах и заводах, в деревне — при избах-читальнях и библиотеках, подготовить для этого «кадр инструкторов», поддерживать более тесные контакты с Ленинградской организацией СЭСР, усилить подписку на печатные издания — «Известия СЭСР» и «Сеннациуле» и др. В заключение конференции «ввиду переезда Центральной библиотеки на новое место» поручила двум членам комитета «договориться с зав. библиотекой о возможности получения помещения для окружного комитета»¹⁶.

После окружной конференции псковские эсперантисты продолжали поддерживать путем переписки зарубежные связи. Особой активностью здесь отличалась эсперантистка М. М. Вронская (Сельхозбанк), которая переписывалась с заграничными коллегами уже в течение ряда лет. В 1929 г. по рекомендации газеты «Псковский набат» она написала пространное письмо своим корреспондентам в Голландии и Англии, в котором рассказала о положении рабочих в СССР, и в свою очередь просила заграничных коллег осветить вопросы положения женщин-работниц и состояния безработицы в странах Запада. Письмо это заинтересовало рабочих Амстердама, оно было помещено в коммунистической газете «Трибуна», и содержание его стало известно жителям других городов Голландии. От одного из рабочих завода электрических машин в Эйдговене М. М. Вронская вскоре получила ответ: «Я прочитал Ваше письмо в нашей коммунистической газете “Трибуна”. Шлю пламенный, братский привет от коммунистов Эйдговена. Я работаю на заводе, изготовляющем машины “Филипп”. Да здравствует СССР! Будущее за нами, товарищ!».

3 сентября 1929 г. в адрес М. М. Вронской поступило и письмо из Ноттингема (Англия), в котором рабочий-эсперантист писал: «Я сердечно благодарю за письмо, которое прочел с огромным интересом. Отвечу Вам на Ваши вопросы...». Далее автор приводил краткую характеристику Ноттингема — древнего города с двухсоттысячным населением, в котором имелись предприятия угольного, химического, металлургического и кружевного производства, но тем не менее в нем насчитывалось до 6500 безработных. После этого английский эсперантист подробно рассказал о состоянии безработицы, положении

¹⁶ ГАПО. Ф. Р-247. Оп. 1. Д. 2. Л. 6-7.

женщин-работниц, замалчивании в официальной прессе достижений СССР в деле социалистического строительства, а в заключение заметил: «Я глубоко уверен, что наши русские товарищи с успехом выполнят пятилетний план. Когда революция достигнет Англии, мы также поможем строить социализм». Тут же он очертил круг вопросов, вызывающих у английских рабочих особый интерес: когда начался пятилетний план, будут ли по нему строиться какие-нибудь предприятия в Пскове, если да, то на какие средства (средства местной власти, кооперативные или от центрального бюджета), сколько безработных насчитывается по всему Союзу и в Пскове, имеются ли в Пскове библиотеки, театры, помещения для собраний, легко ли рабочие могут получить книги, будет ли война против СССР, и др. «Это пространное письмо показывает, — отметила редакция «Набата», — что за нашим пятилетним планом и его выполнением рабочие Англии следят с напряженным интересом».

Аналогичные вопросы интересовали и голландского рабочего-эсперантиста Р. Кохтера из Амстердама, письмо которого М. М. Вронская получила 15 сентября того же года. Он сообщил, что из 750 тыс. жителей Амстердама 12 тыс. чел. являются безработными, особенно тяжело живется безработным-женщинам, что о Советском Союзе в голландских газетах пишется заведомая неправда, поэтому Р. Кохтера, например, интересовало: «Правда ли, что в Советской России пьют очень много водки, и что в этой стране молодые и старые — почти все пьяницы?». Заметив, что это явление в полной мере характерно и для Голландии, он все же добавил: «Я радуюсь, что в Советской стране рабочий класс могущественен, и что нет в вашей стране национальной розни, о которой так много кричат наши буржуазные газеты».

«Что мы можем написать в ответ на задаваемые в письмах вопросы? — писал «Псковский набат», подводя итог обзора полученных из-за границы писем эсперантистов. — Во-первых, как ни позорно, а приходится признать, что многие среди рабочих и крестьян еще пьют, и пьют много. Во-вторых, хоть много и бессовестно врут буржуазные газеты о еврейских погромах, а все-таки надо признать, что случаи антисемитизма в рабочей среде бывают».

Следовательно, зарубежная переписка эсперантистов лишней раз обращала внимание на имевшиеся в СССР про-

блемы и заставляла принимать меры по искоренению многих «социальных язв». «Опыт же т. Вронской, — заметил «Набат», — необходимо развернуть как можно шире. С этой целью редакция «Набата» на днях созывает совещание эсперантистов, живущих в г. Пскове, с участием рабкоров»¹⁷.

Множество писем из-за границы поступило в адрес редакции «Набата» в декабре 1929 г., и почти все они в переводе М. М. Вронской увидели свет на страницах газеты. Так, рабочие В. Шоеман и Ф. Пельгрим (г. Эндховен, Голландия) в очередной раз рассказали о жизни рабочих фабрики «Филипс», о симпатиях их к СССР, благодарили за присланную из Пскова газету со статьей И. В. Сталина «Год великого перелома», которую они перевели и передали для публикации в газете «Трибуна». В заключение на русском языке было написано: «Я и мои товарищи кланяются нашим товарищам в Пскове». Во втором письме В. Шоеман рассказал о жизни рабочих г. Эшпедде, куда он переехал после увольнения с фабрики «Филипс». «Расскажите моим русским товарищам, как живет в Голландии рабочий класс. Приветствую товарищей и друзей в Пскове. Ваш товарищ, единомышленник и друг В. Шоеман». Третье письмо тоже пришло из Голландии — из Амстердама, и рассказывало о положении безработных. В заключение автор его специально интересовался эсперанто: «Товарищи, напишите мне, что делается у вас для распространения эсперанто и для международного алфавита». В числе полученных писем оказалось послание рабочего — социал-демократа из Лейпцига (Германия), а еще одна «весточка» пришла опять же из английского Ноттингема. Автор последней, как и рабочие Эндховена, тоже благодарил псковичей за присланную газету со статьей И. В. Сталина: «Спасибо за газету! К сожалению, я не могу найти кого-нибудь, кто бы мог прочесть статью т. Сталина. Никто из знакомых не понимает русского языка. Я очень хочу изучить его... Шлю братский привет всем вам и вашим товарищам в Пскове».

Таким образом, заключала редакция «Набата», «в письмах проявляется огромный интерес рабочих капиталистических стран к жизни пролетариата СССР. Отсюда надо сделать вывод о необходимости расширить нашу переписку с иностранными рабочими, с помощью эсперанто ковать единый

¹⁷ Псковский набат. 1929. 3 октября.

международный пролетарский фронт для решительной борьбы с капитализмом, за мировую пролетарскую революцию»¹⁸.

Но развернуться по-настоящему эсперантистам Пскова, как и всей страны, не удалось, т. к. с начала 1930-х гг. отношение властей к изучению эсперанто начало меняться. На эсперантистов все больше стали смотреть с подозрением, более того — в обстановке развернувшейся «охоты на ведьм», поиска «врагов» и т. п. их начали обвинять в шпионаже, попытках использовать связи с границей во вред Советскому государству. В результате организации и кружки эсперантистов один за другим прекращали свою деятельность. В марте 1932 г. газета «Псковский колхозник», например, сообщила, что «из-за отсутствия руководства развалился кружок эсперантистов в Пскове»¹⁹, за ним последовал распад других. Вскоре любителей эсперанто в Псковском крае не осталось.

Источники

ГАПО. Ф. Р-247. Оп. 1. Д. 2.

ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 346.

ОДНИЛС ГАПО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 105.

ОДНИЛС ГАПО. Ф. 6075. Оп. 1. Д. 28.

Газета «Псковский набат». 1919. 12 и 15 января; 1921. 5 июня; 1924. 7 декабря; 1926. 29 апреля; 1927. 25 марта, 31 мая; 1928. 12 января, 31 мая, 3 июня, 5 сентября, 14 ноября, 2 и 5 декабря; 1929. 13 января, 3 октября; 1930. 8 января.

Газета «Псковский колхозник». 1932. 30 марта.

Газета «Наш путь». 1923. 20 декабря; 1928. 5 мая; 1929. 6 июня.

Литература

Большая Советская Энциклопедия. Т. 30. М., 1978.

Новый Энциклопедический Словарь. М., 2006.

Измайлов С. Эсперанто и комсомольцы 20-х годов // Молодой ленинец. 1969. 9 декабря.

Хромов С. Эсперанто // Молодой ленинец. 1967. 4 марта.

Филимонов Анатолий Васильевич, профессор кафедры отечественной истории, кандидат исторических наук, профессор (Псковский государственный университет, г. Псков, Россия); эл. почта: kafotist@pskgu.ru.

¹⁸ Псковский набат. 1930. 8 января.

¹⁹ Псковский колхозник. 1932. 30 марта.

Pskov Esperantists and Their Foreign Relations

Created at the end of XIX century by the Warsaw doctor L. Zamenhof the artificial language called Esperanto by virtue of its simplicity and accessibility has become the most common means of interethnic communication. Among those who studied it one can name writers L. Tolstoy, R. Rolland and M. Gorky, scientists K. Tsiolkovsky and V. Obruchev, composer and pianist S. Taneyev. The Universal Esperanto Organization, established since 1905, annually held international congresses, and numerous circles, organizations and societies were established in the regions in various countries. They were formed in Russia, including in Pskov.

But during the years of the First World War and the subsequent revolutionary events, most Esperanto circles disintegrated, and began to revive after the end of the Civil War. Again, circles of Esperanto were created in Pskov and Velikiye Luki, later in the municipalities of the province; in 1926 a provincial branch of the Union of Esperantists was formed. Due to the abolition of the Pskov province in 1927, two district departments - the Pskov and Velikie Luki districts – emerged on its base. Since 1926 the correspondence of the Pskov Esperantists with similar societies abroad began to be adjusted. The first country was Germany, then the exchange of letters and correspondence with workers of Czechoslovakia, Holland, and England began (occasionally, with France and Hungary). The workers of these countries and the Pskov people informed each other about the living conditions of the workers in the USSR and in the West, the problems of unemployment, many domestic issues, etc. Many foreign letters in translations were published in the pages of the newspaper Pskov Nabat.

The most fruitful in terms of foreign contacts were for the Pskovians the years of 1928–1929, when the number of Pskov Esperantists exceeded 50 people. However, from the early 1930's their activity as well as all Esperantist groups in the USSR decreased, and then they disappeared completely.

Key words: Esperanto, Esperanto movement, international relations, Union of Esperantists of Soviet Russia (SESR), provincial organization, foreign correspondence, international proletarian front.

Anatoly Filimonov, Professor of the Department of Russian History, Candidate of Historical Sciences, Professor (Pskov State University, Pskov, Russia); e-mail: kafotist@pskgu.ru.

References

- Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya. T. 30. M., 1978.
Novyj Enciklopedicheskij Slovar'. M., 2006.
Izmajlov S. Esperanto i komsomol'cy 20-h godov // Molodoj leninec. 1969. 9 dekabrya.
Hromov S. Esperanto // Molodoj leninec. 1967. 4 marta.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	Вестник древней истории. М.
ИФЖ	Историко-филологический журнал. Ереван.
РИ	Российская история. М.
AJNES	Aramazd. Armenian Journal of Near Eastern Studies. Erevan.
CSCA	California Studies in Classical Antiquity. Berkeley.
DNB	Dictionary of National Biography. London.
JANES	Journal of the Ancient Near Eastern Society. New York.
JHS	The Journal of Hellenic Studies. London..

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ научного альманаха «Метаморфозы истории»

Рукописи представляются в редколлегию альманаха в электронном виде. Набор текста осуществляется в текстовом редакторе Microsoft Word со следующими параметрами: шрифт — Times New Roman, междустрочный интервал — 1, размер шрифта — 14, все поля — 2 см, выравнивание — по ширине, абзацный отступ — 1,25 см. Файл с электронным вариантом рукописи должен иметь формат *.doc. Объем рукописи **не должен превышать** 1 авторского листа (40 000 знаков с пробелами). Иллюстрации выполняются в графических редакторах и представляются дополнительно к тексту рукописи в виде отдельных графических файлов форматов *.tif или *.jpg с разрешением не ниже 300x300 dpi.

Материалы для опубликования могут быть представлены в редколлегию журнала на русском и английском языках.

Адрес для отправки рукописей: metamist@mail.ru.

Вместе с текстом статьи в редакцию представляется **авторская справка**, в которой **обязательно** указываются: фамилия, имя, отчество (полностью), полное и краткое наименование организации, являющейся местом работы (для аспирантов — учебы) автора, должность, ученая степень, ученое звание, контактная информация (телефон, адрес электронной почты). Фамилия, имя, отчество автора приводятся **на русском и английском языках**.

Материалы, представляемые для опубликования, должны содержать шифр УДК, а также на русском и английском языках: заглавие; резюме (250–400 печатных знаков — на русском языке; **1600–1700 знаков — на английском языке**); ключевые слова (до 10 слов).

Резюме на английском языке является **отдельным** (т. е. **не вторяющим** русскоязычному резюме) и **крайне важным** элементом статьи. Оно должно представлять собой **краткий реферат, ясно и достаточно полно передающий содержание статьи** для не владеющих русским языком читателей.

Ссылки на используемую литературу оформляются в виде **подстрочных ссылок** (примечаний) **в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 — 2008**. Размер шрифта — 10, интервал — 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ — 1 см. Точка и тире, разделяющие области библиографического описания, заменяются точкой (т. е. **тире не ставится**); издательство, объем работы в страницах **не указываются**. При ссылке на конкретные страницы работы указываются их номера. Фамилия и инициалы автора выделяются курсивом. Например:

¹ *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. М., 1990. Т. 2.

² *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. М., 1990. Т. 2. С. 27–29.

При ссылке на публикацию в сборнике, журнале и т. п. **указываются** номера первой и последней страниц публикации, либо конкретные страницы, на которые делается ссылка. Например:

³ *Корявко В. И.* Эволюция форм применения объединений ВМФ // *Военная мысль.* 2006. № 4. С. 64–67.

⁴ *Корявко В. И.* Указ. соч. С. 64.

⁵ Там же. С. 66.

Пример ссылки на Интернет-ресурс:

⁶ *Ермолова И. Е.* Римская империя и федераты в IV в. // *Новый исторический вестник.* 2001. № 4. [Электронный ресурс]: URL: http://www.nivestnik.ru/2001_2/3.shtml#_ednref19/ (дата обращения: 28.05.2012).

Пример ссылки на архивный документ:

¹ Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. 12. Оп. 7. Д. 29. Л. 3.

² ГАПО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 23. Л. 7, 7 об.

Ссылки на сочинения древних и средневековых авторов помещаются в тексте статьи в круглых скобках с сокращением имени автора и названия сочинения по общепринятым правилам, указанием номера книги римскими цифрами, главы и параграфа – арабскими. Например: (*Arrian. Anab.* II.3.2, 4.2–3; III.1.2; *Greg. Tur. Hist. Franc.* III.2; *Nerod.* III.51).

При использовании иллюстраций **обязательно** приводятся ссылки на их источники.

Слова «век», «века», «год», «годы», наименования мер длины, массы и т. п., числительные («тысяча», «миллион», «миллиард» и т. д.) **сокращаются** («в.», «вв.», «г.», «гг.», «м», «км», «кг», «т», «тыс.», «млн», «млрд» и т. д.).

В конце статьи приводится составленный в алфавитном порядке список использованных источников и литературы, куда включаются все публикации, на которые имеются ссылки в тексте. Список оформляется по тем же правилам, что и ссылки; размер шрифта – 14. Все слова, кроме артиклей и предлогов, в названиях работ на английском языке пишутся с заглавной буквы.

К статье отдельным файлом **обязательно** прилагается список использованных сокращений:

НИИ – Новая и новейшая история. М.

RE – *Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.* Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa. Stuttgart.

Рукописи рецензируются. По итогам рецензирования редколлегия имеет право возвратить рукопись автору для доработки либо отказать в принятии ее к публикации в случае несоответствия профилю журнала или недостаточно высокого научного уровня.

Направляя статью для опубликования в альманахе «Метаморфозы истории», автор тем самым:

1) гарантирует, что представленная статья ранее не была опубликована, и он действительно является ее автором;

2) выражает согласие на размещение электронной копии статьи в открытом доступе в сети Интернет.

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, библиографических описаний, статистических данных, имен собственных и прочих сведений.

ПРИМЕР оформления рукописи статьи

УДК 94(5)

Иванов И. И.

РОССИЯ И ЛИГА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

На современном этапе отношения Российской Федерации (РФ) и Лиги арабских государств (ЛАГ) характеризуются рядом новых тенденций. В статье рассмотрены экономические и политические аспекты взаимоотношений России и ЛАГ в начале XXI в. Отдельное внимание уделено проблеме глобализации.

Ключевые слова: Россия, Лига арабских государств, глобализация, экономика, политика.

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Источники

Herodoti Historiarum libri IX / Ed. H. R. Dietsch. Ed. altera, stereotypa. Lipsiae, 1903. Vol. 2.

Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян / Пер., примеч. и послесл. С. И. Радцига. 3-е изд., испр. М., 2007.

Литература

Гаврилов В. П., Ивановский С. И. Общество и природная среда. М., 2006.

Ермолова И. Е. Римская империя и федераты в IV в. // Новый исторический вестник. 2001. № 4. [Электронный ресурс]: URL: <http://>

www.nivestnik.ru/2001_2/3.shtml#_ednref19/ (дата обращения: 28.05.2012)

Шмидт С. О., Гутниova Е. В., Исламов Т. Р. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) // ННИ. 1985. № 3. С. 42–54.

Frye R. N. The History of Ancient Iran. München, 1984.
Ivan I. Ivanov

Russia and the League of Arab States

At the present stage the relationship of Russian Federation (RF) and the League of Arab States (LAS), or Arab League, is characterized by a number of new trends. The article describes the economic and political aspects of relations between Russia and the Arab League at the beginning of XXI century. A special attention is paid to the process of globalization.

Key words: Russia, the Arab League, globalization, economics, politics.

GUIDELINES for authors of “Metamorphoses of History”

This guide describes how to prepare contributions for submission. We recommend you read this in full if you have not previously submitted a contribution to “**Metamorphoses of History**”. Papers must be submitted to the editorial board in the form of electronic documents prepared in Microsoft Word with the following parameters:

Font and Spacing: the usual font for “**Metamorphoses of History**” is Times New Roman and the size is always 14-pt. Single space your paper.

Margins: the standard margin size is 2 cm for all four sides. Text should be justified, indented 1.25 cm.

Please save Word documents using the file extension doc. Instructions to do this are as follows:

Select the Office button in the upper-left corner of the Word 2007 window and choose “Save As”;

Select “Word 97 – 2003 Document”;

Enter a file name and select “Save”.

The paper should not exceed 1 author’s sheet (40000 characters with spaces). Illustrations and figures must be presented as **separate** graphic files of *.tif or *.jpg format with a resolution not lower than 300x300 dpi.

Papers for publication may be submitted to the editorial board in English or in Russian.

Address for submission of manuscripts: **metamist@mail.ru**.

All papers are published in the almanac without any charges.

Please fill out and submit your **Author Information** which must include: first name, middle name, surname; contact information (telephone number and e-mail address) and **Author Affiliation:** include department, institution (full and short titles of the place of work), position, academic

degree, academic rank. Graduate students should give the name of their university.

Contribution for publication should include its **title**, **abstract** (300–500 characters, spaced), **keywords** (up to 10 words or terms).

References in the text of the article should be given as **footnotes**. The usual font is Times New Roman and the size is 10-pt, single-spaced, justified, indented 1 cm, the author's name should be given in italics. For example:

¹ *Sykes P.* A History of Persia. Vol. 1. London, 1921. P. 19–21.

² *Sykes P.* Op. cit. P. 19–20.

³ *Ibid.* P. 117.

When referring to an article in a book, a magazine, etc., the numbers of the first and last pages of the publication or specific pages to which a reference is made **must be indicated**. For example:

⁴ *Mommsen Th.* Ammians Geographica // Hermes. 1881. Bd. 16. S. 602–636.

⁵ *Drijvers J. W.* Ammianus Marcellinus' Image of Arsaces and Early Parthian History // The Late Roman World and its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus. London New York, 1999. P. 193–206.

⁶ *Mommsen Th.* Op. cit. S. 635.

⁷ *Drijvers J. W.* Ammianus Marcellinus' Image of Arsaces and Early Parthian History. P. 203.

References to the works of Classical and Medieval authors are placed in the text in parentheses with the abbreviations of the name of the author and the title of works according to common rules, specifying the number of the book in Roman numerals, whereas chapters and sections are given in Arabic. For example: (Arrian. *Anab.* II.3.2, 4.2–3; III.1.2; Oros. III.16.12; Greg. Tur. *Hist. Franc.* III.2; IV.1–3).

When using illustrations links to their sources **should be given**.

The contribution must be supplied with the **list of used primary sources and secondary sources** (books, articles) in alphabetical order, which includes all the publications, which are referred to in the text.

A separate file with the list of abbreviations is required. For example: CQ – The Classical Quarterly. Oxford.

DOP – Dumbarton Oaks Papers. Washington (D.C.).

Papers are evaluated by means of peer review. The paper may be accepted for publication without any further changes required from the authors, or it may be accepted for publication in principle once the authors have made some revisions in response to the referees' comments, the paper can be rejected with no offer to reconsider a submitted version, if it doesn't correspond to subject area of this almanac or does not report original scientific research and is of no scientific importance.

Authors are responsible for the accuracy of facts, figures, citations, statistic data, proper names and any other information.

An example of formatting a paper is **given below**.

John J. Johnson

Russia and the League of Arab States at the Modern Stage

At the present time the relationship of the Russian Federation (RF) and the League of Arab States (LAS), or Arab League, is characterized by a number of new trends. The article describes economic and political aspects of relations between Russia and the Arab League at the beginning of the XXI century. A special attention is paid to the process of globalization.

Key words: Russia, the Arab League, globalization, economics, politics.

The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article.

The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article.

Primary sources

Herodoti Historiarum libri IX / Ed. H. R. Dietsch; cur. H. Kallenberg. Ed. altera, stereotypa. Lipsiae, 1903. Vol. 2.

Dionis Cassii Cocceiani Historia Romana. Vol. 4 / Cum annot. L. Dindorfii. Lipsiae, 1864.

Secondary sources

Brunt P. A. Persian Accounts of Alexander's Campaigns // CQ. 1962. Vol. 12 (56). P. 141-155.

Cameron A. Agathias on the Sassanians // DOP. 1969-1970. № 23/24. P. 67-183.

Drijvers J. W. Ammianus Marcellinus' Image of Arsaces and Early Parthian History // The Late Roman World and its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus. London; New York, 1999. P. 193-206.

Bacevich A. The New American Militarism. Oxford; New York, 2005.

Научное издание

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ
Metamorphoses of History

Научный альманах
Scientific Almanac

Выпуск 12
Issue 12

*На первой странице обложки: Эдип разгадывает загадку Сфинкса.
Изображение на античной вазе
(Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1954. С. 421).*

Технические редакторы:
В. А. Дмитриев, М. Е. Самуйлова
Корректор: С. Н. Емельянова
Компьютерная верстка: Н. А. Васильева

Подписано в печать 21.11.2018. Формат 60x90/16.
Гарнитура Book Antiqua. Объём издания усл. п. л. 14,0.
Тираж 100. Заказ № 5569.

Отпечатано на Versant 2100.

Адрес издательства:
180000, Россия, г. Псков, ул. Л. Толстого, д. 4^а, корп. 3^а.
Издательство Псковского государственного университета